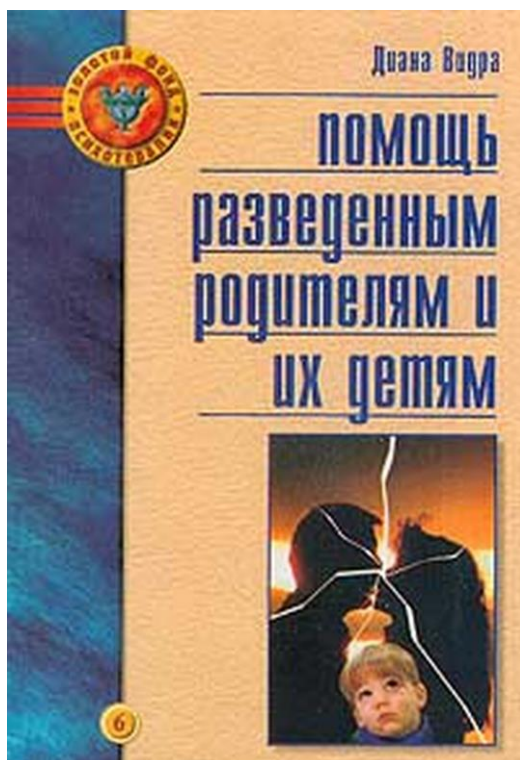

Диана ВИДРА

ПОМОЩЬ РАЗВЕДЕННЫМ РОДИТЕЛЯМ И ИХ ДЕТЯМ: ОТ ТРАГЕДИИ К НАДЕЖДЕ

Издательство Института Психотерапии
Москва
2000

Эксклюзивное право издания книги на русском языке принадлежит Институту Психотерапии. Все права защищены.

Любая перепечатка издания является нарушением авторских прав и преследуется по закону.

Опубликовано по соглашению с автором.

Диана ВИДРА

Помощь разведенным родителям и их детям: от трагедии к надежде. По страницам научных трудов Гельмута Фигдора. — М: Издательство Института Психотерапии, 2000. - 224 с.

В наше время развод из явления чрезвычайного перешел в разряд «нормы». Общественное мнение реагирует на него двояко. Оно, признавая право на освобождение от ставшего невыносимым супружества, в то же время осуждает развод за причинение душевного вреда детям.

Как сделать, чтобы развод и его последствия не причиняли горя детям и боли родителям, чтобы неурядицы, возникающие после развода, не тянулись годами? Проблемы детей невозможно решить отдельно от проблем родителей, ведь известно, что несчастный человек не может никого сделать счастливым.

В этой книге родители и психологи найдут ответы на тревожащие их вопросы. Она даст возможность большинству матерей и отцов избежать бед, которые потом становятся непоправимыми, поможет понять свои собственные чувства, а значит получить над ними власть и не позволять им слепо руководить собой.

Книга адресована психологам, педагогам, социальным работникам и, в первую очередь, родителям, которые хотят помочь себе и своим детям.

ISBN 5-89939-019-0

ЦГПБ им. Н.А.Некрасова

Отдел абонементного обслуживания Сектор _____

© Диана Видра, 2000

О Издательство Института Психотерапии, 2000

83 2 18 3-3

СОДЕРЖАНИЕ

О Гельмуте Фигдоре.....	5
Предисловие.....	7
От автора.....	9
Введение.....	20
-	
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ Переживание ребенком развода.....	23
Прежде всего, родители, они ведь тоже люди.....	24
«Ответственность за вину».....	29
Психологический момент развода.....	32
Видимые и скрытые реакции ребенка на развод.....	36
Что чувствует ребенок?.....	38
Послеразводный кризис и «скорая помощь».....	47
Как дети реагируют на развод? Крик о помощи!	57

Роль самочувствия родителей.....	62
Усиление страха и срыв психической защиты.....	68
Ребенок регрессирует.....	74
После травмы.....	78
ЧАСТЬ вторая. Психическое развитие ребенка до развода.....	81
Нарушение отношений в раннем возрасте.....	83
Тройственные отношения и процесс индивидуализации.....	92
Эдипово развитие (с трех до семи лет)	115
Реакции детей на развод.....	129
ЧАСТЬ третья Психическое развитие ребенка после развода.....	139
«Злые матери», «безответственные отцы» и «настроенные против» дети.....	149
«Мама, я не хочу к папе!», «Папа, я хочу жить с тобой!».....	153
«Ребенка настроили против меня!»	156
Любовь ребенка к разведенному супругу причиняет боль и внушает страх.....	158
«У отца ему можно все, а я, получается, злая!».....	161
«Педагогизирование» отношений материи ребенка после развода.....	164
«Ребенок принадлежит мне!».....	168
Вместо радости — разочарование и стресс.....	173
«Отец больше глаз не кажет!».....	177
«Разведенный» ребенок.....	179
Отношение к отцу после развода.....	180
«Мамаздесь, палатам...».....	187
Влияние развода на психическое развитие: от ребенка к взрослому.....	197
Заключение: новые партнеры родителей.....	207
ПРИЛОЖЕНИЕ. Короткий экскурс в психоанализ.....	211
Что такое инфантильная сексуальность?.....	212

О ГЕЛЬМУТЕ ФИГДОРЕ

Австрийскому психоаналитику и психотерапевту Гельмуту Фигдору (Helmuth Figdor) в большой степени принадлежит заслуга возрождения «классической» психоаналитической педагогики. Им разработаны теоретические концепции, на основе которых в Европе начали работу специальные учебные заведения по подготовке кадров для психоаналитически-педагогических воспитательных консультаций. Теоретические разработки Фигдора основаны на фундаменте познаний классического психоанализа о детской душе, но в отличие от «классиков» психоаналитической педагогики он ориентируется не на идею «преобразования человека» или «общую профилактику неврозов», а на изменение «воспитательной повседневности», чем дает «старой» науке принципиально новое звучание.

Фигдор — практикующий психотерапевт и его теоретические концепции прочно опираются на эмпирические исследования, обогащенные его многолетним богатейшим опытом работы с детьми и их родителями. Являясь одним из ведущих специалистов в области проблем разводов, он рассматривает трудности детей неотрывно от душевной жизни родителей, а видит весь комплекс взаимосвязанных переживаний и ставит своей задачей помочь одновременно тем и другим. Он убежден, что хорошее самочувствие детей неразрывно связано с хорошим самочувствием родителей.

Гельмут Фигдор — член Немецкой и Международной психоаналитических ассоциаций, он — доцент Венского университета и председатель Австрийского объединения «Психоаналитическая педагогика». Являясь экспертом по делам несовершеннолетних при Венском суде, ведет исследования в области проблем ресоциализации молодых людей, совершивших нарушения. Российскому читателю знакомы многие его работы, опубликованные в журналах: «Вопросы психологии» МГУ, «Психологический журнал», «Психоаналитическая наука и образование», «Московский психотерапевтический журнал», «Дошкольное воспитание»,

«Начальная школа» и др. В 1995 году издательством «Наука» был выпущен его фундаментальный труд: «Дети разведенных родителей: между травмой и надеждой». В 2000 году издательство Института Психотерапии выпустило его книгу: «Психоаналитическая педагогика». Эта книга может не только помочь родителям научиться лучше понимать душевную жизнь своих детей, но и стать своего рода «путеводителем» для детских психологов и работников консультаций по воспитанию детей и подростков.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1995 году Диана Видра перевела на русский язык мою книгу «Дети разведенных родителей: между травмой и надеждой» (издательство «Наука»). Итак, можно задать вопрос, к чему сейчас этот пересказ! На самом же деле я необыкновенно рад данной книге. И это по двум причинам.

Во-первых, моя работа о детях развода — это научный труд. Хотя я и стараюсь писать понятным языком и как можно более живо, так, чтобы неспециалисты и родители, которых коснулись эти проблемы, тоже могли извлечь для себя пользу, но в первую очередь моя книга, конечно, обращена к специалистам, а именно, к специалистам средней Европы. Поэтому в ней много теории, которая, может быть, не имеет того значения для русских психологов, а также не представляет большого практического интереса для разведенных или разводящихся родителей.

Во-вторых, книга обычно исполняет свою функцию советчика и помощника только тогда, когда она обращена к эмоциям читателя, а для этого требуется особое умение обращения с языком. Какими словами могу я наилучшим образом выразить его желания, заботы и чувства? Какими словами могу я подвигнуть его к пересмотру собственных побуждений для того, чтобы в нем появились новые силы и он сумел внести изменения в свои действия? Для этого я должен хорошо знать своего собеседника, понимать его образ мышления и его язык. Но эмоциональный язык невозможно просто так перевести, его можно лишь «перенести» в другой язык, в другую культуру, в известном смысле «пересказать» (это как стихи, которые не просто переводятся на другие языки, а для того, чтобы они дошли до сердца читателя, они переписываются или пересказываются заново).

Безусловно, задание это — не просто. В Диане Видра сошлись воедино три счастливых обстоятельства: во-первых, благодаря своим переводам, она очень хорошо знает мои труды, во-вторых, она — и это особенно редкий случай — чрезвычайно хорошо знакома с психоанализом; и, наконец, сама она писательница, и это означает, что язык — это ее стихия.

Пусть же при помощи Дианы Видра как можно большему количеству матерей и отцов удастся избежать бед, которые потом стали бы непоправимыми; пусть родители, озабоченные тяжелыми жизненными обстоятельствами, почерпнут для себя и для своих детей новую надежду; и, прежде всего, пусть детям, благодаря повышенной осторожности своих родителей, с которой те теперь будут подходить к разводу и к своему поведению после развода, удастся пройти этот самый сложный жизненный отрезок, избежав слишком тяжелых и часто непоправимых душевных травм!

Гельмут ФИГДОР

ОТ АВТОРА

«ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ДУХИ» ДОКТОРА Ф И Г Д О Р А

Психоанализ — та наука, которой, пожалуй, с наибольшим трудом приходилось пробивать себе дорогу в жизнь. Да и до сих пор нередко можно видеть негативное к нему отношение — от враждебного неприятия до высокомерного пренебрежения, — и это нередко даже у людей вполне образованных, не чужающихся нового знания. Причин тому несколько. Одной из основных, конечно, является то, что освобождение сексуальности из корсета моральных оценок и признание ее фундаментальной движущей жизненной силой неизбежно должно столкнуться с сопротивлением. Еще более важная причина заключается в том, что психоанализ, как известно, занимается изучением бессознательных душевных процессов, а они для тех, кто никогда не подвергался анализу и поэтому ничего не знает о своих собственных бессознательных влечениях, в лучшем случае кажутся бессмыслицей, в их глазах они недоказуемы и непонятны. Но самое главное — любое сознательное столкновение со многими из своих внутренних влечений вызывает в отдельной личности такое мучительное чувство стыда и страха, что отрицать их существование становится «необходимой» жизненной задачей. И чем конфликтнее внутренний мир человека, тем труднее ему признать справедливость открытий психоаналитической науки.

Интересно и со всем присущим ему блестящим литературным талантом писал об этом Фрейд: «В течение веков наивное самолюбие человечества вынуждено было претерпеть от науки два великих оскорбления. Первое, когда оно узнало, что земля наша не центр вселенной, а крошечная частичка мировой системы, величину которой едва можно представить. Оно связано для нас с именем

Коперника, хотя подобное провозглашала уже александрийская наука. Затем второе, когда биологическое исследование уничтожило привилегию сотворения человека, указав ему на происхождение из животного мира и неискоренимость его животной природы. Эта переоценка произошла в наши дни под влиянием Ч. Дарвина, Уоллеса и их предшественников не без ожесточеннейшего сопротивления современников. Но третий, самый чувствительный удар по человеческой мании величия было суждено нанести современному психоаналитическому исследованию, которое указало «Я», что оно не является хозяином даже в своем доме, а вынуждено довольствоваться жалкими сведениями о том, что происходит в его душевной жизни бессознательно. Но и этот призыв к скромности исходит не впервые и не только от нас, психоаналитиков, однако, по-видимому, нам суждено отстаивать его самым энергичным образом и подтвердить фактами, понятными каждому». Задание, прямо сказать, не из легких.

Познания психоанализа, прочно стоящие на фундаменте фрейдовских открытий, способствовали развитию психотерапевтических методов, дающих возможность излечивать больных, страдающих неврозами, что можно считать одним из величайших достижений нашего цивилизованного века. Но и все же, психоаналитическая терапия, несомненно являясь самым эффективным оружием борьбы с невротическими заболеваниями, и по сей день продолжает оставаться делом весьма дорогостоящим, как материально, так и в отношении затрат времени. Означает ли это, что психоанализу навсегда суждено остаться наукой элитарной, доступной лишь избранным? Конечно нет. Ведь лечение неврозов (различной тяжести) как таковых — не единственная область, где познания психоанализа приносят большую пользу. Сегодня они успешно применяются и в других областях, среди которых в последние годы на первое место выступает педагогика.

«Только одну тему я не могу так просто обойти, — писал Фрейд в 1938 году, — не потому, что много понимаю или сам так много сделал в ней. Совсем наоборот, я ею почти никогда не занимался. А между тем это так чрезвычайно важно, так много обещает в будущем и, может быть, является самым важным из всего, чем занимается анализ. Я имею в виду использование психоанализа в педагогике, в воспитании будущего поколения. Рад, по крайней мере, что моя дочь Анна Фрейд видит в этом свою жизненную задачу и ликвидирует, таким образом, мое упущение».

10

Надо сказать, что первые педагоги-психоаналитики, — и в их числе, кроме упомянутой дочери Фрейда Анны, можно назвать Мелани Кляйн, Марию Бонапарте, Микаэля Балинта, — ставили перед собой задачу весьма глобального масштаба, а именно общую профилактику вероятных будущих неврозов в детском возрасте (основа невротических заболеваний, как известно, закладывается в детстве). Но задача эта, к сожалению, оказалась невыполнимой по причине чрезвычайной сложности человеческой личности, где число вариантов развития, можно сказать, неисчислимо. Следует заметить, что и тоталитарные режимы в свое время играли мыслью использовать психоаналитическую педагогику, но, конечно, не для достижения индивидуального счастья отдельной личности, а для формирования поколений «правильных» — на их взгляд — людей. В Москве в первые годы советской власти существовала психоаналитически-педагогическая школа-интернат, в которой, кстати, учились отпрыски высокопоставленных членов правительства, и среди них старший сын Сталина Яков. Но и из этой затеи ничего не получилось. Когда выяснилось, что сила природы человеческих влечений не позволяет взять себя под контроль, психоанализ в России на долгие десятилетия закончил свое существование, а многие из ученых-психологов поплатились своими жизнями.

Сегодня психоанализ снова пробивает себе путь в Россию, но путь этот нелегок. Основная трудность заключается, конечно, в отсутствии профессионально подготовленных психоаналитиков. Для построения высококачественной образовательной системы в этой области специалистов следовало бы приглашать из-за границы или посылать студентов учиться в Европу. То и другое для страны, находящейся в затяжном экономическом кризисе, практически невыполнимо.

Но интерес к психологии в России огромен, в том числе к работам австрийского психоаналитика и психотерапевта Гельмута Фигдора (Helmuth Figdor). Его научные труды публикуются почти во всех московских специальных психологических журналах, в 1995 году в издательстве «Наука» был издан перевод его замечательной книги «Дети разведенных родителей:

психоаналитической педагогики в наше время. Им разработаны теоретические концепции, на основе которых в Вене начало работу специальное учебное заведение по подготовке кадров для психоаналитически-педагогических воспитательных консультаций. Теоретические разработки Фигдора стоят на фундаменте познаний классического психоанализа о детской душе. В то же время в отличие от «классиков» психоаналитической педагогики он ориентируется не на идею «преобразования человека» или «общую профилактику неврозов», а на изменение «воспитательной повседневности», чем дает «старой» науке принципиально новое развитие. Фигдор — практикующий психотерапевт и его теоретические концепции прочно опираются на эмпирические исследования и его многолетний богатейший опыт работы с детьми и их родителями. Являясь одним из ведущих специалистов в области проблем разводов, он рассматривает трудности детей не оторвано от трудностей родителей, а видит весь комплекс взаимосвязанных переживаний, стараясь помочь тем и другим. Он убежден, что хорошее самочувствие детей неразрывно связано с хорошим самочувствием родителей и видит не только большое будущее, но и достойную альтернативу дорогостоящему «классическому» психоанализу в психоаналитически-педагогической консультации для родителей. В одной из своих фундаментальных работ «Психоаналитически-педагогическая воспитательная консультация. Ренессанс одной «классической» идеи» Фигдор облакает основную проблему воспитания в метафору «педагогических духов». Посмотрим на них поближе.

Известно, что родители, обремененные трудностями и конфликтами воспитания, нередко ищут совета и помощи у психологов и педагогов. Но кто в то же время не знает, как часто, целиком признавая справедливость «добрых» и «разумных» советов, мы просто не в состоянии им следовать. В чем же тут дело? Фигдор, еще будучи совсем молодым доктором, стал задумываться над этим феноменом. Со временем ему удалось его разгадать. Вся проблема заключается не в самих советах, а в том, как они обычно даются. Если, скажем, матери, и без того переживающей из-за развода, сказать (совершенно

12

справедливое): «Не забывайте, ребенку нужен отец!», это вызовет в ней лишь бурю мучительных чувств, среди которых самое ужасное — чувство вины. А значит, это неизбежно приведет к внутреннему сопротивлению, отрицанию истинной причины всех бед и бессознательному саботированию любого «добротого совета». Ведь ей необходимо хоть как-то защитить и без того в это время такое хрупкое внутреннее равновесие.

Посмотрев поближе на психологические проблемы родителей, можно увидеть, что внутренние конфликты, лежащие в их основе, не так уж хорошо вытеснены, они буквально «рвутся» в сознание. Это конфликты так называемой психической поверхности: чувство вины и беспомощности, раненая гордость, ненависть, потребность в возмещении обид, страх перед одиночеством и потерей любви. И именно эти душевные порывы как раз и способствуют бессознательному проявлению проблематичных воспитательных действий. «Для того чтобы сделать их на длительное время сознательными и пробудить способность думать о них, необходимо лишь немного редуцировать страх, связанный с ними», — говорит Фигдор. Для этого он использует не психоаналитическое толкование реакций переноса или сопротивления, а разъяснение, то разъяснение, которое дает особенное знание, заставляющее увидеть мир в ином свете. В результате человек приобретает чувство внутренней свободы и учится формировать свою жизнь на основе разумных представлений о том, какой она должна быть. В этих случаях психоанализ говорит об эмансипации личности.

Фигдор приводит в пример понятие разъяснения, используемое при посвящении в тайны сексуальности. Благодаря психоанализу мы узнали, как сильно смущают и пугают детей их инфантильные сексуальные теории и в какой ужас может повергнуть ребенка случайное открытие существования сексуальности у его родителей. Разъяснение не только освобождает его от страха, оно открывает ему заманчивое существование другой любви, отличной по своей природе от — полной зависимости и страха перед «большими» — любви к родителям. У многих первобытных культур (сохранившихся и поныне) существовали обряды посвящения мальчиков в тайны сексуальности. В этом посвящении подчеркивается разница между «мужчинами, которые зна-

13

ют тайну, и женщинами и детьми, которым ее знать не дано». Основное значение посвящения заключается в открытии, что духов, которые до этого причиняли им столько страха, на самом деле не существует, что они служат лишь для устрашения детей и женщин, чтобы «тех можно было получше держать в руках».

Фигдор сравнивает этих духов с другими «духами», которые доставляют столько неприятностей матерям, отцам, воспитателям, учителям. Но в то же время, хотя «духи» эти и внушают большой страх, они выполняют и защитные функции: благодаря своей могучей власти они предотвращают еще большие угрозы или расчищают дорогу собственным бессознательным потребностям.

Предположим, я говорю себе: «Я — хорошая мать и поэтому я, («во имя ребенка») отказываюсь от своих личных потребностей» (среди которых могут быть желание сделать карьеру, потребность социального признания, сексуальная сторона жизни, покой, увлечения и т. д.). Но как бы замечательно ни звучало это на словах, на практике это не так. Ведь я живой человек и поэтому я не в состоянии отказаться от удовлетворения своих желаний без того, чтобы не чувствовать себя несчастной. А вытесненные потребности все равно будут настойчиво заявлять о себе, пусть даже достаточно subtilными способами: жалобами на жизнь, неблагодарность детей, обидами и т. д. Не говоря уже о том, что подобная «самоотверженность» налагает непосильный груз на детей, вызывая в них чувство вины за приносимые им жертвы.

Или я говорю себе: «Я чувствую себя в настоящее время очень нехорошо, но мой ребенок не должен этого заметить». Да как же он этого не заметит? Как бы я ни старалась, он «прочтет» мое состояние по моему выражению лица и по моим жестам — у детей по отношению к родителям существуют необыкновенно чувствительные «антенны». Плохое самочувствие матери внушает ребенку страх. Поэтому разумнее было бы поговорить с ним о том, что это вовсе не он повинен в моем плохом самочувствии, и если я не в состоянии сейчас уделить ему необходимого внимания, то это вовсе не потому, что я на него сердита. И т. д.

А вот еще один весьма опасный «дух»: «Если я все буду делать правильно, то между мной и детьми никогда не возникнет никаких конфликтов». Или: «Хорошее, партнерское воспитание должно протекать без давления, без авторитета, без наказаний или их угрозы». Но такого просто не может быть! Во-первых, нет человека, который в состоянии был бы все делать «правильно», как не существует и самого этого объективного «правильно». И, во-вторых, разве все в моих отношениях с другими людьми может зависеть от меня одной? Фигдор называет это «нарциссической иллюзией», т. е. в такой позиции заложено нечто от «человеческой мании величия». Конечно, подобный подход к делу утешает самолюбие, но, с другой стороны, он налагает слишком большую, можно сказать, непосильную ответственность. В результате малейшая неудача грозит невыносимым чувством вины и потерей чувства собственной полноценности.

Или вот еще один «дух»: «Достаточно все правильно объяснить ребенку, и он сам будет соблюдать порядок». Нет, дети устроены так, что сами они этого не могут! С одной стороны, потому что дети по природе своей «хаоты», «экспериментаторы», они просто обязаны испробовать все новое, непознанное, и с другой — тем не менее, они нуждаются в руководстве и помощи, а также в том, чтобы взрослые указывали им границы и рамки. Сами они этого не могут! Потому, что они еще дети.

Принципиально фальшивы и такие представления родителей, как: «Если мой ребенок душевно здоров, то он с удовольствием будет ходить в детский сад или в школу»; «Если с моим ребенком все в порядке, то со стороны воспитательницы или учительницы никогда не будет никаких нареканий». А разве у учителей и воспитателей не бывает своих проблем, которые они переносят на детей? И разве не бывает так, что ребенок в одном коллективе чувствует себя хорошо, а при изменении обстановки начинает шалить или вовсе вести себя «плохо»? Отсутствие проблем и конфликтов еще ничего не говорит о благополучии того или иного человека или коллектива; умение их разрешать — с наименьшими потерями для всех участников — вот истинный показатель душевного здоровья!

Многие родители считают: «Если я все буду делать правильно, то моему ребенку не придется ревновать меня к новорожденной сестренке» или: «Братья и сестры, если они душевно здоровы, обязательно только любят друг друга». Это тоже неверно. Конкуренция здесь неизбежна, и это явление

нельзя считать только отрицательным. Важно не отсутствие самой ревности, а умение с нею обращаться. Точно так же нельзя верить в то, что: «Если мать (отец) по-настоящему любит своего ребенка, то она (он) никогда не сможет пожелать хотя бы на минуту от него освободиться». В данной сентенции кроется отрицание амбивалентности (противоречивости) любовных чувств: место обидам и ненависти есть только там, где есть любовь и зависимость. Но если я принципиально не признаю за собой права иногда «быть злой на ребенка» или на минуту пожелать себе отсутствия забот, налагаемых на меня воспитанием, то любой «прорыв» чувств

подобного (агрессивного) характера неизбежно вызывает во мне захлестывающее и парализующее чувство вины. Фигдор считает это чувство главным виновником многих бед еще и потому, что оно непременно требует психической защиты: оно вынуждает закрывать глаза на действительность, отрицать очевидные вещи, уходить от ответственности, заменяя ее часто весьма сомнительными «педагогическими» теориями и т. п. Очень важно уяснить для себя разницу между (по)желаниями и действиями. Даже если я и пожелаю себе отсутствия всяческих забот, это еще далеко не значит, что я действительно освобожу себя от моих материнских обязанностей и брошу своих детей на произвол судьбы. В желаниях нет никакого преступления. Исполнение желаний — это уже зависит от реальных возможностей, общественных норм и моих моральных представлений. Стыдиться желаний тоже не стоит, стыдиться следует дурных поступков.

А вот «дух», который с удовольствием поселяется в разведенных родителях: «Мой ребенок не проявляет по отношению к разводу никаких особенных реакций, итак, разлука с отцом не повлияла на него плохо». Да как же трезвым умом можно себе представить такое: меня бросает самый близкий, самый любимый человек, а я не переживаю из-за этого? Или другой «дух развода»: «Ребенок после посещения отца совершенно расстроен. Итак, эти посещения вредят ребенку», а «дух» отца в свою очередь: «.. так... так... ребенок не хочет обратно к матери...». Нет, дети в этих ситуациях страдают не из-за свиданий с отцом, а из-за того, как эти свидания обставляются. Если они

16

чувствуют, что «мама сердится на меня за то, что я люблю и папу тоже», они начинают бояться теперь после частичной потери отца потерять еще и мать. Именно этот страх и делает их нервными, раздражительными, «капризными».

Фигдор обращает внимание и на тех «духов», которые поселяются в педагогах: «Спокойные, ненавязчивые дети — это душевно здоровые и социально развитые дети». Но и этот «дух» выполняет весьма важную функцию. Иначе учителю пришлось бы признаться себе в том, что ему гораздо легче работать с группой подчиненных, безынициативных детей, чем с тремя десятками ярко выражающих себя характеров. Психологам известно, что некоторые «трудные» дети, в общем, здоровее тех, которые являют собой пример послушания.

Или такое: «Если у меня трудности с детьми, то в этом, конечно, виноваты родители, и они обязаны что-то предпринять!». Особенно «коварным типом» считает Фигдор «дух школьного партнерства»: «Ученики, родители и учителя должны сотрудничать вместе», т. е. родители должны заботиться об успеваемости и поведении детей. Такое убеждение помогает переложить часть своих собственных задач на плечи родителей, не задумываясь о том, что необходимость делать с детьми уроки дома ведет к дополнительным семейным конфликтам.

То, что здесь образно именуется «духами» родителей и воспитателей, в жизни имеет вид моральных требований или разнообразных, часто практически необоснованных, но очень стойких педагогических теорий. Однако почему Фигдор использует здесь эту метафору «духов» (вселяющихся в непосвященных), а не говорит просто о «педагогических заблуждениях»? Все дело в том, что это не простые заблуждения, они выполняют весьма важную функцию: им приходится удерживать неприятные или вовсе невыносимые мысли и чувства от проникновения в сознание. Как мы говорили, версия самоотверженной, идеальной матери помогает предотвратить чувство вины, которое возникло бы, если бы мать призналась себе, что многое из того, что она делает «на благо ребенка», на самом деле служит удовлетворению ее личных потребностей (например, чрезмерная забота о школьных успехах ребенка, официально декларируемая как «забота о его же будущем», долж-

2 — 3435

17

на доказать мне мою полноценность в качестве матери и т. д.). Убеждение, что я могу своих детей только любить, способствует, как мы говорили, отрицанию амбивалентности в моем отношении к ребенку и, таким образом, тоже защищает меня от чувства вины или от страха, связанного с моей собственной агрессивностью по отношению к детям. Теория возможности бесконфликтного воспитания, в свою очередь, призвана освободить нас от горького осознания того факта, сколько желаний своих детей мы не в состоянии удовлетворить, какую боль причиняем мы этим нашим любимым чадам и какое разочарование и гнев должны они испытывать в наш адрес.

Вера в то, что «правильно» воспитанные, здоровые дети не имеют никаких проблем, тоже можно развенчать как производное нарциссических фантазий, которые позволяют поверить в то, что развитие и благополучие детей возможно постоянно держать под контролем. Но эти фантазии являются выражением больших страхов за ребенка. Если я верю, что дети в детском саду могут

чувствовать себя только хорошо, то у меня нет необходимости признаться себе в том, что я отдаю ребенка в сад не из соображений его лучшего (социального) развития, а, может быть, сама жизнь (работа, потребность в собственном покое и отдыхе) вынуждает меня к этому. А значит, мне не надо думать о том, что я, вероятно, причиняю своему любимому чаду большое страдание, вынуждая его расставаться с любимыми мамой и папой и долгие часы проводить в, чаще всего, далеко не блестящих условиях детского сада (где слишком большие группы и слишком мало компетентных педагогов).

Итак, здесь речь идет о совершенно особенных «педагогических заблуждениях», порожденных не простым недостатком информации, и появляются они не потому, что мне так удобнее и я иду на поводу у своих стратегий. Это те ошибочные оценки, за которые из всех сил цепляются родители по той причине, что они защищают их от прорыва чувства вины, страха, агрессии или от нарциссических обид, связанных с ущемлением чувства собственной полноценности.

Работая с родителями, Фигдор вначале очень осторожно, путем приведения в пример различных историй, инсказаний и истолкований старается расслабить их чувство вины, что по-

18

зволяет потом, планомерным образом, освободить их от влияния их «зловредных духов». Затем он дает им возможность, путем идентификации с консультантом, перенять новую, освобожденную позицию, о которой он (в применении, например, к разведенным родителям) говорит так: «Центральной диспозицией, по моему мнению, является позиция, которую я назвал «ответственностью за вину»... Ее можно выразить словами: «Все, что я или мой супруг сделали и делаем, было или есть для ребенка ужасно. И в этом так или иначе, если не целиком, то частично, и моя вина. Но я не должна себя казнить, потому что, во-первых, у меня не было другого выхода, а во-вторых, я, как взрослый человек, в состоянии ответить за этот мой шаг и за страдание ребенка. Развод и мои новые шансы на счастье могут и для него оказаться много полезнее, чем та жизнь, которую мы вели прежде. Я знаю, что в настоящий момент ему очень тяжело, и я приложу все силы, чтобы облегчить его страдание». Практический выигрыш от такой позиции огромен. Чувство вины не требует больше защиты, например, путем иллюзии, что ребенок не страдает. Вся вина не должна больше проецироваться на бывшего супруга... или направляться против ребенка, который поэтому казался просто непослушным, неверным и нелояльным и т. д.». Ребенок теперь становится тем, что он есть на самом деле: маленьким, зависимым человеком, нуждающимся в утешении.

Характерно, что после одного только разговора с матерью или с отцом об этих проблемах уже при следующей встрече можно заметить изменения. И весь секрет такого успеха заключается в том, чтобы не рассматривать ищущих совета только как родителей «бедных детей», но увидеть в них самих «бедных родителей», которые тоже нуждаются в том, чтобы их поняли и помогли им преодолеть их собственные трудности и душевные конфликты. Фигдор предлагает не «рецепты» («Делай так! Поступай так!»), его концепция направлена на внутренние изменения родителей, приобретение ими принципиально новой воспитательной позиции, основанной на терпимости и любопытстве по отношению к ребенку.

ВВЕДЕНИЕ

Положение дел в сегодняшнем цивилизованном мире таково, что развод из явления чрезвычайного давно приобрел черты относительно «нормальной» тенденции развития общества. В Австрии, например, распадается каждый третий брак, да и в других европейских странах статистика едва ли отличается от австрийской. Общественное мнение двояко реагирует на эту проблему. С одной стороны, оно защищает права на личную свободу, единодушно признавая право на освобождение от неудавшегося или ставшего невыносимым супружества, но в то же время осуждает его за нанесение непоправимого вреда детям. Что же касается педагогической позиции по отношению к разводу, то она весьма близка к моральному его осуждению.

О психологических проблемах детей разведенных родителей написано немало трудов, где дается немало советов. И советов вполне верных. Но кто не знает, как трудно они выполнимы? Почему собственно? Прежде всего потому, что развод вызывает у родителей (особенно у того из них, кто был его инициатором) такое всепоглощающее чувство вины, что оно начисто лишает их психической возможности следовать каким бы то ни было «добрым» советам. Не последнюю роль, как справедливо отмечает Фигдор, играет тот факт, что советы эти нередко начинаются с «педагогически» возведенного указательного пальца: не забывайте, «прежде всего вы должны думать о детях!». Можно себе представить, какая буря поднимается при этих словах в душе матери! И она вдруг сама чувствует себя провинившейся маленькой девочкой, которую

собираются поставить в угол. До советов ли ей теперь?! Теперь ей просто необходимо хоть как-нибудь внутренне защититься, иначе все ее, и без того довольно шаткое, душевное равновесие обрушится в пропасть. Тогда ей не остается ничего другого, как отрицать свою вину, отрицать страдание ребенка, переваливать вину на другого, а это чаще всего — разведенный супруг, и т. д.

20

Об этих проблемах и о многом другом рассказывается в научных работах и прежде всего в книге Гельмута Фигдора: «Дети разведенных родителей: между травмой и надеждой». В ней заключается такая огромная практическая ценность, что я с удовольствием постараюсь изложить ее для вас в простой и каждому доступной форме, ведь у большинства читательниц и читателей наверняка нет того времени, которое требуется для чтения научной литературы. Открытия психоаналитика и его воспитательная позиция помогут вам разобраться в некоторых собственных проблемах. По ходу изложения будет рассказано о некоторых основных понятиях психоанализа, например, таких, как «перенос», «проекция», «сопротивление», «эдипово развитие», «инфантильная сексуальность». Чувства, именуемые этими терминами, играют решающую роль в нашей душевной жизни, поэтому иметь о них представление просто необходимо. Это поможет научиться сознательно контролировать свои эмоции, а значит, обрести известную власть над формированием своих отношений с другими людьми.

Еще несколько слов о Гельмуте Фигдоре. В 1998 году Венский университет и Венское общество Зигмунда Фрейда торжественно поздравили его с двумя выдающимися событиями — с пятидесятилетним юбилеем и выходом в свет его нового труда «Дети разводов — пути оказания помощи», который является продолжением вышеупомянутой книги: «Дети разведенных родителей: между травмой и надеждой». В нем основное внимание уделено вопросам развития ребенка после развода.

Доктор Фигдор, как уже говорилось, преподает психоанализ студентам, кроме того, он руководит курсами при Обществе Зигмунда Фрейда по подготовке консультантов для психоаналитически-педагогических родительских консультаций, основателем и идейным вдохновителем коих является он сам. Ренессанс или возрождение психоаналитической педагогики во многом обязано научному вкладу доктора Фигдора. Об этом рассказывается в моей статье «Психоанализ и педагогика», опубликованной в журнале «Новый мир» (№ 1, 1998). Большая часть его деятельности протекает в стенах его личной практики, расположенной на одной из старейших улиц Вены. Секрет его успеха заключается не только в его богатейших знаниях, но, прежде всего, в его всеобъемлющей человеческой доброте, умении проникнуться чужим страданием и в безграничной любви к детям.

21

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПЕРЕЖИВАНИЕ РЕБЕНКОМ РАЗВОДА

ПРЕЖДЕ ВСЕГО, РОДИТЕЛИ, ОНИ ВЕДЬ ТОЖЕ ЛЮДИ

Следует отметить, что до сих пор подавляющее большинство психологов и педагогов, занимающихся вопросами разводов, рассматривало проблемы «пострадавшей стороны», т. е. детей, без оглядки на проблемы родителей. При таком «раскладе» родители неизбежно автоматически превращаются в некую теоретическую конструкцию, лишенную каких бы то ни было живых человеческих свойств. Им предписывают, советуют, от них ожидают или даже требуют определенных действий с такой непреложностью, словно нельзя даже предположить, что они тоже могут страдать, испытывать страх, растерянность, зависимость, отчаянье, печаль. Словно мать в любую минуту способна перестать быть женщиной, может быть, доведенной разводом до полного отчаяния, забыть свои собственные проблемы и целиком превратиться в некую идеальную конструкцию «мать». Или отец, как по мановению волшебной палочки, забудет обо всех обидах и унижениях, и тотчас, не медля ни секунды, целиком посвятит себя программе: «Ребенку нужен отец!».

Этого ожидают учителя, воспитатели, а нередко и психологи, не говоря уже о социальных работниках. По мнению Фигдора, здесь-то и кроется основная причина, почему «добрые советы» так редко приносят настоящую пользу. А все дело в том, что в этих случаях в действие вступает известный психический феномен, именуемый сопротивлением'. Подумайте сами, ведь если меня в чем-то обвиняют, пусть даже негласно, пусть даже намеком, можно ли ожидать, что я сейчас же вытянусь по стойке смирно, склонив повинную, и изъявлю искреннюю готовность тотчас выполнить абсолютно все, что от меня потребуют? Нет, скорее всего, я, даже того не сознавая, потороплюсь

1 Соппротивление — стремление пс допустить в сознательное вытесненные бессознательные желания и мысли.

24

занять оборонную позицию. Ведь механизмы моей психической защиты формировались на протяжении всей моей жизни, и не могу же я так сразу, лишь по чьему-то «доброму» совету отказаться от всех моих давно выработанных психических стратегий. Это все равно, как если бы из-под всего здания моего душевного мира вдруг выбить фундамент — стены и крыша тотчас обрушатся на меня и я под ними просто сойду с ума.

Поэтому любой разговор с родителями Фигдор начинает не советами, а проявлением понимания к их проблемам. В первую очередь, он старается разрядить напряжение и, по мере возможности, освободить мать или отца от захлестывающего чувства вины, которое представляет собой именно тот заслон, который мешает делать то, что необходимо детям. Кроме того, как он подробно рассказывает в одной из своих важнейших работ², родители часто бывают подвержены власти — как он их называет — «злых педагогических духов».

Например, рассмотрим такое понятие, как «самоотверженная мать». «Я — хорошая мать, — говорит она себе, — поэтому я отодвигаю свои личные потребности (социальное признание, профессиональные интересы, покой, увлечения, потребность в любви и сексуальных отношениях) на задний план. Но с вытесненными³ потребностями вообще-то дело обстоит не столь просто, как хотелось бы. Так или иначе, они постоянно будут стучаться в сознание и напоминать о себе неудовлетворенностью, плохим настроением, отчаянием или слишком высокими требованиями к себе и окружающим. От ребенка в ответ ожидается своего рода вознаграждение, он теперь ну просто не имеет права роптать, быть недовольным или, боже упаси, выглядеть несчастливым («я стольким для него пожертвовала!»). И если он все же проявляет недовольство, если он печален или раздражен, если его успехи в школе оставляют

2 «Психоаналитически-педагогическая консультация. Ренессанс одной классической идеи». Статья с сокращениями опубликована в «Московском психотерапевтическом журнале» (№ 1, 1997)

1 Вытеснение — перевод психического содержания (по причине его болезненности) из сознания в бессознательное и (или) удерживание его в бессознательном состоянии. Это — один из важнейших психических за-Щитных механизмов, благодаря которому неприемлемые для «Я» (сознательного) желания становятся бессознательными.

25

желать лучшего, то разочарованию матери уже нет предела: «И это за все мое добро!» У ребенка в результате зарождается то чувство вины, которое он, может быть, будет потом вынашивать всю жизнь, перенося его на другие жизненные ситуации: «Мама и без того такая несчастная, а тут еще...». Итак, самоотверженная мать неизбежно по-своему деспотична. Кроме того, наличие «жертвы» или «мученицы» обязательно предполагает и присутствие «мучителя». Каково же ребенку (пусть даже бессознательно) ощущать себя в этой роли, которая не по силам и взрослому? Другой «дух» заставляет мать верить, что ее тяжелое душевное состояние не может плохо отразиться на детях. Представьте себе, что вы вынуждены общаться с человеком, у которого почти всегда плохое настроение, разве это не станет обременительным для вашей психики, пусть даже речь идет всего лишь о коллеге по работе? Многие матери верят: «Если я все буду делать правильно, то у меня с детьми никогда не будет проблем». Но, во-первых, нет на свете такого человека, который способен был бы все «делать правильно», а во-вторых, не все в жизни зависит от меня одной. Или вот еще: «Хорошее воспитание может протекать без давления, без авторитета, а значит, без наказаний или их угрозы — достаточно ребенку все правильно объяснить, и он сам, без напоминаний будет соблюдать порядок». Ах, как было бы чудесно, если бы было именно так! Но сама жизнь устроена по-другому и здесь ничего не поделаешь. Сила детских желаний так велика, что они часто просто не терпят промедления. Однако исполнить все желания невозможно, как бы нам этого не хотелось. Мы любим своих детей и видеть их счастливыми было бы самым большим счастьем и для нас. И поэтому нам больно, когда мы не можем удовлетворить их потребности. Но какая любящая мать или какой любящий отец в состоянии признаться себе в причинении боли ребенку?! Поэтому вместо того, чтобы сказать: «Я знаю, дорогой, я сама была ребенком и прекрасно понимаю, как тебе этого хочется, но, к сожалению...», мать в отчаянии восклицает: «Ведь я так устаю, после развода мне приходится так много работать, я лезу вон из кожи, а он ничего не желает понимать! Как ты только можешь требовать новую игрушку, когда у нас и без того такое тяжелое

положение?! И я не раз уже тебе об этом говорила!». И тут происходит — с психологической точки зрения — нечто совершенно ужасное, а порой даже непоправимое: таким образом мать запрещает не просто удовлетворение желания (на что у нее, безусловно, есть основания), она отказывает ребенку в самом праве на желание! А вот этого делать нельзя! Это святое право всех нас — и взрослых, и детей — иметь свои желания. Потому что иметь желания и фантазии — непереносимое условие психического здоровья. И это не важно, выполнимы они или нет, они уже сами по себе в состоянии психически восполнить дефицит реальной жизни. К чему приводят запреты, сделанные в такой форме, нетрудно себе представить: ребенок раздражается и в этот момент, как все дети в подобных ситуациях, начинает ненавидеть мать. Ненависть сочетается в нем с чувством вины. Особенно опасно это в разведенных семьях, где ребенок не может позволить себе (о чем мы будем говорить позже) хотя бы какое-то время злиться на маму, потому что он панически боится ее потерять, а заменить ее теперь даже на короткое время нечем: отец далеко, он уже — частично, а бывает, и полностью — потерян, и мама у него одна. Тогда он обращает свою ненависть внутрь себя и во всем получается виноват он один. А это уже верная дорога к развитию устойчивого невроза.

«Если мой ребенок развит и здоров, то у него никогда не будет неприятностей ни в саду, ни в школе», — вот еще одно фальшивое представление матери или отца. Да нет же! Показателем психического благополучия является не отсутствие конфликтов, а умение их разрешать. Сами же конфликты и проблемы являются неотъемлемой частью человеческих отношений. Они неизбежны, и это следует всегда иметь в виду!

А вот еще один «дух»: «Если мать (или отец) и вправду любит своего ребенка, то она (он) никогда даже на минуту не может себе пожелать от него освободиться». Это тоже не так. Отношения родителей и детей по природе своей в высочайшей степени амбивалентны, то есть противоречивы, и это характерно вообще для всех без исключения любовных отношений. Да и Подумайте сами, конечно же вы очень любите своего новорожденного малыша, ведь он такой вам родной, крохотный и беззащитный и так нуждается в вашей заботе. Целый день вы

прикованы к его кровати, вы недосыпаете ночами, вы кормите, меняете пеленки, ходите с ним гулять, купаете, играете... За этими заботами вы забыли, когда последний раз смотрели на себя в зеркало, в кино вы не были уже целую вечность, и, даже оставив своего крохотулю на час с няней или подругой, вы мыслями остаетесь с ним и торопитесь поскорее вернуться к нему. Конечно же вы устали. Он отнимает у вас покой, свободу, вы лишены удовольствий, не говоря уже о том, что ребенок активизирует ваши собственные детские переживания, а они, к сожалению, не всегда счастливые. Так что же удивительного, если в какой-то момент вы пожалуете о тех днях, когда у вас еще не было всех этих забот?! Но в этом нет никого греха и вам не обязательно сразу же впадать в отчаяние, чувствуя себя, так сказать, моральной преступницей, — ведь вы были и остаетесь ответственным взрослым человеком и конечно же никогда не бросите своего дорого малыша.

То же самое и у ребенка. Мама и папа — единственный источник его существования. Они заботятся о нем, удовлетворяют его потребности, он любит их и гордится ими, они — самые главные в его жизни. Но как часто они отказывают ему в исполнении самых горячих и самых неотложных желаний. Ребенок вряд ли в состоянии понять, что запрет надеть красивую летнюю курточку, когда за окном минус десять, основан на соображениях его собственного благополучия, для него запрет есть всего лишь запрет, проявление родительской власти, и он раздражается, злится и желает в этот момент, чтобы родители исчезли и он мог бы делать, что ему захочется.

Но проходит короткое время, и мы снова любим друг друга. Между пожеланием и действием расстояние, как от Земли до другой галактики. В пожеланиях собственного покоя и беззаботности нет никакого греха. Ведь мы взрослые и знаем, в чем заключается наш долг, и мы отвечаем за свои поступки. Итак, всеми ему доступными способами психоаналитик прежде всего стремится ослабить в матери чувство вины, которое и создает психический заслон пониманию истинных проблем ребенка. Далее, по ходу консультирования, второй важной его заботой становится помочь родителям выработать в себе позицию, как он ее назвал, ответственности за вину.

«ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВИНУ»

Убийственное, всепоглощающее чувство вины и осознание своей вины — вещи достаточно различные. Первое парализует волю, повергает в отчаяние, вызывает стыд, лишает способности действовать разумно. Чувство это настолько невыносимо, что нам во что бы то ни стало

необходимо от него избавиться. В результате оно заставляет отрицать вину, перекладывать ее на другого, скрывать, замалчивать, не договаривать.

Предположим, я развелась с моим мужем и лишила своего ребенка возможности жить с мамой и папой, то есть лишила его защищенности полной семьи. Но при одной мысли о том, какую боль причинила я моему любимому чаду, мне самой становится невыносимо больно и стыдно. А тут еще со всех сторон «педагогические» указания: «Не забывайте...», «Подумайте...», «Ребенку нужен отец...» и т. д. Ничего удивительного, если я — и это скорее всего, бессознательно — стану искать в ребенке подтверждений тому, что развод для него не так уж и страшен. И если ребенок и вправду внешне никак не проявит своего горя — не закричит, не заплачет, — я с радостью решу, что так оно и есть. И мне просто не захочется размышлять о том, что внешние проявления мало говорят о действительных, внутренних переживаниях. И не захочу я об этом размышлять не потому, что мне не достает интеллекта или доброты, а потому что думать об этом больно и страшно и здесь-то и вступают в действие мои бессознательные защитные механизмы.

Но стоит только хотя бы немного ослабиться чувству вины, как я в состоянии буду задуматься о том, что ребенок, собственно, просто не может не переживать в такой страшной ситуации. "Разве я смогу представить себе, что, если меня бросит самый любимый человек, если он скажет мне, что мы не будем больше жить вместе, я останусь спокойной и равнодушной и меня это особенно не затронет. Как же можно ожидать подобного от ребенка?"

Однако если я знаю, что развод был неизбежен или необходим (часто разводы происходят именно в интересах детей,

29

во имя избавления их от больших бед), если, кроме того, я знаю, что несу ответственность и за свое собственное счастье и душевное благополучие и по-другому просто не могу, то я «с чистой совестью» возьму на себя ответственность за случившееся. Конечно же это именно мы, родители, повинны в тех страданиях детей, которые приносит детям развод. И если мы будем отрицать свою вину или перекладывать ее друг на друга, то это не только детям, но и нам самим не принесет ничего хорошего, мы все потеряем остатки нашего душевного покоя или же будем удерживать их слишком большой ценой. Совсем другое дело, если мать (отец) скажет: «Да, мои дорогие дети, это я причинила (причинил) вам такую боль, но у меня не было другого выхода (о чем бы ни шла речь — об избавлении от мужа-пьяницы или о своем собственном счастье и праве на любовь). И я готова (готов) ответить за это и постараюсь, насколько мне позволят обстоятельства, наладить нашу жизнь так, чтобы все мы вышли из этой тяжелой ситуации с наименьшими потерями!

Такая позиция во многом облегчает решение проблем, возникших в связи с разводом. И если вы готовы, пусть и не сито же минуто, а после размышлений на эту тему (для того, чтобы что-то изменить в себе, нужно время), придерживаться ее или, по крайней мере, понять ее справедливость и целесообразность, то, можно считать, доброе начало уже положено. Чем слабее в вас внутреннее сопротивление, тем активнее ваша воля и тогда вы уже способны не только воспринимать «добрые советы», но и следовать им.

Фигдор здраво оценивает все реальные трудности, которые приносит с собой развод: часто это денежные проблемы, социальная изоляция матери, ее усталость от непомерных нагрузок, нехватка времени и сил на свободное, счастливое общение с детьми. И на этом реально обременительном фоне протекают главные — внутриспсихические — переживания развода.

В книге «Дети разведенных родителей: между травмой и надеждой», как и в других работах Фигдора, развод рассматривается «изнутри», то есть с точки зрения душевных событий. От того, как дети переживут развод, во многом зависит их

30

дальнейшее психическое здоровье. В этой книге мы не найдем конкретных рецептов «дрессировки»: в такой, мол, ситуации нужно вести себя так, а в такой — эдак. Но в приведенных примерах мы, может быть, частично распознаем внутреннее содержание и своих собственных проблем. А стоит нам понять суть, как правильное поведение придет само по себе.

Хочется еще раз предупредить: всякое столкновение с темой развода — особенно для тех, кто в том или ином виде пережил его сам или для тех, кто его планирует, — дело ужасно болезненное. Одна только мысль о разводе (может быть, о разводе ваших собственных родителей, пережитом в детстве) активизирует такое ужасное чувство вины, страха и боли, что вам тотчас захочется отложить в сторону эту книгу — мол, потом как-нибудь. Но потом не бывает легче, потом становится еще труднее, потому что чувство вины приводит в действие внутреннее сопротивление, которое устанавливает «железобетонный» заслон всякому столкновению с

больной темой. Поэтому, я очень прошу вас, сделайте над собой усилие, попробуйте преодолеть себя, читайте дальше, пусть это тяжело и даже больно, пусть это вызывает в вас страшное беспокойство, пусть вам захочется даже плакать (непременно плачьте!), зато вы увидите, насколько легче станет вам после. Все, что узнаете вы о своих детях и о самих себе, о невидимых, но реально существующих проблемах — а главное — о психическом содержании ваших проблем, — облегчит вам понимание себя и друг друга и поможет научиться сознательно управлять событиями, а не позволять им слепо руководить собой.

Вначале мы поговорим о том, как именно ребенок переживает развод родителей, что происходит в его душе.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ МОМЕНТ РАЗВОДА

Молодая мать пришла к доктору Фигдору, чтобы получить у него «несколько педагогических советов». Своего сына Лео она охарактеризовала как живого и достаточно развитого мальчика, но с ним постоянно возникают какие-то трудности — то он не хочет одеваться или раздеваться, выключить телевизор, убрать игрушки, идти спать и т. д. Ее беспокоит также чрезмерная стеснительность сына в присутствии чужих. Все это мать рассказывает спокойно и рассудительно, как вдруг голос у нее срывается от слез: «Я больше не могу!». Нет, она никогда не мечтала иметь абсолютно послушного ребенка, да и мальчик должен быть шаловливым, однако правы, наверное, ее подруги, она слишком разбаловала сына. «Я все делаю не так!» — горестно заключает она в конце.

Час подходит к концу и психоаналитик замечает, что эта женщина достаточно много рассказала о сыне, о себе, о своих родителях и подругах, но до сих пор ни словом не обмолвилась об отце ребенка. Слезы у матери мгновенно высыхают, она держится все с большей отчужденностью и старательно пытается «увести» собеседника с «неверного следа». Да, муж не играет в их отношениях никакой роли, они уже два года в разводе, и мальчик видит отца раз в месяц, а то в два. Да нет, развод не мог плохо повлиять на ребенка, ведь ему было тогда всего два года.

Конечно, рано делать вывод, что причиной проблем между матерью и сыном является именно развод. Но все же удивительно, что эта образованная и, как она сама говорит, интересующаяся психологией женщина, полностью отвергает вероятность, что развод может, хотя бы частично, быть причиной ее трудностей с ребенком. Психоаналитику, однако, из его опыта известно, что это далеко не случайность. «...Почему мать Лео пыталась скрыть от меня развод? А точнее, у меня сложилось впечатление, что дело здесь не столько во мне, сколько в ее желании во что бы то ни стало избежать нового столкнове-

32

ния с фактом развода» Через неделю она уже сама рассказывает о том, что с рождением ребенка муж почти перестал бывать дома, о ней он совсем забыл, все свое время проводил с друзьями, они все чаще ссорились и ей не хотелось с ним спать, от чего конфликты только усиливались. Так постепенно в ней созрело решение уйти от мужа. Но она долго мучилась, думая о том, что не имеет права лишать ребенка отца. Хоть тот редко бывал дома, но мальчик очень к нему тянулся. Пожалуй, именно это огромное чувство вины и заставило мать отрицать роль отца для Лео. А значит, и роль развода в ее отношениях с ребенком. Постепенно она вжилась в представление о том, что сын просто не заметил изменения в их жизни. И мать Лео в этом не одинока.

«Что могут в действительности сделать родители для того, чтобы защитить детей от травмирующего влияния развода или, по крайней мере, уменьшить его и реализовать надежду, которую дает расторжение неудавшегося брака, ставшего, возможно, невыносимым и для детей?», — спрашивает Фигдор. Ни вид, ни тяжесть симптомов еще ничего не говорят ни о характере проблемы, ни о глубине страдания ребенка, ни о возможном влиянии на отдаленное его будущее. Здесь важно знать, какие внутренние конфликты скрываются за симптомами, то есть распознать бессознательное их значение. Исчезновение симптоматики, в свою очередь, тоже еще ни о чем не говорит. Часто со временем симптомы проявляют себя слабее, а значит, меньше мешают окружающим, что с радостью принимается за исчезновение самих проблем. Но страдания продолжают обременять душу ребенка и закладываются в его дальнейшее развитие в качестве «невротической ипотеки».

Фигдор, имея за плечами огромный опыт работы с «разведенными» детьми, раскрыл истинное содержание их переживаний и предупреждает родителей, как это опасно полагаться лишь на такой показатель, как появление и исчезновение внешних проявлений.

Более того, бурная реакция ребенка на сообщение о разводе должна была бы как раз обрадовать родителей, потому что она открыто показала бы его переживания и то, что он любит того

вместе. Кроме того, это было бы сигналом — ребенок нуждается в утешении. Но дети, кажется, имеют своего рода антенны, улавливающие волны родительских пожеланий. «Пожалуйста, пожалуйста, только не переживай, покажи мне, что ты не переживаешь!» — сигнализирует мать, и ребенок уже готов выполнить ее пожелание.

Вопрос, как преподнести сыну или дочке сообщение о разводе и преподнести ли его вообще, мучает многих родителей. Часто они скрывают, не договаривают, лгут своим детям. Например, мать шестилетнего Марио, уличив мужа в неверности, ни слова ему не сказав, переехала с ребенком к подруге. Сыну она сказала, что у них в квартире начинается ремонт и они пока проживут у тети Моники, которая его очень любила. Они с матерью вместе фантазировали, какие обои поклеить в детской. Но ремонтные работы затягивались. На вопросы об отце мальчик получал невразумительные ответы: папа, мол, работает сейчас в другом городе. Никаких дальнейших разговоров в семье об отце не велось. И так продолжалось почти два года, пока Марио не увидел наконец своего отца и не узнал всю правду.

Есть дети, которые с нетерпением месяцы и даже годы ждут возвращения отца или матери. Они печалятся, но тем не менее остаются здоровыми. А есть такие, которых уже на второй день после развода не узнать. Все зависит от того, как ребенок понимает развод: уходит папа (или мама) навсегда или он (она) вернется обратно. Что отличает развод от всех других видов разлуки, так это его окончательность, безвозвратность, необратимость изменившихся жизненных обстоятельств. И это роднит его с переживанием смерти одного из родителей. Более того, психоаналитическими исследованиями установлено, что нет ни единого критерия, по которому можно было бы отличить эти два вида разлуки. Особенно для детей до семи-восьми лет, ведь в этом возрасте они еще не понимают, что такое смерть, она для них означает: «уйти навсегда».

Психологический момент развода — это момент осведомления ребенка о таковом. В случаях с маленьким детьми или с теми детьми, которым родители дают невразумительные объяснения, в дальнейшем бывает чрезвычайно трудно установить связь их переживаний с событием развода, что влечет

34

за собой новые недоразумения, непонимание или ложные толкования «дурного» поведения ребенка. Например, Марио вначале фантазировал, что отец его работает где-то за границей, что однажды тот возьмет его с собой и покажет мальчику чужие экзотические страны. Сын с нетерпеливой радостью ждал возвращения отца. Но увливающие ответы взрослых, нескрываемое чувство неловкости или их раздражение постепенно стали оказывать свое действие. Да и папа не присылал ни писем, ни открыток, как он это делал раньше, не давал о себе знать по телефону. Сомнения начали одолевать душу ребенка и через несколько месяцев его надежда окончательно улетучилась, что и стало для него психологическим моментом развода — ребенок перестал спрашивать об отце. А еще через какое-то время Марио стал агрессивным и пугливым, вел себя как маленький, что очень удивило мать: она рассчитывала, что главное уже позади, а оно, оказывается, только начиналось.

Фигдор обращает внимание родителей на то, как важно своевременно и правдиво информировать ребенка. Да и посудите сами, как чувствовали бы себя вы, если бы человек, которого вы так сильно любите, пропал и вы не знали бы, что с ним. Да разве от этого можно не сойти с ума?!

И самое главное: уводя ребенка от откровенного разговора, вы лишаете его возможности открыто проявлять свои чувства, а значит, лишаете шансов на помощь: как можно помочь человеку, который не просит о помощи? Так появляется так называемая скрытая симптоматика, которая взрослыми трактуется чаще всего совершенно ошибочно.

ВИДИМЫЕ И СКРЫТЫЕ РЕАКЦИИ РЕБЕНКА НА РАЗВОД

Реакции на развод — это не обязательно решительные изменения во всем его поведении. Здесь речь идет о психических событиях, порожденных переживаниями развода. Конечно, события эти находят свое выражение во внешнем поведении, но взаимосвязь настолько зримо малоубедительна, что по поведению ребенка едва ли можно представить себе психологическую картину его истинной реакции. «Ошибку, которая заключается в том, что тяжесть психической нагрузки «прочитывается» по бросающимся в глаза «симптомам», совершают не только многие исследователи проблем развода, совершают ее и родители».

Петер и Роза, например, уже давно пережили развод и живут сейчас с матерью и ее вторым мужем. Петер постоянно огорчает мать плохой успеваемостью и неуверенностью в себе. Сестра

же, на три года моложе, — любимая ученица в классе, у нее хорошо развито чувство коллективизма, она в любой момент готова прийти на помощь. Психоаналитическое обследование показало, что оба подростка по-прежнему тоскуют об отце и до сих пор испытывают массивную бессознательную агрессивность, направленную на мать, которая, по их мнению, вынудила отца уйти из дому. Но эта агрессивность оказалась похороненной под внешне подчеркнуто добрым и вполне бесконфликтным отношением детей к матери. Вытесненная агрессивность у Петра проявляет себя в страхе перед духовным «насилием». Из-за того, что он бессознательно отождествляет себя скорее с матерью, чем с отчимом, чувство его мужской идентификации шатко, от чего усиливается его пассивность. Укоры совести вынуждают мальчика направлять агрессивные импульсы против себя самого, что выражается в его депрессивных настроениях. Роза, напротив, побеждает свою агрессивность путем т. н. повышенного реагирования. Уходя от конфликтов, она всегда готова на любую услугу, вплоть до самопожертвования. Но и ей такая ее чрезмерная приспособлен-

36

ность дается путем больших душевных потерь и заявляет о себе невыносимыми приступами мигрени. Удивлению матери не было границ, когда доктор Фигдор поделился с ней результатами обследования: она считала, что дети никогда по-настоящему не страдали от разлуки с отцом. Мать рассказала, как спокойно дети отреагировали на развод. Петер сказал только: «Что ж, может быть, так и лучше. По крайней мере, не будет скандалов», а Роза и того лучше: «Мне придется теперь ходить в другой детский сад?». Мать была уверена, что исчезновение напряженных отношений в семье благотворно повлияло на детей.

Безусловно, частично это так и есть. Но, с другой стороны, если дети до сих пор развивались нормально, то они конечно же должны любить и своего отца. (Страшно подумать, как выглядит душевный мир тех людей, которым не удалось в раннем детстве развить любовных отношений к родителям или пусть даже к одному из них. Из таких-то детей и вырастают те самые закоренелые преступники и убийцы, наводящие на общество такой страх.)

Одна мать вынуждена была разойтись с мужем из-за того, что он пропивал и проигрывал в карты все, что у них было. Но пятилетняя дочка любила отца нежнейшей любовью. Мать, чувствуя себя виноватой перед ребенком, пыталась хотя бы частично освободиться от своего чувства вины тем, что «открыла дочери глаза на отца»: он ставит их семью на грань нищеты. Но как она себе это представляла — стоит дочери понять, что отец опасен для их общего благополучия, как она тут же перестанет его любить? Да нет, даже взрослый человек так легко не расстается со своими чувствами!

ЧТО ЧУВСТВУЕТ РЕБЕНОК?

Прежде всего, он испытывает печаль, гнев, чувство вины и страх!

Надо только представить, что мы будем чувствовать, если нас внезапно покинет самый любимый человек! И к тому же без предупреждения. Большинство родителей не понимает, что отец, который покидает супружескую квартиру, уходит не просто от жены, он уходит и от детей. А дети, таким образом, переживают не просто развод родителей, они переживают свой собственный развод с одним из них. Очень важно понять, что дети вообще не подготовлены к тому, что их отношения к обоим родителям могут зависеть и от чего-то еще, а не только от их обоюдной любви. Даже если дети и понимают, что мама и папа часто ругаются, потому что больше не любят друг друга, но они спрашивают себя, как, например, девятилетняя Лора: «Но почему, почему он уходит от меня? Ведь он может жить в моей комнате, у него же есть я!». К печали по поводу потери отца примешивается боль сознания, что сама она недостаточно любима и не очень важна для того человека, который является главным в ее жизни.

Сознание своей второстепенности, своей беспомощности помешать разводу приводит печаль к ярости. И ярость эта может быть направлена на обоих родителей. Ребенок чувствует, что родителям их собственные запросы важнее. Как они только могут причинять ему такую боль, а ведь они всегда утверждали, что дороже детей для них нет ничего на свете! Иногда ребенок обращает свою ярость на одного из родителей, на того, кого считает виновником несчастья, в то время как с другим он себя отождествляет. Сестрам Анне и Лауре соответственно семь и шесть лет. Лаура не может простить отцу, что он покинул семью ради другой женщины. Анна же, напротив, занимает сторону отца и обвиняет мать в том, что та «выжила отца из дому» и таким образом отняла его у дочери. Это показывает, что обвинения детей мало зависят от того, кто в действительности виновен в разводе. Стоит ли вообще

38

говорить о том, что установить вину в большинстве случаев вообще невозможно — с точек зрения обоих супругов, обстоятельства выглядят по-разному. В данном случае это мать потребовала развода, уличив мужа в связи с другой женщиной. Отец разводиться не хотел. Но дети руководствуются своими чувствами, а не реальным положением вещей.

Ярость по отношению к обоим родителям может сменяться обвинениями в адрес лишь одного из них. Агрессии — это влечения, которые могут менять свой объект, и часто можно видеть, что ребенок поочередно ненавидит каждого из родителей, причинивших ему такое зло. Так и Анна, обвинявшая в основном мать, тяжело переживала свое отношение к отцу, приписывая ему предательство любви.

Но есть и еще одно обвинение, которое, с первого взгляда, может показаться абсурдным. Ребенок часто обвиняет в разводе себя! Более того, добрая часть обвинений, адресованных родителям, является лишь защитой от собственного чувства вины. Известно, что, обвиняя другого, мы часто освобождаем таким образом от чувства вины себя, что вообще относится к человеческому «душевному репертуару». Но как же дети, объективно являясь жертвами, а не «злоумышленниками», приходят к тому, чтобы обвинять себя?

Мы уже говорили, что многие из них, особенно малыши, застигнутые разводом врасплох, начинают вдруг понимать, что личные неурядицы для родителей гораздо важнее, чем их отношение к ребенку. Для эгоцентризма ребенка это страшный удар. До сих пор он полагал, что именно он является центром мироздания. И хотя к четвертому году жизни малыш уже начинает понимать, что, наряду с отношением к нему, у родителей существуют и свои собственные отношения, он еще долгое время сохраняет иллюзию, будто именно он является важнейшим любовным объектом родителей. И если это убеждение все еще достаточно сильно, то он понимает развод как провал своих собственных отношений с покинувшим его родителем. А разве нам, взрослым, не знакомо это чувство, когда мы, будучи покинутыми любимым человеком, укоряем себя: «Наверное, я недостаточно хорош (а) или недостаточно красив(а), не очень умна (умен)? Что я сделал(а) не так?» И так далее.

39

Ощущение вины влечет за собой ощущение собственной неполноценности, ребенок чувствует себя брошенным, и это характерно почти для всех детей. Фантазии вины усиливаются, что немаловажно, тем обстоятельством, что значительная часть ссор родителей до развода затрагивала вопросы воспитания, а значит, вращалась вокруг ребенка. И вот готово: ребенок воспринимает себя как виновника конфликта. Более того, многие дети пытаются играть роль примирителей в ссорах между родителями. Развод становится доказательством крушения этих попыток. С уходом одного из них архаичные страхи перед разлукой и потерей любви, живущие в каждом человеке, превращаются в реальность. Вследствие всего этого развод представляется многим детям наказанием, расплатой за плохое поведение, за недостаточные успехи и — не в последнюю очередь — за запретные мысли.

Среди этих запретных мыслей особую роль играют агрессивные фантазии⁴. Мы уже говорили о том, что нет таких любовных отношений, которые не были бы амбивалентными, то есть включающими в себя довольно противоречивые влечения. В любви всегда присутствует агрессивный компонент, что делает ее одновременно и сильной, и ранимой. Чем моложе • дети, тем сильнее они верят в то, что запреты, заповеди и отказы, исходящие от родителей, являются всего лишь знаком их недостаточной любви к ним и поэтому они порождают в них страх и ярость. То, что ребенок в момент огорчения или гнева не желает видеть отца или мать, хочет, чтобы они исчезли, умерли (для маленьких детей это одно и то же), — абсолютно нормальное явление. Такие приступы, естественно, быстро проходят и потребность в любви возвращается, как и сама любовь. Но остается страх, а вдруг злые пожелания — а дети, как известно, верят в магическую силу своих желаний — исполнятся и наступит расплата? Когда в семье все хорошо, ребенок вскоре понимает необоснованность подобных страхов: мама и папа живы и здоровы, они вполне досягаемы и не выглядят пострадавшими от его гнева. Это чрезвычайно важ-

⁴ Вопросу, что делать с детской агрессивностью посвящен целый ряд научно-исследовательских работ Фигдора, в том числе статья «Детская агрессивность», опубликованная журнале «Начальная школа» (11.126 1998).

40

ный опыт, на котором ребенок учится различать фантазию и реальность, а также преодолевать свое представление о собственном всемогуществе. Но если один из родителей покидает семью, ребенку кажется, что мимолетное его злое желание вдруг стало реальностью. Или он думает, что

мама наказывает разлукой с отцом. Вот и пришла страшная расплата, которой он так страшился! Развитие у детей чувства вины по поводу развода — скорее правило, чем исключение. Чувство вины порождает страх, страх перед расплатой и перед силой собственной власти. Но даже те дети, которые не чувствуют себя «соучастниками», испытывают тяжелое беспокойство. Каждое радикальное изменение в жизненных отношениях несет в себе угрозу, а главное — ребенок чувствует, что он не имеет ни малейшего влияния на надвигающиеся события. Кроме того, появляются вопросы: «Увижу ли я еще папу?», «Где будем жить мы и где он?», «Как я смогу найти папу, если я еще не могу сам ездить на трамвае?», «Кто будет зарабатывать деньги, чтобы мы могли купить еду?», «Что будет с моими друзьями, если мы переедем?», «Кто позаботится о моем хомячке? Можно ли будет взять его с собой?». И много других волнующих вопросов. Только тот, кто не знает детской души, только тот, кто изгнал из своей сознательной душевной жизни ребенка, коим был когда-то он сам, будет смеяться над такими заботами. Эти тяжелые проблемы могут отнять у ребенка покой и сон. Они активизируют глубокие бессознательные страхи и вызывают «истерическую» пугливость. Подавляющее большинство детей начинает бояться теперь после отца потерять и мать. Сознательный страх базируется, в первую очередь, на шокирующем для ребенка открытии, что любовь не вечна. Большинство родителей объясняют детям развод так: «Мама и папа не понимают друг друга, они много ругаются и не любят больше друг друга, как раньше...» Нет ничего проще, чем представить себе рассуждение ребенка: «Если мама не любит больше папу и поэтому уходит от него (или отсылает его прочь), кто знает, может, завтра она точно так же разлюбит и покинет меня...» Какой ребенок не ссорится с мамой, а ведь именно ссоры привели к тому, что родители не любят больше друг друга. Такие раздумья — будь они созна-

41

тельны или бессознательны — часто становятся причиной «позитивных» изменений зримого поведения ребенка после развода. Он стремится избегать конфликтов, отодвигает свои запросы и вытесняет свою агрессивность, чтобы не оказаться покинутым. Вспомним Петра и Розу.

Один ребенок печален, у другого печаль перекрывается гневом, третьего мучают укоры совести, четвертый просто перестает думать об отце из-за панического страха, что он теперь может потерять и мать. У каждого эмоции выражаются по-своему. Это — печаль, болезненные ощущения, ярость, вина, страх, и все это не только типичные, но и «нормальные» реакции ребенка на развод родителей. И это не просто вероятные, это обязательные реакции — ребенок должен реагировать в одной из этих форм, если он в принципе психически здоров и любит ушедшего от него родителя. Бывает, что реакции остаются полностью скрытыми от окружающих, но это далеко не значит, что ребенок внутренне не реагирует на столь страшное событие, в корне изменившее его жизнь.

Описанные выше чувства относятся к душевному набору каждого ребенка, они представляют собой не только душевное потрясение, но одновременно являются средством борьбы с этим потрясением в целях восстановления душевного равновесия. С одной стороны, они конечно же говорят о большом душевном страдании, с другой — сами по себе они еще не представляют собой угрозы существованию. Печаль помогает ребенку примириться с пережитой потерей, и печаль — если это не депрессия — позволяет себя утешить. Грустный ребенок вызывает у окружающих потребность сделать для него что-то доброе. И если он вновь убеждается в том, что по-прежнему много значит как для мамы, так и для папы, то печаль постепенно уходит. Ярость появляется только тогда, когда бывает пережито большое разочарование, а его мы испытываем лишь по отношению к тем, кого любим и от кого ждем любви. Ярость в психологическом смысле означает борьбу против «злой» части любимого человека за восстановление «хороших» с ним отношений. Она содержит в себе момент катарсиса — просветления, очищения. К тому же, она является сигналом, сообщающим, что ребенку тре-

42

буется помощь в восстановлении его веры в любовь. Но все это — при условии, что мы научимся не пугаться проявлений детской агрессивности.

Если родители сделают над собой усилие и постараются предметно объяснить ребенку причины развода, если при этом станет ясно, что они не хотят причинить ему зло, а, наоборот, сделают все, чтобы ему помочь, это поможет ребенку со временем преодолеть большую часть его чувства вины. Самая главная помощь в преодолении страхов заключается уже в том, что родители примут их вполне серьезно и серьезно обсудят. И будут обсуждать еще не раз. И будут говорить с детьми об их переживаниях. И найдут время и душевные силы, чтобы их успокаивать и утешать. Тогда со

временем ребенок поймет, что, хотя развод и заставил мир пошатнуться, но мир все еще цел. Однако есть дети, у которых уже само сообщение о разводе вызывает психические реакции, далеко выходящие за рамки описанных выше чувств печали, ярости, вины и страха. Манфреду шесть с половиной лет. Мальчики в этом возрасте обычно идентифицируют себя с отцом. Психоналитическое понятие идентификации означает гораздо больше, чем взятие другого человека в качестве примера для подражания. Оно означает быть частично с ним сросшимся, бессознательно фантазировать, будто ты действительно этот другой, жить «через» него и переживать как он. Это есть чувство — «мы», которое принимается в себя. Идентификации являются важным стимулом детской социализации, имеют огромное значение для развития личности и играют важную педагогическую роль. Итак, для Манфреда отец был живым воплощением всего того, что придает жизни смысл: он был обладателем роста, силы, власти, разума и любви к матери в сочетании с восхищением ею. Короче, отец обладал всем тем, в чем так мучительно нуждался мальчик. Только благодаря идентификации с отцом ему удавалось не падать духом из-за своего маленького роста и преодолевать страх перед теми, кто был старше и сильнее его. Отец гарантировал мальчику также необходимое эмоциональное прикрытие в отношении чересчур заботливой матери, и он не очень страдал от ее строгости. Идентификация помогала ему сохранять свою

43

мужественность, несмотря на то, что ему не нравилось, что мать обращается с ним, как с малышом. Такие сильные идентификации возникают не обязательно в результате особенно тесных отношений. Частые отсутствия отца только усиливали это чувство. Бессознательно это означает: любимого человека всегда иметь при себе, вернее, в себе.

Когда Манфред вдруг узнал, что отец не вернется домой из очередной командировки, он буквально потерял самого себя. Отец, в известном смысле, забрал с собой благополучные и сильные части личности Манфреда, оставив маленькое существо, обижаемое и дразнимое во дворе и в школе, и чувствующее себя в полной зависимости от слишком волевой матери. Потеря отца означала и потерю будущего, а именно, в становлении мальчика мужчиной, поскольку у него была отнята возможность уже сейчас себя таковым ощущать. Развод, выражаясь языком психоанализа, «кастрировал» Манфреда и таким образом осуществил опасения эдипова и предэдипова периода развития⁵. В таких условиях печаль превращается в растерянность, чувство вины переходит в фантазии самоуничтожения, а на место страха вступает чувство окончательного поражения.

А вот другой пример. Катарине было неполных пять лет, когда родители разошлись. Она находилась в высшей точке своей эдиповой влюбленности и была нежно предана отцу, своему прекрасному принцу. Отец был врачом, и девочка, само собой разумеется, тоже собиралась стать врачом или по меньшей мере медсестрой, чтобы ассистировать отцу. Она уже сейчас очень гор-

⁵ О характерных чертах эдипова периода развития мы будем говорить позже. В психоанализе эдиповым комплексом именуется характерная установка ребенка по отношению к родителям, которая складывается в фазе сексуального развития, начиная примерно с третьего года жизни. Назван он так по имени греческого царя Эдипа, который, сам того не ведая, убил собственного отца и женился на собственной матери. Для мальчика обычно характерен позитивный Эдипов комплекс (любовь к матери и одновременно ревность и ненависть к отцу с желанием устранить его как соперника). Однако может развиваться и негативный Эдипов комплекс — любовь к отцу и ненависть к матери. Но чаще обе формы сочетаются и таким образом возникает амбивалентная установка по отношению к родителям. Удсвоения аналогичный комплекс развития (любовь к отцу и ненависть к матери) и обратный к нему иногда называется комплексом Электры.

44

дилась, если ей разрешалось принести ему ящичек картотеки. В играх с кукольной семьей отец был ее отцом, а сама она была матерью и они вместе заботились о детях.

Отец отвечал ей большой взаимностью. Отношения их особенно сблизились, когда у Катарини появился маленький братик и сам отец в это время сильно переживал отдаление жены. Отношения родителей и раньше были довольно сдержанными, а теперь ссоры все чаще становились открытыми, что чрезвычайно обременяло девочку. А мать еще больше уходила в себя и отдавалась младенцу.

После развода Катарина не только потеряла своего «возлюбленного» (в психоанализе: первичный любовный объект). Близкие отношения с отцом помогали ей удерживать в рамках ее ревность к брату и не видеть угрозы для себя в том, что мать целиком сконцентрировалась на любви к новорожденному. Отец частично заменял ей и мать, что с его уходом вызвало чувство страшного

одинокости. Кроме того, во время ссор родителей девочка обычно внутренне занимала сторону отца, и теперь она не верила, что сумеет вновь завоевать любовь матери и будет в состоянии конкурировать с братом. Отца — за причиненную ей боль — она стала ненавидеть так же страстно, как до этого любила. Развод отнял также и у Катарина часть ее личности, а именно, чувство защищенности, чувство, что она любима и веру в собственную способность любить. А любить и быть любимым — это для ребенка основное условие существования.

Манфред и Катарина были так поражены разводом, что просто не могли на него реагировать никак — ни печалью, ни яростью. Они были настолько им непосредственно травмированы, что чувствовали себя окончательно сраженными, беззащитными и беспомощными. Так чувствует себя голодный младенец, когда просыпается в своей кроватке один и на его крик никто не идет, никто его не покормит и не утешит. В подобных случаях — в отличие от случаев простого испуга — психическое равновесие не восстанавливается само по себе. Травма оставляет глубокие раны. Манфред и Катарина уже не те дети, какими были до развода.

Конечно, они тоже реагируют на происшедшее. Но реагируют они не на обстоятельства и события, а на пугающие

45

их фантазии. Иными словами, то, что произошло с Манфредом, следует понимать не как реакцию на отсутствие отца, а как реакцию на — в психологическом смысле — состоявшуюся кастрацию и угрозу поглощения матерью. Ведь он теперь так мал и беспомощен! Жизнь изменилась для него в страшную сторону, отовсюду грозит опасность. Главное сейчас — скрыть свою беззащитность или компенсировать ее постоянным сопротивлением. Он стал драчуном и забиякой, отказывается выполнять требования учительницы, с матерью обращается, как со страшным чудовищем или вовсе ее не замечает, закрывается в своей комнате. Катарина же ведет себя так, словно для нее перестали существовать какие бы то ни было обязательства любви. Правил, соблюдение которых мотивируется любовными отношениями, для нее больше нет, она делает, что ей вздумается, а чувств других людей просто не хочет замечать. Она словно отгородилась от всего мира и пытается, как Робинзон, выжить в полном одиночестве.

Почему развод так необычайно глубоко травмировал именно этих детей? И прежде всего: сумеют ли они побороть свой душевный срыв, зарастут ли когда-нибудь их раны? Возможно ли, чтобы Манфред сумел вновь увидеть в «чудовище» свою любящую мать? Что должно произойти, чтобы у Катарина появились шансы найти своего Пятницу, который помог бы ей снова поверить в любовь? Мы ответим на эти вопросы, но вначале проследим судьбу «нормальных» детей, то есть тех, которые не были так спонтанно травмированы уже самим фактом развода. И мы увидим, как их борьба за восстановление душевного равновесия, вначале казавшаяся не такой уж безнадежной, терпит провал под влиянием обстоятельств, и как в результате развод и для них становится такой же катастрофой.

Что можем предпринять мы, взрослые, чтобы предотвратить или, по крайней мере, в большой степени смягчить эти детские беды?

О

ПОСЛЕРАЗВОДНЫЙ КРИЗИС И «СКОРАЯ ПОМОЩЬ»

Послеразводным кризисом Фигдор называет те переживания ребенка, которые начинаются непосредственно за разводом. Этот период времени он считает наиболее важным, потому что в это время душевные реакции еще можно использовать для преодоления тяжелых переживаний развода. Реакция на сообщение о разводе в большой степени зависит от индивидуальности самого ребенка, что же касается послеразводного кризиса, то протекание его целиком зависит от тех внешних обстоятельств, которые сопутствуют разводу. Чрезвычайно важно именно в этот период правильно реагировать на переживания ребенка, чтобы не упустить его для оказания так называемой неотложной скорой помощи.

Вот один из примеров. После того, как отец окончательно ушел из семьи, Магдалена хватается за юбку матери, как если бы ей было не восемь, а четыре года. Мама уверяет ее, что никогда не покинет свою дочурку, но девочка не очень-то верит ее обещаниям: мало ли что, думает она себе... Она стремится оставаться вблизи от матери, контролирует, куда она пошла, и требует, чтобы по вечерам та оставалась дома. Мысли девочки постоянно заняты отцом: хорошо ли он себя чувствует совсем один в своей новой квартире? Он уверял, что любит ее, тогда как же он мог ее покинуть? А главное — как ей вести себя в выходные при встрече с папой, чтобы не обидеть ни его, ни маму? Но мама не сердится на дочку, она понимает, почему та регрессирует и воспринимает ее контроль и нервность как нечто неизбежное в данной ситуации. Она уже

несколько недель не ходит на свою обычную аэробiku, подруг старается приглашать к себе, чтобы оставаться дома. И Магдалена постепенно успокаивается, поведение матери говорит ей, что родители на нее не сердятся и никто не собирается возлагать ответственность за случившееся на нее. Мама старается радо-

47

вать ребенка всеми возможными способами, папа ходит с нею гулять по городу, как со взрослой дамой. Но даже спустя четверть года иногда по вечерам у девочки подступают слезы. Она думает о том, как было чудесно раньше, когда мама и папа целовали ее перед сном и вместе сидели около ее кровати. Однако самые большие опасения ребенка все же не оправдались — у нее до сих пор есть и мама, и папа и они оба любят ее. Спустя время девочка уже не боится отпускать мать по вечерам, хотя все еще не позволяет себе заснуть, пока та не вернется. Но и это скоро пройдет. Магдалена снова взяла «свою жизнь в руки». А спустя еще несколько месяцев мысли ее стал занимать Георг, самый красивый мальчик в классе, который сказал ей, что она единственная девочка, которая ему нравится.

А вот другой пример. Стефану девять лет. Отец ушел две недели назад, с тех пор в доме идут разговоры лишь о том, что кому принадлежит и кто за что должен платить. И снова, и снова — кто виноват? Стефан зол на обоих — они считают себя такими важными! А о нем все забыли. Но это все же не совсем так. У Стефана есть дедушка. Раньше тот был просто занимательным старым господином, курящим трубку, неизменным атрибутом их жизни, и не более. Теперь дедушка стал часто навещать только затем, чтобы поиграть с внуком. Он утешал его по поводу «постыдного» происшествия — Стефан пару раз обмочил постель, понимал гнев ребенка, объяснял понятными ему словами, как это бывает, когда люди любят друг друга, а потом вдруг не хотят больше быть вместе. Мальчик неожиданно нашел в дедушке друга с отеческим пониманием, для которого он, Стефан, был важнее всех взрослых и который возвращал ему добрую долю потерянного было доверия к самому себе. Но об одном не мог мальчик говорить даже с дедушкой — о своем предстоящем дне рождения — первом после развода. Зачем ему теперь его любимый торт и всякие там подарки, если мама, в последнее время такая раздраженная, все равно будет выглядеть больной и оскорбленной.

День рождения начался, как и ожидалось. Стефан никого не приглашал, и в классе его никто не поздравил. От учительницы он получил несколько замечаний, поскольку был рассеян в этот день больше обычного. Может быть, вечером придет дедушка, это немного скрасило бы сегодняшний день. Когда

48

Стефан пришел домой, дедушки не было. На столе стоял его любимый торт, и мама что-то говорила ему, но он даже не слушал. Сквозь слезы видел он в углу какой-то огромный пакет, что-то вроде плохо упакованных санок. Вдруг пакет зашевелился и из-за стола вынырнул — папа! Стефан закричал от радости и через несколько минут оба сжимали друг друга в объятиях. Это был чудесный день! Папа подарил ему такой маленький аппаратик и объяснил, как при его помощи он может в любой момент дать папе знать, чтобы тот позвонил ему. Потом они — вместе с мамой — поехали смотреть папину новую квартиру, чтобы показать Стефану дорогу. На двери одной комнаты висела табличка, на которой было выгравировано: «Стефан». А в комнате стоял самый лучший в мире детский велосипед, к которому была прикреплена записка: «От мамы и папы, которые всегда будут тебя любить».

Так для Магдалены и Стефана самое трудное осталось позади. Их жизнь изменилась, но они почувствовали, что она продолжается. Способность родителей понять боровшиеся в детях чувства гнева, страха, печали сыграла решающую роль. Дети вынесли из всех испытаний, пожалуй, даже нечто полезное для себя. Мать Магдалены хорошо понимала зависимость дочери, а Стефан нашел в своем дедушке человека, временно заменившего ему родителей. Тот противопоставил потерям развода новые дружеские отношения. Но и родители наконец поняли, что сын очень нуждается в их любви.

А главное, оба ребенка нашли возможность обсуждать обстоятельства и причины развода, а также свое будущее — Магдалена с матерью, а Стефан с дедушкой. И это в большой степени сгладило их чувства вины и страха. Взрослые сумели ока-

6 «Расставание — это не только судьба детей, родители которых разводятся. Расставание определяет ход развития каждого человека: расставание с материнским телом, с материнской грудью, с домом, когда дети должны идти в детский сад, расставание с друзьями, если приходится менять место жительства или школу; расставание с родителями в совершеннолетнем возрасте и т.

д. Все эти разлуки имеют две стороны: они полны боли и оставляют, конечно, шрамы, но они отвоевывают новую свободу, делают возможным рост автономии и в этом отношении являются неременным условием развития. Не может ли и развод— при всей боли и всех неизбежных ранах— при определенных, выгодных, условиях иметь также и позитивные последствия!» (Н Фигдор, *Scheidungskinder — Wege der Hilfe*, Psychosozialverlag, Gießen, 1998)

— 3435

49

затягивать детям эту столь необходимую неотложную первую помощь. Они поняли боль своих детей и отнеслись к ней серьезно, они не ждали от них, что в столь необычной ситуации те будут вести себя как ни в чем ни бывало. Родители знали своих детей как в общем хорошо воспитанных, зрелых, честолюбивых и достаточно самостоятельных, но они не настаивали на проявлении всех этих качеств там, где сама жизнь перестала быть тем, чем была прежде.

К сожалению, такие примеры далеко не типичны. Чаще бывает совсем иначе. И начинается все уже с ключевого момента — с сообщения ребенку о свершившемся или предстоящем разводе. У большинства детей это сообщение вызывает шок. Даже если они и были на протяжении долгого времени свидетелями безобразных скандалов, но они надеялись, а вдруг все еще наладится. Родители, как уже говорилось, боятся сообщать ребенку о разводе, потому что воспринимают его реакцию как упрек. Они боятся также потерять его любовь, особенно те, кто был инициатором развода. А те, кто развода не желал, часто стремятся выставить перед детьми второго супруга как злого, ненадежного человека: «Объясни ты это ребенку!», а ребенку: «Ты знаешь, я не хочу развода, это все твоя мать (отец)!»

Чувство вины и страх перед потерей любви вынуждают родителей давать слишком короткие объяснения, которые, по сути, ребенку ничего не объясняют. И чем слабее реакция, тем спокойнее сердце родителя. Вот что пишет Фигдор: «Это просто потрясает, как часто между родителями и детьми возникает своего рода «коалиция отрицания» — тенденция родителей принизить или вообще отрицать значение развода для детей встречает со стороны ребенка такую же готовность к отрицанию, которая должна помочь ему смягчить конфронтацию с ужасным событием... Беззвучно сигнализирует мать ребенку: «Пожалуйста, пожалуйста, не отчаивайся. Покажи мне, что все не так уж плохо!» И этого бывает достаточно, чтобы настолько усилить тенденцию отрицания у ребенка, что в конце концов мать начинает принимать желаемое за действительное».

Мать Петера и Розы рассказала о том, как безобидно реагировали дети на сообщение о разводе, и лишь позже, в ходе кон-

50

сультации, когда психоаналитику удалось смягчить ее чувство вины, она вспомнила, как однажды, придя домой, застала детей рыдающими в спальне, где отец упаковывал свои чемоданы. Дети спросили, что тот делает, а он ответил: «Мама же сказала вам, я переезжаю!» Беседа психоаналитика с детьми показала, что дети тем не менее правильно поняли мать, когда та сообщила им о разводе, но не хотели об этом думать. Отца же, в отличие от матери, не волновал вопрос, как отразится его уход на детях. Он не желал развода и сам чувствовал себя жертвой. Собственно, информация отца едва ли отличалась от информации матери, но тот, в отличие от нее, не сигнализировал детям надежду. Как раз наоборот, он рассчитывал (скорее всего, бессознательно), что, может быть, дети объединятся с ним против матери и таким образом облегчат его чувство вины из-за собственной супружеской неверности, послужившей причиной развода. Для отца, в свою очередь, болезненные аффекты детей не были нежелательны и он их получил точно так же, как мать получила желанное равнодушие. Как сильно нуждалась мать в этой иллюзии (чтобы защитить себя от чувства вины), говорит тот факт, что ей удалось на долгие годы забыть эту сцену в спальне.

Отсутствие зримых аффектов далеко не означает, что дети в действительности не страдают. Причиненная им боль вызывает у них чувство вины или гнев. Мало того, отсутствие зримых реакций, как правило, имеет тяжелые последствия для преодоления душевного кризиса ребенка. Как можно отреагировать на чувства, которых тебе не показывают? Как оказать помощь, если о ней не просят? Иллюзия непричастности не позволяет также поговорить с ребенком об обстоятельствах развода, о его будущей жизни и обо всем, что так его волнует. В результате он остается один на один со своими чувствами и, прежде всего, со своими страшными фантазиями, которые не находят выхода. А ведь дети так нуждаются в объяснениях, утешении, в том, чтобы их мысли и фантазии были направлены в нужное русло.

Взрослые часто стремятся освободиться от своего чувства вины тем, что перекладывают вину на другого. Это мы видели сейчас на примере отца Петера и Розы. Ему не так уж трудно было понять

проявления аффекта у детей, но он рассчитывал, что чув-

51

ства эти будут направлены против матери и дети примут его сторону. Один отец прямо спросил своего семилетнего сына: «Скажи, ты хочешь, чтобы папа ушел?» И когда ребенок разрыдался, он посоветовал: «Ты должен это сказать маме и говорить всем, кто тебя спросит». Но и тот из родителей, кто активно добивался развода, тоже часто перекладывает свою вину на другого. Это делается для того, чтобы привлечь ребенка на свою сторону. Последствия таких обвинений опустошительны для детей. Что может сделать Андрея после объяснения матери, что отец ее безответственный человек, игрок, пьяница? Взять и стереть его образ в своем сердце? Образ отца, которого она нежно любила, несмотря на все его слабости? Может ли она перестать любить его, увидев в нем некое «абсолютное зло». Но ведь это не под силу ни одному человеку! Она не могла, да и не хотела верить во все, что говорила ей мать, хотя и не смела той противоречить. Но как она теперь сможет смотреть отцу в глаза, ведь она его не защитила?! Такие конфликты лояльности, конечно, потрясают ребенка и могут окончательно вывести его из душевного равновесия.

Фигдор далек от критики родителей. Мать Андрея видела ситуацию именно такой, и она чувствовала себя действительно невинной жертвой, хотя для ребенка вопрос объективной вины (если таковая вообще существует) не так уж важен. Однако можно ли требовать от человека так много героизма в момент его собственного страдания и гневного разочарования?! Как можно ждать от него, чтобы он добровольно взял на себя всю ответственность за развал семьи и таким образом еще и освободил другого от доли его вины?! И тем не менее взять на себя ответственность необходимо! Необходимо собрать, что называется, в кулак всю свою волю и весь свой здравый смысл и объявить себя взрослым. Как бы тяжело это ни было. Во имя облегчения страдания детей, чтобы освободить их от их чувства вины и предоставить таким образом благоприятные условия для их дальнейшего развития.

Яркий пример защиты от собственного чувства вины видели мы на примере матери Марио, которая на протяжении двух лет скрывала от сына развод. Но делала она это, конечно, не из злого умысла. Может быть, она думала, что, чем старше

52

будет сын, тем легче перенесет известие о разводе. Но ребенок фактически год спустя уже начал переживать развод. Подобные укрывательства намного опаснее правды. Опасность скрывается в фантазиях ребенка, который однажды замечает, что что-то не так. А поскольку внешне все кажется в порядке, то он не может ни с кем поделиться, рассказать о своих фантазиях, которые часто намного страшнее и опаснее самой печальной реальности. Опасения, страхи ребенка не только не смягчаются, а, напротив, возрастают. Когда Марио узнал, наконец, о разводе, он мог думать так: либо его обманули, когда отец «уехал в командировку», либо долгая разлука привела к разрыву отношений родителей и разрушила отношения сына и отца. В первом случае ребенок потеряет всякое доверие к взрослым, во втором — потеряет веру в то, что отношения могут продолжаться, несмотря на расставания. В результате таких переживаний дети развивают в себе потребность постоянно контролировать любимого человека, потому что уверены, иначе они его потеряют. Представьте теперь себе мужа, который «не выпускает жену из дому», или жену, которая по пятам преследует мужа, проверяет его записную книжку и содержимое его карманов.

В отличие от родителей Стефана и Магдалены, поведение этих родителей, каким бы понятным оно ни казалось, носит откровенно инфантильный характер. «Откладывать сообщение о разводе или вообще его скрывать, желать поскорее закончить неприятный разговор, надеяться на то, что развод не так уж и страшен для детей, — все это, согласитесь, очень напоминает поведение детей, которые стоят перед необходимостью исповедовать родителям свои прегрешения и стараются по возможности «смягчить краски»... Если я и использую такое сравнение, то тем не менее оно далеко от критики или пренебрежения. Я просто рисую ситуацию...»

И действительно, часто родители в тот момент, когда необходимо информировать ребенка о разводе, сами чувствуют себя как провинившиеся дети, им хочется уйти от ответственности, пощадить себя, найти отговорки, обвинить других, скрыть и т. д. Эти регрессии взрослых, в общем, нормальны, мало того, они, как правило, повседневны. Но под влиянием

53

развода они могут привести к очень тяжелым последствиям. Получается нечто ужасное, а именно, обмен ролями, где родители выступают в роли детей, а дети в роли критикующих взрослых, которым вверено право выносить решения о виновности. И это именно в тот момент, когда ребенок ни в чем так сильно не нуждается, как в том, чтобы ему «разрешили» оставаться

ребенком. И в том, чтобы можно было вот этим взрослым — на то они и взрослые! — доверить свое такое неверное будущее!

Важнейшее и труднейшее задание, которое в столь тяжелое время после развода встает перед родителями, заключается в том, чтобы с чистой совестью взять на себя ответственность за причиненную детям боль. Даже если в дальнейшем развод, скорее всего, откроет перед детьми лучшие возможности развития, сам момент развода всегда жутко болезнен и ввергает детей в душевный кризис. И ведь это не кто иной, как именно родители создали такую ситуацию, и именно они повинны в страданиях детей. Но сознание собственной вины есть нечто совсем иное, чем мучительное и невыносимое чувство вины... которое связано с представлением о совершении чего-то запретного, безответственного.

«Если я, как взрослый человек, признаю свое психическое право на существование, если я знаю, что данный шаг, как результат моих потребностей, в результате пойдет также на пользу и ребенку, потому что я смогу снова свободно дышать и на что-то надеяться в жизни, то я могу спокойно взять на себя эту ответственность перед ребенком. Одновременно позиция, которую я называю ответственностью за вину, является важным условием того, что развод в конечном итоге сыграет все же положительную роль для ребенка. Если я знаю, что я у кого-то что-то отнял, кому-то причинил боль, потому что в тот момент у меня не было другого выхода, то я, по крайней мере, буду стараться смягчить эту боль, буду стремиться по возможности исправить положение, чтобы реально уменьшить свою собственную вину. Но если я просто не в состоянии выносить саму мысль о том, что я виноват, я буду затушевывать или отрицать причиненное мною страдание. Вместо того чтобы подумать: «Мне очень жаль, что так получи-

54

лось и я должен что-то предпринять, чтобы улучшить положение», я скажу: «Нет оснований для жалоб и мне не в чем себя упрекать!». И я скрою свою вину или переложу ее на ребенка или разведенного супруга».

На примере Магдалены и Стефана Фигдор показывает яркий пример ответственного отношения родителей к своим действиям. Они настолько серьезно восприняли переживания детей, что те в короткие сроки сумели побороть свои страхи и их душевное равновесие было восстановлено. К сожалению, такое случается нечасто. Можно привести сотни примеров, когда детям было отказано в «неотложной первой помощи» уже в тот момент, когда они впервые услышали о разводе. И именно те обстоятельства, которые сопровождают информацию о разводе, часто дают толчок так называемому послеразводному кризису.

Собственно, эту позицию ответственности за вину Фигдор считает важной не только в ситуации развода, но и вообще рассматривает ее как основную педагогическую позицию. Особенно там, где речь идет об ограничениях и запретах. Он рассказывает об одном отце, который конечно же в своих взглядах не одинок. Тот заявлял следующее: «Нельзя разрешать детям все. Даже если для этого есть возможности. Потому что в жизни они должны уметь отказываться». Подобные заявления звучат чуть ли не насмешкой, если посмотреть повнимательнее, каким ограничениям, налагаемым уже нашими общественными условиями, подвержены наши дети, начиная со второго года жизни. Подобная позиция защищает матерей, отцов, воспитателей от необходимости признаться себе в том, как много разочарований приносим мы своим возлюбленным чадам тем, что постоянно вынуждены запрещать и предписывать, а также требовать соблюдения всяких других норм. Но ведь у нас самих просто нет иного выхода, мы вынуждены это делать. Больно думать о том, какими жестокими, несправедливыми, эгоистичными и злыми должны мы при этом выглядеть в глазах своих детей. Однако вместо того, чтобы сознательно подойти к реально существующему и от нас мало зависящему конфликту, мы делаем бесправной позицию ребенка: «Чего ты злишься, это на твою же пользу!». Но если я

55

понимаю не только свою ответственность, но и гнев ребенка, то я не стану придавать запретам форму идеологии, а постараюсь помочь моему дорогому малышу преодолеть разочарование, стану его утешать, искать компромиссы, предлагать потерянному удовольствию замену. И по меньшей мере вместо: «Нечего злиться!», скажу: «Мне очень жаль, но я вынуждена это делать». Тогда ребенку отказ будет не так обиден и он не очень испортит наши отношения. Ведь ребенок верит, что отказ в удовлетворении его желаний это всего лишь проявление моей власти и ничего удивительного, если в результате он начинает бороться со мной за эту власть.

Поэтому очень и очень важно разговаривать с детьми, объяснять им причины развода в доступной для них форме, учить ребенка словами выражать свои чувства. И это не только в период тяжелого

душевного кризиса, вызванного разводом, но и вообще в повседневном общении. Л для этого мы и сами должны учиться без страха признаваться себе в своих желаниях и потребностях, а не вытеснять их из нашего сознания, как если бы это было нечто недозволенное или постыдное.

КАК ДЕТИ РЕАГИРУЮТ НА РАЗВОД? КРИК О ПОМОЩИ!

Недавно в одном женском журнале мне попала статья психолога на тему, как следует реагировать на «детские капризы». Автор рекомендует их просто игнорировать и дает советы, как можно привить детям определенные навыки внешнего поведения. Это было скорее похоже на (уже давно устаревшие) советы по дрессировке собак. И таких советов дается кругом великое множество. Удивительно было слышать это из уст психолога, которая даже не задумалась о том, что, может быть, у каждого детского каприза есть свое внутреннее содержание и детские конфликты не менее важны, чем все наши «взрослые» проблемы. С той только разницей, что у ребенка нет наших прав. Как часто можно слышать почти враждебное: «Оставь его, он просто хочет обратить на себя внимание!» Да, пожалуй, и хочет, но почему? В каждом навязчивом поступке ребенка заключена своя информация. Словом «каприз» именуем мы нечто явно не серьезное, не важное. Но если мы хотим, чтобы ребенок наш рос психически здоровым, уверенным в себе, смелым и опытным, мы должны взять себе за основу относиться к его переживаниям серьезно, а не игнорировать и не именовать их «глупыми капризами». Его проблемы, кажущиеся нам порой такими незначительными, поверьте, не менее серьезны, чем проблемы взрослого человека. Нет, они, пожалуй, еще серьезнее, потому что вся психическая жизнь взрослого человека строится на образцах отношений и переживаний, усвоенных в детстве. Кроме того, Фигдор справедливо утверждает: ничто не портит отношений так, как пренебрежение к чувствам. Мне часто вспоминается одна весьма справедливая и довольно психологическая строчка из такого, в общем, далеко не психологичного Маяковского: «Гвоздь в моем сапоге кошмарнее всех Помпей!»

Что же касается ситуации развода, то это чрезвычайно важно дать ребенку возможность выражать свои аффекты, утешать

57

его скорбь, говорить с ним о его страхах и переживаниях. Говорить, говорить, говорить. Много раз повторять. Даже если вам кажется, что вы уже достаточно об этом сказали. Факт повторения и неоднократного подтверждения очень важен для развития детской психики. Вы же знаете, как любит ваш малыш, чтобы вы снова и снова читали ему его любимую сказку, хотя он давно уже знает всю ее наизусть и даже поправляет вас, если вы ошибетесь. Он таким образом опять и опять проверяет для себя надежность мира.

Чрезвычайно важно не образовывать коалиций и не навязывать ребенку конфликта лояльности: ваш ребенок имеет право не только на любовь обоих родителей, но и святое его право — самому любить вас обоих. О конфликте лояльности и его пагубной роли мы будем еще говорить. Сейчас скажу только, что, ревниво препятствуя любви вашего ребенка к разведенному отцу или матери, вы не только не защищаете его любовь к вам, вы подвергаете ее большой опасности. Почему, будет рассказано позже.

Мы описали только первые шаги помощи детям по дороге в их неверное разведенное будущее. Шаги эти ограничиваются в основном областью устной коммуникации. Но вспомним родителей Стефана и Магдалены — они реагируют на зримые реакции детей и другими способами. Мать Магдалены поняла, что зависимость дочери продиктована страхом после отца потерять теперь и маму и дочка просто не способна ни на какой другой способ преодоления своего страха. Мать ответила тем, что целиком предоставила себя в распоряжение ребенка. Заметьте, когда ее восьмилетняя девочка вдруг стала хвататься за мамину юбку, как трехлетняя, и «закатывала истерики», когда мама уходила из дому, мать не раздражалась («Ну что еще за глупые капризы?!»), напротив, она позволила дочери контролировать себя, раз той это было нужно. Если бы она этого не сделала, Магдалена оказалась бы пассивно предоставлена своим страхам, и они возрастали бы из-за ее беспомощности. С обычной «педагогической» позиции можно было бы предположить, что «потакание капризам ребенка» лишь усилит в девочке «деспотическую потребность в контроле». На деле же обычно происходит нечто обратное и это вполне ло-

58

гично. Подумайте сами, ведь и мы, взрослые, доверяем лишь тем людям, которые неоднократно доказали нам свою надежность. Мать признала зависимость ребенка, нашла в себе силы выносить его капризы, она освободила девочку от необходимости отчаянно бороться за ее близость. Но если бы она оставалась дома только тогда, когда ребенок кричит и плачет, то «педагогическая» позиция

и вправду подтвердилась бы; Магдалена пришла бы к заключению: «Мама остается дома только тогда, когда я ее к этому вынуждаю». А принуждение и контроль — это не одно и то же. Добровольные уступки матери дали Магдалене возможность понять, что мама не покинет дочку, и страхи девочки сильно смягчились. Она восстановила свое доверие в доброту мира.

Со Стефаном получилось несколько иначе. Его родители, занятые своими раздорами, казалось, забыли о существовании ребенка. Но ему повезло — дедушка пришел на помощь именно в тот момент, когда внук больше всего в этом нуждался. Но повезло Стефану и в том, что родители достаточно скоро вспомнили о существовании сына и в день своего рождения он, наконец, обнаружил, что у него все еще есть и мама, и папа.

Мы уже говорили, именно чувство вины приводит родителей к тому, что они недооценивают значение развода для детей и отдают иллюзии, будто последний не так уж и страшен для них. По этой причине они часто не замечают душевных реакций ребенка или всячески мешают их проявлению. Такие родители просто психически не в состоянии взять на себя ответственность за причиненную детям боль. Фигдор подчеркивает, что речь здесь идет тем не менее о вине вполне поправимой. Какой бы нестерпимой ни была боль, ведь не исключено, что решение о разводе в дальнейшем может повлиять на ребенка вполне благотворно.

Неумение родителей взять на себя ответственность, их ложь, отрицание проблем, перекладывание вины на другого не позволяют не только оказать детям ту самую неотложную первую помощь, но все это, по опыту Фигдора, является одной из двух основных причин ухудшения психического состояния ребенка в последующие за разводом месяцы. (Вторая причина заключается в психическом состоянии самих роди-

59

телей; об этом мы будем говорить ниже.) Дело в том, что необычное поведение детей, которое, собственно, имеет целью обратить на себя внимание, — ребенок «требуется», чтобы ему помогли, — не рассматривается в этих случаях как проявление его душевных проблем, возникших по причине развода. Тогда нет и необходимости рассматривать развод как кризис. А если нет кризиса, то нет и проблем и поэтому плохое поведение ребенка — это всего лишь «плохое поведение», «капризы», глупости» и т. д.

Фридрих не может простить своей матери, что она «выгнала отца». Но он, безусловно, любит и маму, хотя ему и не хочется ей этого показать. Он упрям и часто груб, что матери очень неприятно. Однако мать никак не связывает дурное поведение сына с разводом и не хочет даже думать о том, что агрессивность ребенка может быть направлена против нее лично. Она не хочет или не может думать об этом, чтобы не чувствовать себя виноватой. Она бросает сыну упреки, что он, дескать, распустился, потому что не чувствует «твердой отцовской руки».

Другая мать винила в агрессивности дочери бывшего мужа и свекровь, они, мол, настраивают ребенка против нее. Лиза так же, как и Магдалена, боялась оказаться покинутой и всюду следовала за матерью, но та отталкивала ребенка, называла все это «глупостями». Даниэль из-за своего чувства вины страдал депрессивными настроениями, а вся семья упрекала его в упрямстве, лени и «желании обратить на себя внимание». Если с таким ребенком случится, что он обмочит постель, его начинают ругать или высмеивать. Плохие отметки, ссоры в детском саду или в школе тоже рассматриваются лишь как нарушение дисциплины и на них реагируют наказаниями.

Эти крайне отрицательные реакции взрослых отнимают у детей возможность преодоления кризиса подручными средствами. Родители не могут и не желают понять, что хочет ребенок выразить своим необычным поведением. Родители сами в это время раздражены, они страдают от своих внутренних проблем, у них на детей просто не хватает терпения. Кроме того, они чувствуют потерю доброго отношения ребенка и это именно тогда, когда они так нуждаются в его привязанности. Ребенку в этой ситуации уже не приходится рассчитывать на помощь,

60

он становится все более одинок, и типичные для развода страхи и аффекты только усиливаются. Ребенок вынужден все больше энергии тратить на конфликты с родителями, а их замечания и критика становятся все обиднее.

Но если мы все это поймем, то сумеем по-новому реагировать как на свои собственные душевные проблемы, так и на проблемы ребенка.

РОЛЬ САМОЧУВСТВИЯ РОДИТЕЛЕЙ

Фигдор далек от «педагогических» поучений. Он прекрасно понимает, что в данной ситуации от родителей требуется нечто, далеко выходящее за пределы их душевных возможностей. Да, с разводом начинается страдание детей, но им вовсе не заканчивается кризис отношений супругов.

Личные их проблемы не только не уменьшаются, чаще всего они возрастают, что касается и того из них, кто активно добивался развода. Чувства обиды, страха перед будущим, гнев и ненависть к бывшему супругу, а часто — бессознательно — и по отношению к детям обнаруживаются в каждом разводе. А также скорбь и печаль о все еще любимом или когда-то любимом человеке. Чувство вины испытывают разведенные супруги не только по отношению к детям. И не только тогда, когда развод совершается ради новой любви или против воли другого. «Брошенная половина», как ни странно, испытывает не только чувство собственной несостоятельности, но и чувство вины. Даже если тот, кто брошен, кажется такой же жертвой, как и ребенок.

Фрау К. вышла замуж девятнадцатилетней девушкой против воли родителей. Она знала о слабости мужа в отношении алкоголя, но была уверена, что ее любовь, а потом и ребенок «сделают из него человека». Но муж бросил ее с одиннадцатимесячным крохой на руках. И она чувствует себя виноватой — перед родителями, перед бывшим мужем («как я себя переоценила!») и, конечно, перед ребенком, которому она не сумела обеспечить защищенность счастливой семьи. Почти каждый разведенный брак, особенно если есть дети, становится крушением надежд, свидетельствует о провале однажды предпринятого жизненного начинания. Взрослые, как и дети, теряют веру в себя и чувствуют себя неполноценными. Они начинают сомневаться в своей привлекательности и уме, испытывают страх перед старостью и одиночеством.

Проблемы социального и экономического характера тоже нельзя сбрасывать со счетов, особенно тяжело приходится оди-

62

ноким матерям. Например, социальная дискриминация — разведенная женщина значит в обществе меньше, чем замужняя, это же касается и ее детей. Пусть эта дискриминация и не выливается в форму открытого пренебрежения, но она может скрываться и за преувеличенно благожелательным сожалением или характеристикой детей как обделенных. Учительница на педсовете говорит: «Вот Руди, ему семь лет, мать в разводе...» и это уже звучит как невысказанное: «Ага! Ну чему же здесь удивляться?» И поди, разбери, действительно ли трудности мальчика связаны с разводом или, может быть, здесь следует искать проблему самой учительницы. И печальнее всего то, что часто и матери, вместо того, чтобы взять на себя ответственность за свою собственную жизнь, разделяют подобные взгляды и опускают руки.

Далее, как правило, материальный уровень разведенных матерей снижается, к этому добавляются физические перегрузки на работе и дома. Все это ведет к социальной изоляции: на дружбу, свободное общение и развлечения не остается ни времени, ни денег и жизнь матери постепенно приобретает оборонительный характер. Нетрудно себе представить, что означает для, и без того пострадавшего, чувства собственного достоинства женщины снижение материального уровня и ощущение дискриминации именно в то время, когда возникает повышенная потребность в радости, когда особенно нужен кто-то близкий, кто бы тебя согрел.

Фрау К. боролась почти год, пытаясь наладить свою жизнь, но потом, на грани нервного срыва, не выдержала, поддалась уговорам родителей и переехала к ним. Многие женщины используют временную «регрессию» для того, чтобы отдохнуть и набраться сил для нового рывка, но с этой матерью все вышло иначе. Возврат к родителям она пережила как провал всего, что ей удалось создать до того времени. Она потеряла все свое мужество, волевые родители окончательно лишили ее самостоятельности, взяв на себя роль родителей внука. А мать превратилась в строптивую старшую сестру. Фрау К. потеряла себя и как женщина, и как мать. В один прекрасный момент она бросила своего сына, которой, по сути, уже перестал быть ее ребенком, и уехала в город, чтобы — в полном смысле слова — начать

63

новую жизнь, без оглядки на прошлое, которое олицетворял собой Рихард. А мальчик после отца потерял и мать.

Вернемся к родительским проблемам и посмотрим на их взаимосвязь с проблемами детей.

Душевные перегрузки матери влекут за собой частые смены настроения. В момент стресса самые обычные повседневные запросы детей могут вызвать у нее ощущение, что к ней предъявляются чересчур высокие требования. Например, ребенок медленно собирается в школу или не хочет чистить зубы. И этого уже достаточно, чтобы мать накричала на сына, разразилась слезами, наказала его, а ведь раньше в подобной ситуации она могла обойтись строгим взглядом или замечанием. Но это лишь внешняя сторона. Агрессивность отношений «мать — ребенок» — в обычных условиях скрытая — усиливается не только со стороны ребенка, и у этого явления несколько причин. Будничные конфликты разрастаются, потому что ребенок в это тяжелое время,

как никогда раньше, нуждается во внимании, а мать, в свою очередь, как никогда раньше, не в состоянии проявить этого внимания и терпимости. Ссоры ведут к своего рода «агрессивной разрядке», и это с обеих сторон.

Но если родители в состоянии хотя бы частично отождествить себя с ребенком и понять его сопротивление, то им гораздо легче удастся контролировать свою собственную агрессивность. Это вовсе не значит, что следует отменить все требования к сыну или дочери. Просто вместо того, чтобы раздражаться, можно помочь ребенку приспособиться к предъявляемым требованиям. Но способность отождествления себя с другим почти полностью отсутствует, если ты испытываешь на этого другого гнев, и она страдает тем больше, чем больше у человека забот и проблем.

Часто агрессивность связана непосредственно с разводом. Для большинства матерей развод — это своего рода попытка нового начала. И чем больше прошлое напоминает тебе о твоей несостоятельности, тем больше достается ребенку от чувства гнева, стыда и т. п., ведь он — волей-неволей — на всю жизнь остается «репрезентантом» этого прошлого. Особенно противоречивы чувства матери к ребенку, который сильно напоминает ей отца.

64

Одна моя знакомая как-то в отчаянии негодовала, что сын ее становится «ужасно похож на своего папашу», о котором ей так хотелось бы забыть навсегда. На это другая моя подруга (у нее двое мальчишек, и тоже ужасно похожих на своего — разведенного — родителя) ответила: «А на кого же ему быть похожим? На Алена Делона? Они похожи у нас на тех отцов, которых мы им дали!» Фигдор говорит о том, что проблема олицетворения ребенком отца в глазах матери часто усиливается по той причине, что дети — сознательно или бессознательно — идентифицируют (отождествляют) себя с отсутствующим, но все еще любимым отцом. Таким образом, им удастся смягчить свою боль разлуки.

Ну и, конечно, ко всему этому добавляются самые обычные, жизненные и совсем естественные агрессии всех родителей, связанные с теми лишениями и нагрузками, которые дети взваливают на их плечи. Агрессии эти, конечно, чаще всего удерживаются в бессознательном, потому что мать не может не любить своих детей и собственная агрессивность вызывает в ней огромное чувство вины. И она действует как катализатор на будничные неурядицы, делая мать раздражительной, что усиливает житейские конфликты. Понять и осознать свою бессознательную агрессивность тем не менее очень важно, а главное — следует лишить ее характера сенсации. Достоинство человека не в том, чтобы не иметь агрессивных чувств (что достигается исключительно путем вытеснения при помощи психических механизмов защиты), а в том, чтобы уметь их осознавать и держать под контролем. Поймите, вы со своими агрессивными чувствами далеко не одиноки, они присущи абсолютно всем людям без исключения и так же нормальны, как сама жизнь. И, когда вы это поймете, вы не будете их стыдиться, потому что стыдиться следует дурных поступков, а не чувств. Фигдор в своей научной деятельности уделяет огромное внимание проблемам человеческой агрессивности и, в частности, умению взрослых правильно реагировать на агрессивные проявления у детей. Само по себе это чувство несет в себе огромный энергетический потенциал, без которого ни одно живое существо не имело бы шансов выжить — физически и психически.

5 — 3435

65

Луис, собираясь в детский сад, не хочет надевать пальто, а желает надеть джинсовую куртку — потому что любимый его книжный герой, медвежонок Тедди, всегда ходит в джинсовой куртке. Отождествление малыша с медвежонком мать иногда и сама использует, потому что Тедди всегда умывается и чистит зубы. Итак, вполне безобидная ситуация, которую несложно разрешить в зависимости от традиции и настроения. Можно поговорить о том, как холодно было бы медвежонку зимой в джинсовой куртке, ну совсем, как маленькому зайчишке из другой книжки. Или предложить взять с собой куртку и надеть ее после обеда на игровой площадке и т. д. Все это маленькие хитрости, направленные на сохранение хорошего настроения, они содержат немного утешения, и ребенку уже не будет казаться, что мать запрещает ему надеть куртку потому только, что хочет показать ему свою власть (а это, в свою очередь, вызывает у малыша тоже стремление к власти). Но подобное поведение требует не только времени, но и определенного таланта, мать должна уметь представить себя на месте ребенка. Но у нее нет сейчас на это ни времени, ни настроения, и она думает приблизительно так: «Он же знает, что на улице холодно, кроме того, я опаздываю. Он просто хочет мне досадить. Я работаю как проклятая, могу я, наконец, рассчитывать хоть на каплю сочувствия! И в конце концов разве я многого требую — всего лишь надеть пальто! Нет, пусть он не воображает... и т. д.» Кончается все яростным сопротивлением Луиса и новым взрывом материнского гнева. Мальчик начинает реветь.

Все это выглядит, как если бы мать и сын играли роли из различных пьес. Мать считает поведение ребенка неуместным, а самого его — черствым, властолюбивым эгоистом. Себя же она ощущает невинной жертвой. Но если покопаться в этот момент в душе у матери, то станет ясно, что она бессознательно переносит на сына переживания из своего несостоявшегося брака и наделяет ребенка «отвратительными» чертами своего разведенного супруга. Мать чувствует себя использованной, как уже когда-то в прошлом, и ее вытесненные агрессивные чувства по отношению к ребенку обнаруживают сильную тенденцию стать сознательными. Мысли

66

типа: «Ах, если бы я не родила тогда...» или «Если бы его воспаление легких...» сопровождаются таким ужасным чувством вины и стыда, что их ни за что нельзя допустить в сознание. Поэтому отказ Луиса надеть пальто дает матери повод легально проявить наполняющий ее гнев и увести в другое русло свою бессознательную агрессию.

УСИЛЕНИЕ СТРАХА И СРЫВ ПСИХИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ

Конфликты между запросами детей и родительскими требованиями относятся к воспитательной повседневности. Дети слишком зависимы от взрослых и, конечно, не в состоянии сами удовлетворять свои потребности. Самое трудное для матерей и отцов — понять, насколько ограничены их собственные возможности и сколько огорчений они вынуждены приносить своим детям, потому что у них просто нет иного выхода. Нам очень хотелось бы дать нашим детям все. Но как это сделать? Мы не можем позволить дочери зимой носить ее любимые балльные туфельки, из соображений безопасности сын должен идти по улице за руку, не говоря уже о — часто очень ограниченных — материальных возможностях. Кроме того, утром надо торопиться и вместо того, чтобы немного поиграть, ребенок должен расставаться с родителями и идти в детский сад. А эти постоянные уступки школьной системе, далеко не всегда объективно оправданные! Да и личным интересам родителей во всей этой жизни тоже остается не много места.

Таким образом, мы становимся по отношению к детям своего рода агентами реальности, которую мы не создавали и пленниками которой являемся и мы сами. Таким образом, сами родители оказываются в опасности, что ребенок начнет рассматривать их как олицетворение этой враждебной системы, т. е. воспринимать в какой-то степени как врагов, что в свою очередь заставит его сомневаться в том, что он любим. Подчеркиваю еще раз: именно это чувство, что ты любим, является неременным уаювием здорового душевного развития и уравновешенности. В благоприятных условиях тем не менее родителям, несмотря на все налагаемые ими ограничения и запреты, все же удается дать детям почувствовать силу их любви. И дети учатся принимать действительность такой, какова она

68

есть, и все же не терять веры в принципиальную возможность радостей жизни.

Но существуют ситуации, в которых, к сожалению, подобный баланс подвергается большой опасности, а то и вовсе разрушается. Послеразводный период — одна из них и можно уверенно сказать — самая опасная. Именно в это время ребенок предъявляет повышенные требования к родителям и прежде всего к тому из них, с кем он живет, а значит, к матери. Она всегда должна оставаться в зоне досягаемости для ребенка, постоянно доказывать ему свою привязанность, быть терпеливой, снисходительной, показывать ему, что страхи его напрасны и жизнь продолжается. Итак, ребенку нужна в это время мать, которая переполнена любовью и надежна, как скала, которая способна защитить его от всех опасностей. А опасности грозят не только извне, гораздо чаще они истекают из собственных самоуничтожительных импульсов.

Однако мать сама находится в таком напряженном психическом состоянии, что ни в чем не нуждается так сильно, как в благоразумных, покладистых, душевно уравновешенных детях, в детях, которые приносили бы одни только радости. «Мать и ребенок, как мы видим, ждут друг от друга того, чего они друг другу дать не могут, и получается картина как раз обратная: никогда еще мать не была так неспособна проникнуться своим малышом и никогда еще ребенок — ну, может быть, за исключением первых двух лет жизни — не требовал от нее так много терпения».

Вот при таких печальных обстоятельствах переживают дети развод. Даже если ребенок к этому времени уже приобрел уверенность, что мама и папа всегда защитят и никогда его не покинут, — пусть даже они уезжают на время или сердятся на него, — добрую долю этой уверенности он неизбежно теряет. Мать меняется у него на глазах, он перестает ее узнавать. «Как, как моя добрая мама могла поступить так жестоко, отнять у меня папу? Почему она так наказала меня?». Да, да, именно, наказала! Дети чаще всего представляют себе ситуацию развода как наказание. Мамино поведение после развода объективно объясняется ее собственными душевными проблемами, но

ребенок думает, что это связано непосредственно с ним и

69

опасение после отца потерять теперь еще и мать действительно сбывается. То есть реально мать все еще остается здесь, но в ней исчезают те качества, которые и делали ее матерью.

Есть и еще одно обстоятельство, которое чрезвычайно обременяет отношения матери и ребенка после развода.

Когда Кристиан ссорился со своей мамой, — а это обычно случается со всеми детьми, — он сильно сердился на нее. Как и все маленькие дети, он в этот момент думал, что мама его не любит. Тогда и он не любил ее. Это — абсолютно нормально, потому что любовь и ненависть — чувства взаимоисключающие. Взрослые знают тем не менее, что злость улетучивается и снова уступает место нежным чувствам; в один и тот же момент мы можем или любить, или ненавидеть. (Одновременность сознательных противоречивых чувств, например, любви и ненависти, желания близости и желания дистанции, является симптомом серьезного психического заболевания — шизофрении, но эта область уже принадлежит психиатрии.) Итак, когда мама и папа жили еще вместе, Кристиан в такие минуты бежал к отцу, если того не было дома, он звонил ему по телефону или просто думал о том, как папа вечером придет с работы и они вместе будут играть. Такое временное объявление независимости от матери помогало мальчику быстро освободиться от своих злости и отчаяния. Следует иметь в виду, что злость и отчаяние имеют место лишь там, где есть любовь и зависимость. Приблизительно то же самое происходило и с матерью: когда она сердилась на сына, она думала о том, что вечером побеседует с мужем о своих проблемах, он поймет ее и утешит. Отход, обращение к третьему объекту позволяют чувствам, можно сказать, регенерировать, что помогает освободиться от власти агрессивных влечений.

После развода все изменилось. Кристиан все чаще злился на маму, но ему не удавалось даже на короткое время объявить независимость — отец, как любящее существо, отсутствовал и защитить его было некому. Страх перед одиночеством боролся с агрессивными тенденциями. Но и матери не доставало этого третьего, ей тоже не с кем было поделиться своими тяжелыми мыслями, не с кем было поговорить о своих переживаниях, не от кого ждать утешения.

70

Итак, отсутствует третья персона. Мать и сын, при всей своей взаимной любви, в моменты раздражения оказываются предоставленными друг другу. Любой конфликт становится существенной угрозой психике. Потому что ребенок не может уже себе позволить — хотя бы на несколько минут — ненавидеть свою мать или оказаться ненавидимым ею. Он просто не в состоянии больше переносить все эти конфликты, чем и объясняются частые его колебания от любовной, нежной привязанности к яростным порывам и откровенной враждебности.

Если подумать обо всем этом, сразу станет ясно, какое огромное значение имеет продолжение интенсивных отношений ребенка с разведенным отцом. Напрасно опасается мать потерять его любовь. Отношения с отцом не только не разрушат любви ребенка к матери, они в большой степени освобождают ее от того агрессивного потенциала, который так опасен для них обоих. Ревность — чувство по-человечески вполне понятное, но разумной воле следует брать его под контроль. Ревность еще никогда и никому не облегчила жизни, а жизнью, изуродованных ею, — великое множество.

К сожалению, на практике все выглядит иначе. Порой отец сам исчезает, порой родители вместе решают, что детям необходима на какое-то время дистанция, иногда мать думает, что для детей лучше вообще не видеть отца, а бывает, и сами дети не верят в продолжение отношений и не умеют их поддерживать — им мешает боль потери. Иногда они начинают бояться отца, испытывая страх расплаты, и сами избегают с ним встречаться. Но и тогда, когда у ребенка остается возможность видеться с отцом, облегчающая функцию треугольных отношений часто разрушается рядом других обстоятельств, о которых мы еще поговорим.

В высшей точке послеразводного кризиса мать в глазах ребенка теряет свои материнские качества. В результате таких детей с полным правом можно назвать сиротами развода.

Стефании было пять лет, когда родители развелись. Девочка, как большинство детей в этой ситуации, стала бояться потерять мать, но она выражала это тем, что злилась на нее, обвиняя в том, что любимый папа нашел себе другую подружку:

71

«Ты вечно ругалась, вот он и ушел!». Мать, в свою очередь, думает так: «Но ведь я только защищалась от его деспотии. Он вел себя отвратительно не только по отношению ко мне, но и к ребенку, но дочка, оказывается, этого не замечала». Упреки дочери и отсутствие ее солидарности

больно ранили мать, она не могла сладить с собственными гневом и отчаянием. Многие дети обычно обращают свою афессивность именно на того родителя, который оказывается под рукой. Такое же «размещение афессий» можно наблюдать и у родителей. Стефания, находясь в зените своей эдиповой влюбленности в отца, всю вину за то, что отец ее покинул, возлагала на мать. Отношения их сильно ухудшились. Собственные разочарование и злость мешали матери понять ребенка. Потребность Стефании в контроле и ее зависимость раздражали ее: «А, теперь ты приходишь, но теперь я не хочу с тобой говорить!». Кроме того, матери пришлось вернуться на работу и девочка оставалась в детском саду целый день, а не всего три часа, как прежде.

Психическое состояние ребенка заметно ухудшалось. Отца она, казалось, и в самом деле потеряла окончательно — он до сих пор просто не давал о себе знать. Стефания решила, что виновата снова мама, ведь папа ее, Стефанию, всегда любил больше, чем маму, поэтому мама мстит ей сейчас за это. Опасение, что мать больше не будет ее любить, подтверждалось частыми ссорами и девочка ужасалась перспективе навсегда теперь остаться «со злой мамой». Росло в ней и чувство вины из-за своей собственной ярости и из-за продолжающейся любви к отцу. Мысль о том, что мама однажды «сделает выводы» и оставит ее одну, делало девочку все более зависимой и нетерпимой. Рыдания и крик сопровождали обычно уход матери из дому. Стефания не верила, что мама вернется.

Уже через полгода состояние Стефании мало отличалось от того, что переживали Манфред и Катарина. Только случилось это не в результате самого факта развода, а из-за кризиса отношений с матерью. К моменту развода Стефания была нормально развитым ребенком, более того, в ней достаточно было развито то, что в психоанализе называется психическим структурированием, то есть она уже научилась понимать, что ее родители имеют хорошие и плохие черты, но тем не менее они

72

добры к ней, любят ее и всегда стоят на ее защите. Она была способна в тройственных отношениях (в психоанализе — три-ангулярных отношениях) преодолевать конфликты, переходя от матери к отцу и наоборот. Но долгая разлука, которая обманула доверчивое ожидание ребенка и веру в сохранение любовной привязанности, потрясла ее представление о мире. «Злая» мама, которая становилась все более «злой» и «ошибка третьего объекта» привели к обострению ее внутренних конфликтов. Стефания уже не в состоянии была совладать с возрастающими страхами. Мама разделилась в ее представлении на «совсем добрую» и «совсем злую», причем добрая становилась все более недоступной, а присутствовала только злая. И Стефания стала относиться к матери, как к врагу, она кричала, кидалась на нее с кулаками или убегала и закрывалась в своей комнате. Через два месяца после развода девочка стала неузнаваемой, она постепенно опустошалась, ее внутренний мир был похож на внутренний мир всеми брошенного, перепуганного и совсем маленького ребенка.

Однако всего этого можно было избежать, если бы мать нашла в себе силы говорить с дочерью и утешать ее, а главное внушить ей уверенность, что любящая мама никогда не покинет свою любимую дочурку.

РЕБЕНОК РЕГРЕССИРУЕТ

Мы, взрослые, в трудных для нас душевных ситуациях, тоже нередко регрессируем. К этому ведут усталость, переживания или болезни. Перед потребностями тела меркнет взрослый мир планов и ответственности и хочется, чтобы кто-то тебя побаловал, сказал доброе слово, хочется лечь в чистую постель и испытать счастливое чувство защищенности. Иначе говоря, стать на время ребенком. Мы можем также по-детски реагировать на обиды и неприятности, у нас может появиться чувство радости от мысли о нанесении вреда обидчику, мы можем мстить или интриговать, мы возмущаемся чьими-то поступками, хотя взрослым умом понимаем, что «это все равно ничего не дает». И мы можем — хочется надеяться — радоваться, как дети, когда напряжение проходит и наши желания исполняются. Мы празднуем дни рождения и наши успехи, потому что нам важно ощущать на себе чужое внимание и знать, что мы не забыты.

Подобные регрессии особенно ярки у детей. Дети вообще склонны по несколько раз в день менять свой психический возраст. Семилетняя Эльвира вдруг отказывается чистить зубы и сопротивляется, как двухлетняя. А спустя несколько минут она уже как большая девочка помогает маме ухаживать за маленьким братиком. Хотя бы раз в день она требует от мамы, чтобы та взяла ее на руки и покачала так, как она качает маленького братишку, а потом строгим голосом делает родителям замечание, почему те выбрасывают банку из-под огурцов в мусор, а не в контейнер для

стекла. И, конечно, вечером мама или папа рассказывают ей сказку и она засыпает, прижимая к себе игрушечного медвежонка — верного ее спутника, подаренного ей на ее первый день рождения. Похоже; девочке, балансируя на скользком канате социального приспособления, необходимо постоянно убеждаться в присутствии надежной и сильной руки, в любой момент готовой прийти на помощь, и она должна знать о растянутой внизу «страховочной сети».

74

Если напряжение возрастает или возникают форс-мажорные обстоятельства, то поиски опоры и шаги отступления становятся более частыми и длительными. Однако спасательная функция частичных регрессий осуществляется лишь тогда, когда человек, на которого они направлены, играет, как говорится, заодно. То есть если Эльвирино «упрямство» и вправду повышает привязанность матери и если та и вправду качает ее на руках, как маленькую, а по вечерам рассказывает ей сказки. Если бы мать этого не делала, то регрессивность девочки не только не находила бы разрядки, а наоборот, страхи ребенка возрастали. Эльвира считала бы, что ее любят меньше, чем брата, а в таких случаях дети часто, стремясь оправдать ожидания взрослых, и вправду начинают вести себя «как большие»: они уже не требуют дополнительной ласки и внимания, но зато в них растут агрессивные тенденции. Известно, что тот, кто злится и кричит, может добиться большего, чем тот, кто просит. Таким образом, дети, не получая ласки и внимания, открывают для себя новые стратегии, и стратегия применения власти становится их основным средством борьбы со страхом.

В послеразводный период ребенок часто регрессирует — порой до полного отказа от психических способностей, характерных для его возраста. Трагедия таких детей, как Стефания, заключается в том, что чем больше они регрессируют, тем труднее становится понять, что именно им нужно. А нужно им лишь одно: веские доказательства родительской любви. Стефания видит мир глазами брошенного двухлетнего ребенка, полностью зависимо от «злых великанов», и ведет себя соответственно этому. Со стороны, конечно, в злой и раздраженной шестилетней девочке трудно увидеть двухлетнего малыша, ведь ее умственные и физические способности остались прежними. Мать, в свою очередь, все больше страшилась агрессивных проявлений дочери и всеми силами старалась с ними бороться. Чем больше накалялась эта борьба, тем страшнее становился мир, в котором теперь приходилось жить девочке, — ведь добрые мама и папа, казалось, исчезли навсегда и на их место вступили злые, ненавидящие ее и всемогущие существа, от которых она полностью зависела.

75

Кстати интересно, что многие родители боятся своих двухлетних детей. Серьезные приступы гнева на втором и третьем году жизни связаны чаще всего с тем, что родители неправильно понимают требования автономии ребенка, принимая их за выпады против себя лично. Они раздражаются и считают своим долгом «сломить» волю ребенка: «Мы еще посмотрим, кто здесь главный!». Родители ведут со своими детьми борьбу за власть, как если бы они имели дело с равным себе противником — физически, умственно и психически. Но добиваются они этим только того, что дети начинают их бояться, считают жестокими, злыми, ужасными, а это превращает борьбу за автономию в борьбу против грозного и злого врага.

Александру было шесть с половиной лет, и он регрессировал так же глубоко, как Стефания. Окружающие его люди были способны в один момент менять свою сущность и превращаться из «совсем хороших» в «совсем плохих». (Это свойство совсем маленьких детей в психоанализе называется «расщепленным восприятием объекта».) Тогда мальчик начинал буйствовать, швырять все вокруг себя и его невозможно было успокоить. Потом приступ кончался, и он видел, что мама выглядит совсем нормально и ее ужасная гримаса давно исчезла. Александру становилось стыдно за себя, ведь теперь, после развода, он — единственный мужчина в доме и ему хотелось, чтобы мама им гордилась. Однако в своей панической растерянности он просто не знал, что делает. И эта ужасающая ненависть к матери в такие минуты... Мальчик начинал себя ненавидеть. Теперь он считал, что отец будет его презирать, а мама окончательно разочаруется в сыне. Родители порой и вправду испытывают подобные чувства, поэтому Александр не в состоянии был выйти из своего заколдованного круга. Когда — плюс к этому — он еще и потерял контроль над своим телом и стал мочиться в постель, ему грозила утрата остатков уважения к самому себе. А это — в проекции на родителей — означало потерять их любовь.

Маленькое отступление. Ночное недержание мочи у детей часто является развивающимся невротическим симптомом и связано с внутренними психическими конфликтами. Восьмилетняя Бетина на протяжении нескольких лет стра-

дает энурезисом, возникшим после рождения ее маленькой сестренки. Никто из тех, кто знаком с девочкой, не смог бы предположить, что у нее большие душевные проблемы. Она очень хорошо учится, добивается намеченного, фантазерка, одарена художественно, умеет радоваться жизни, сохраняет замечательные отношения с родителями, с друзьями и даже со своей маленькой сестренкой. Бетине удалось все свои беды сконцентрировать в этом симптоме. Ее энурезис — результат частичной регрессии и, хотя это и невротический симптом, но он «защитил» другие области ее личности от разложения. У Александра же ночное недержание мочи сопровождается расширенную регрессию, которая и завела его в тупик.

Если пример Магдалены и Стефана показал нам, как можно использовать первые недели после развода для восстановления душевного равновесия, то пример Стефании и Александра ярко демонстрирует, каким опасностям подвергается ребенок, если он не получает в это страшное время столь необходимого ему участия. К сожалению, типичным можно назвать как раз второй пример, а не первый.

ПОСЛЕ ТРАВМЫ

Часто послеразводный кризис заканчивается инфантильным неврозом. Невроз — цена достигнутого видимого равновесия. Но равновесие это не что иное, как усмирение тайных страхов.

Фигдор причисляет невротическое развитие Стефании к истерической форме. В результате она вытеснила все свои разрушительные и сексуальные импульсы (девочка мастурбировала в минуты особо невыносимого напряжения) и заменила их недетской заботой о матери и о других взрослых. Она заботится обо всем и обо всех, помогает, где надо и не надо, ищет любой возможности понравиться каждому. Мать Стефании счастлива и считает, что дочь благополучно преодолела все трудности, ей и в голову не приходит, что «хороший характер» дочери может быть как раз ее болезнью.

На самом же деле «отрадное» развитие ребенка ярко показывает его внутреннее неблагополучие. Стефания так старается понравиться и завоевать признание, что, несмотря на то, что ей это и вправду надолго удастся, часто она просто действует окружающим на нервы. Ее не в чем упрекнуть, но она все же чувствует, что не любима по-настоящему, что заставляет ее страдать. Малейший конфликт с окружающими приводит ее в отчаяние. Если ее отругала мать или подруга не посмотрела в ее сторону, с нею начинается истерика. Она легко впадает в панику, плачет, убегает прочь. Трудно предсказать будущее Стефании. Инфантильные неврозы, заложенные в раннем детстве, развиваются по-настоящему в переходном возрасте и позже, во взрослой жизни, приводят к заболеванию неврозами.

Вернемся, наконец, к Манфреду и Катарине. Для этих детей мир изменился не в результате ухудшения общего психического климата после развода, а в результате уже самого сообщения о событии развода. Поэтому у родителей с самого начала не было никаких сомнений по поводу причины изме-

нившегося поведения детей. Катарина вела себя так, словно ее бросили одну в этом ужасном мире. Встревоженная мать уже через несколько дней прибежала в психоаналитическую консультацию и ей удалось начать свою «борьбу» — она, как по волшебству, превратилась в исключительно любящую мать. Она старалась быть «милой» и «хорошей» везде, где это возможно, и всеми силами препятствовала образованию агрессивных влечений, которые и без того грозили завладеть ребенком. Влечения эти сами по себе уже источник большого страха, как у детей, так и у родителей. Матери было нелегко, ей буквально приходилось держать девочку в руках. Главной задачей консультанта было помешать возникновению страха перед собственным ребенком у матери, помочь ей научиться не принимать агрессивность дочери на свой счет и не реагировать на нее таким же бессильным гневом. Через несколько дней отчаянной борьбы с матерью Катарина, обессиленная — в полном смысле слова, — упала в ее объятия, которые, что очень важно, мать держала раскрытыми наготове. Не менее получаса рыдала малышка на груди у мамы — о потерянной и вновь обретенной любви. Многочисленные беседы и игры, предпринятые матерью по совету психоаналитика, помогли ей постепенно, «порциями» избавить дочь от переживаний того ужаса, который пережила она после известия о разводе родителей. Девочке удалось избежать изменений личности, которые неизбежно привели бы к развитию невроза.

Манфреду в этом отношении повезло меньше, вернее, ему совсем не повезло. «Сцены», которые он «закатывал» дома и в школе, не заставили ни мать, ни учительницу растянуть ту самую

«спасательную сеть», которая так помогла Катарине, и мальчик, можно сказать, свалился в пропасть. Мать не желала терпеть его «истерические припадки» и пыталась «образумить» его такими методами, как домашний арест, пощечины, ругань и крик. Через год после ухода отца когда-то живой и развитой мальчуган сидел часами перед телевизором и грыз ногти. Он впадал в долгие депрессивные состояния и у него не было друзей. Ему ничего не оставалось, как вытеснить свои внутренние конфликты, что сделала и Стефания, заменив их невротическими образованиями.

79

Такова связь между душевными процессами у детей и поведением окружающих. Как уже говорилось, не всегда дети внешне выражают свои переживания так ярко, как это делала Катарина, но это не значит, что они не страдают. Конечно, мы, взрослые, тоже страдаем в этой тяжелой жизненной ситуации, но все же не следует забывать, что мы — взрослые и ответственность лежит именно на нас.

Развод почти никогда не падает, как говорится, с неба, часто он подготавливается годами. Далее мы рассмотрим взаимосвязь переживаний ребенка во время развода с тем, что он пережил до него.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПСИХИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕБЕНКА ДО РАЗВОДА

в — 3435

Мы подошли к той части нашего повествования, где речь идет о внутренних переживаниях и изменениях, которые выпадают на долю ребенка (а также родителей) до развода. Поскольку дело касается внутреннего, чаще всего бессознательного, то есть не видимого стороннему наблюдателю мира ребенка (и взрослого, коим он со временем станет), то читатель должен рассчитывать на то, что ему придется столкнуться с чем-то, что может прозвучать для него довольно неожиданно. Более того, это может чувствительно задеть его собственные бессознательные переживания, защитой от которых и служат своего рода «идейные» или «педагогические» убеждения. Это означает, что здесь следует рассчитывать на активизацию собственного внутреннего сопротивления, которое, в свою очередь, заставляет поспешно отрицать или отказываться от нового знания, поскольку оно несет с собой большое беспокойство. Но если все же суметь, преодолев беспокойство (в общем, неизбежное при столкновении с анализом собственных чувств), пополнить свой интеллектуальный и эмоциональный багаж этими новыми (по)знаниями, то можно будет не только понять умом многие проблемы — свои и ребенка, — но и приобрести большую психическую стойкость, т. е. эмоционально повзрослеть.

Кроме того, читатель должен быть готов к тому, что — по причине изложения в следующих четырех главах специальных психоаналитических знаний, без которых невозможно глубинное понимание внутренних переживаний детей, — повествование может показаться несколько более сложным, чем это было до сих пор, хотя мы и старались по возможности избежать особенно сложных моментов и специфической научной лексики.

В имеющейся до сих пор литературе о разводе почти целиком отсутствует анализ той огромной роли, которую играет развитие ребенка до развода. Фигдор первым обратил пристальное внимание на этот аспект и занялся систематической ее разработкой.

Естественно, каждая психическая «структура», каждая отдельная жизнь и история семейных отношений в своем роде единственны и никакая реконструкция не может точно соответствовать действительности. Тем не менее кропотливые обследования разведенных семей выявили взаимосвязь типичных событий и переживаний развода с развитием душевных реакций на развод у детей.

82

НАРУШЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ В РАННЕМ ВОЗРАСТЕ

Для начала следует пояснить, что отношением к объекту или объектным отношением, о котором пойдет ниже речь, в психоанализе называется отношение субъекта к миру, то есть сложный и цельный итог организации его личности, основанный на восприятии окружающих персон, что в той или иной степени связано также с фантазированием и избранными стратегиями психической защиты. Мы будем говорить об объектных отношениях к тому или иному субъекту или рассматривать такие отношения с точки зрения характерности для той или иной стадии развития ребенка.

Восьмимесячный Михи приветливо улыбается маме, папе, бабушке, няне, его личико светится при узнавании знакомых персон, вещей или жестов. Но вдруг набегае облачко, в нем что-то меняется, он отворачивается ото всех или серьезно разглядывает каждого в отдельности, делает плаксивую гримаску и только при появлении мамы личико его снова сияет. «Отчуждение» это происходит

обычно на седьмом или восьмом месяце и в психоанализе его называют «страхом восьми месяцев». Младенец в этом случае хочет сказать, что увидел не то лицо, которое ему хотелось в данный момент увидеть, и дело здесь вовсе не в том, что он не узнает знакомых лиц, а в исполнении или неисполнении его ожидания. И этому следует только радоваться, поскольку это означает его развитие на новую ступень: он уже имеет свое представление о матери, независимо от ее физического присутствия, и знает о ее огромной роли в своей жизни. То, что он отличает ее лицо от всех других лиц, показывает также, что с ее появлением в его представлении связаны те приятные и веселые моменты, которые он уже пережил в ее присутствии. До сих пор он воспринимал объекты, то есть окружающих его персон, частями, теперь — по отношению к матери — части эти срослись в один единый образ, первый настоящий объект любви.

83

Конечно, с матерью связаны у него не только приятные переживания. Надо только подумать, как часто малыш остается непонятым: его укладывают в кроватку, когда ему хочется сидеть и смотреть, ему дают пить, когда у него просто болит животик, его оставляют одного и суют ему игрушку, когда ему хочется лишь одного — ощущать тепло и восхитительный аромат материнского тела; и его качают, трясут, когда ему хочется чего-то совсем другого. Как часто он чувствует себя голодным и неухоженным и никто не спешит ему на помощь! Для матери время от крика ребенка до ее прихода — доли минуты, в то время как для младенца это целая вечность: ведь собственная беспомощность внушает ему такой страх! Доброта первого отношения ребенка к объекту (к матери) в огромной степени зависит от того, насколько радостные и приятные впечатления о ее персоне преобладают над неприятными и безрадостными. Значение этого периода развития невозможно недооценить. Первое позитивное отношение к объекту, которое не случайно именуют «изначальным доверием», представляет собой важнейшую часть того фундамента, на котором будет строиться вся его дальнейшая психическая жизнь.

Участниками исследования, которым руководил Гельмут Фигдор, было сделано важное открытие, которое глубоко, по-человечески потрясло ученых: у подавляющего большинства детей разведенных родителей, особенно тех, кому в момент развода было не больше шести-семи лет, первые месяцы жизни оказались настолько переполненными конфликтами, что им приходится теперь все свое дальнейшее существование строить на неверной основе в большой степени опороченного первого объектного отношения.

При обследовании старших детей тоже обнаруживаются бессознательные фантазии, относящиеся не только к настоящему, но и к переживаниям самого раннего детства; во всяком случае то и другое тесно связано между собой. Следует напомнить, что наше бессознательное детерминировано, то есть все, что в него вытеснено, не имеет понятия о времени, там нет разрыва между прошлым и настоящим и таким образом болезненные переживания детства остаются навсегда актуальными, что и ведет к образованию неврозов.

84

Результаты тестов показали, что в фантазиях многих детей живут грозные образы самого раннего детства, например, кусающиеся или поглощающие тебя чудовища, смерть от голода, у одних жадность или у других, наоборот, кормление, забота; это может быть борьба за пищу или, например, желание, чтобы тебя держали на руках; поиски укрытия, потребность забраться в укромный угол, в пещеру и т. д. Все эти фантазии говорят о том, что вероятнее всего уже первый год жизни этих детей был отмечен травматическими переживаниями. Это доказывают и результаты бесед с родителями, вплоть до того, что из них видна явная взаимосвязь между совсем ранним объектным отношением и разводом.

А теперь придется сказать нечто, что, скорее всего, сильно удивит большинство читателей: почти во всех случаях ранних разводов именно рождение ребенка и было тем событием, которое послужило причиной кризиса в отношениях супругов и позднее привело к разводу. Принято считать, что рождение ребенка (или нового ребенка) должно укрепить, так сказать, «цементировать» семью. К сожалению, на самом деле как раз младенец в качестве «цемента» абсолютно не пригоден] Скорее наоборот: ребенок — это то испытание, которое проверяет на прочность не только любовь супругов друг к другу и надежность их отношений, но, прежде всего, их психическую выносливость. Почему, мы расскажем об этом ниже.

Рождение ребенка радикально меняет жизнь родителей, особенно если речь идет о первенце. И перемены эти гораздо более значительны, чем можно предположить. К тому же супруги нередко переоценивают свою готовность к лишениям, которых требует младенец, и больше всего страдают

в этом случае молодые родители, которые, не успев еще сполна насладиться собственной свободой от собственных родителей, попадают в новую зависимость — от новорожденного. Это приводит к внутреннему протесту, раздражительности, желанию освободиться от тяжести нагрузок, а значит, к конфликтам, ссорам, недовольству друг другом и самой жизнью. А поскольку родительская любовь и совесть защищают ребенка и он не может стать непосредственным объектом их агрессивности, то недовольство легко перекладывается на партнера. В резуль-

85

тате раздражительность, чувство, что тебя используют, сознательные и бессознательные обвинения приводят к ухудшению атмосферы отношений. Отцы на это чаще всего реагируют отделением от семьи, и ко всем тяготам и разочарованиям матери прибавляется еще и «предательство» мужа: и это именно тогда, когда она так нуждается в его помощи и поддержке! Итак, любимый супруг оказывается эгоистом, изменником, черствым человеком, плохим другом и плохим отцом, а жена, в свою очередь, из нежной, любимой и любящей женщины превращается в постоянно ругающуюся, критикующую, раздражительную персону, которая, судя по всему, окончательно растеряла свои тепло и радость жизни. Теперь полный разрыв становится лишь вопросом времени.

Все это конечно же не проходит для ребенка бесследно. Как уже было сказано, родительская совесть защищает его от непосредственных проявлений их ярости. Но это касается лишь сознательной агрессивности (следует напомнить, слова «агрессия» или «агрессивность» употребляются нами не в обиходном, а в психологическом значении). Психоанализу известно множество способов удовлетворения агрессивных влечений без необходимости себе в них признаться. Например, бессознательная агрессивность по отношению к младенцу может выражаться в качестве неловкого с ним обращения, ошибочных действий, непонимания или чаще всего в различных весьма сомнительных «педагогических» теориях («Ребенку следует дать накричаться, это развивает легкие!», «Пусть не думает, что он здесь главный!» и т. п.). Но чаще всего мать просто не в состоянии создать той спокойной, расслабленной атмосферы, которая требуется новорожденному, чтобы насладиться — в основе своей довольно щекотливым («эротическим») — актом сосания. Плач ребенка обычно воспринимается как сигнал либо голода, либо грязных пеленок. А может, он просто неловко лежит? Или ему не хватает защищенности тепла материнского тела? А как часто — из «педагогических» соображений — взрослые отнимают у него пустышку! Конечно, проявления агрессивности в отношениях родителей и детей настолько обычны, что их можно считать «нормальным» жизненным явлением и здесь все зависит от их накала и интен-

86

сивности. Когда вы просто не в состоянии выносить лишения, налагаемые на вас ребенком (вы потеряли свою независимость, карьера осталась в стороне, у вас нет покоя и ни минуты свободного времени), то единичные конфликты становятся выражением самой сути отношений, что, в свою очередь, искажает представление ребенка не только о матери, но и о себе самом, а также зарождает в нем общее недоверие к миру.

Но это не все. Рождение ребенка у каждой женщины и каждого мужчины сопровождается бессознательными фантазиями, которые и определяют их дальнейшее отношение к малышу. Здесь огромную роль играют душевные реакции, связанные с собственной сексуальностью (поскольку появление детей на свет вообще-то имеет «некоторое» отношение к сексу!), а также с переживаниями собственного детства. И эти реакции могут сильно обременить чувства родителей к ребенку, друг к другу и к себе самим.

Например, возьмем мать, настолько переполненную младенцем, что в настоящее время для нее ничто в мире, в том числе муж, не представляет особого эмоционального значения. А как при этом должен чувствовать себя супруг? Способен ли он понять свою жену и отнестись к ситуации с тем великодушием, которое позволило бы ему не принять ее отчуждения лично на свой личный? Скажем так, если отец способен частично идентифицировать себя с младенцем, то есть представить себя на его месте и по-настоящему принимать участие в уходе за ним, то это будет способствовать удачному развитию отношений. Однако такая способность в большой степени зависит от тех переживаний, которые в свое время, в детстве, выпали на его собственную долю. Есть также матери, которые рассматривают свое дитя как часть самой себя, считают, что ребенок принадлежит ей одной и это никого касается, в том числе и самого отца ребенка. В том и в другом случае отец оказывается исключенным из интимных отношений «мать — дитя». Есть отцы, которые не в состоянии с этим согласиться и они начинают бороться за свое место, другие же

просто ретируются и отдаляются от семьи. Но существуют и отцы, для которых теперь существует только ребенок, а мать в ответ чувствует себя ограбленной — как личность, как жена,

87

как женщина. Другие отцы в заботе жены о ребенке бессознательно видят повторение той ситуации, которую, может быть, они пережили в детстве, когда мать целиком посвящала себя уходу за новорожденными братом или сестрой. Жена (путем переноса⁷ чувств из детства) становится матерью, которая отнимает у него привычную любовь и отдает ее новому пришельцу. Эти фантазии переноса могут дополнительно провоцироваться тем обстоятельством, что многие женщины первое время после родов не испытывают прежних сексуальных потребностей. Бывает, что забота жены о младенце обостряет в отце ненасыщенную потребность в близости матери из его собственного детства. В таких случаях любовь отца к ребенку омрачается огромной бессознательной ревностью и жена становится объектом той агрессивности, которая когда-то была направлена на мать.

Отец чувствует себя ущемленным не только по причине отказа жены от сексуальности или из-за исключения его из идиллического союза «мать — дитя», но и сам младенец, который успокаивается только на груди у матери, заставляет отца испытать чувство беспомощности и бессилия. Подобные переживания «импотенции» вызывают скрытую ярость или подавленность, что заставляет мужа отдалиться, целиком уступив ребенка жене. А реальная ситуация тем временем все больше ухудшается: отец теряет контакт с ребенком, не знакомится с его привычками и особенностями, младенец, в свою очередь, тоже не сближается с отцом, в результате чего отношения его с матерью, которая является «экспертом» во всех областях, становятся все теснее.

Мать же в свою очередь, несомненно страдая от того, что вся нагрузка ложится теперь только на нее, бессознательно наслаждается беспомощностью отца — наконец-то она, дающая жизнь и больше всех любимая младенцем, может почувствовать себя привилегированной в этом мужском мире. Тем временем, сама того не сознавая, она предпринимает все, что-

⁷ В психоанализе переносом называется процесс, посредством которого бессознательные желания и переживания переносятся с одних объектов на другие. При этом детские объектные отношения переживаются на новых персонах с ощущением их особой актуальности.

бы это так и осталось: ведь то, что ложится тяжелыми заботами на ее плечи, одновременно приносит ей ощущение собственной значимости и власти.

Все это еще больше осложняет супружеские отношения. Для отца младенец становится соперником или он не в достаточной мере отвечает на его любовь, как бы говоря ему, ты, мол, недостаточно хорош для меня, а для матери сложившаяся ситуация становится символом ненавистной женской доли, кризиса брака, виною отхода от нее мужа. А младенец не только даже не думает вознаграждать ее за все потери, он, наоборот, только кричит и требует все больше и больше забот. Почти неизбежным следствием супружеского кризиса становится компенсационная концентрация матери на ребенке, а это значит, что от последнего — конечно же бессознательно — ожидается не только какая-то особая благодарность, но и удовлетворение желаний и запросов матери. А среди них есть и такие, как признание и оценка ее заслуг, освобождение от груза забот и тревог, эротика и т. п., что может быть удовлетворено лишь взрослым окружением. Итак, в качестве заместителя партнера младенец конечно же не годится, а значит, мать испытывает все больше разочарований, что в свою очередь, ведет к обострению скрытой агрессивности в и без того довольно амбивалентных (противоречивых) отношениях с ребенком.

И еще одно. Мы тем больше в состоянии проникнуться проблемами другого, чем более уравновешено наше собственное душевное состояние. И это ведь так понятно! Чего же удивляться, когда родителям, живущим в напряжении и душевных кризисах, не удастся быть достаточно хорошими родителями?! Мы уже говорили о тяжелом психосоциальном положении матери после развода; точно так же тревоги и боль, связанные с кризисом супружеских отношений, чрезвычайно осложняют именно тот этап развития ребенка, который даже при счастливых обстоятельствах достаточно напряжен.

Общество много предпринимает для физической подготовки родителей, оно в достаточной степени заботится о здоровье матери и ребенка, но о том, что в здоровом развитии ребенка огромную роль играет душа — и душа не только ребенка, но и его родителей, — кажется, никто даже не думает.

А сколько человеческих страданий, психических травм (а вместе с тем и дальнейших расходов со стороны того же общества) можно было бы избежать, если бы оно заботилось о пси-

хогигиенической профилактики и подготовке семьи к рождению детей. Если молодые родители будут знать, какие именно трудности лежат у них впереди, жизнь многих из них можно будет значительно улучшить, что повысит шансы здорового развития детей.

Нельзя считать, что кризис отношений грозит семье лишь при рождении первого ребенка и что если семья была уже однажды в состоянии интегрировать нового пришельца, то ей ничего не стоит сделать это еще раз. Обследования показали, что рождение не только второго, но и третьего, и даже четвертого ребенка может нанести непоправимый урон отношениям супругов и привести к разводу. Чаще всего, как мы уже говорили, бывает так, что на рождение (очередного) ребенка возлагается надежда «спасения семьи». Но какому ребенку по силам такая роль?! Для этого он должен был бы принести с собой не заботы, а одни лишь только чистые радости, да еще так много, чтобы родители за этими радостями просто забыли о своих неурядицах. Но если мы видим, что нормальный брак может разрушиться из-за обременения проблемами, которые приносит с собой вполне желанный ребенок, то как же можно ожидать, что младенец, зачатый практически против воли, из чистого расчета, не принесет с собой еще и дополнительных нагрузок, вместо того, чтобы спасти брак, и без того уже давший трещину?! Не говоря о том, что ребенку просто не по силам вынести этот груз столь глобальных ожиданий и такой ужасной ответственности!

Мы уже говорили, что ранний жизненный опыт предreshает будущую жизнь человека и образует фундамент всего его дальнейшего развития. Именно этим опытом, и в первую очередь своим отношением к матери, будут руководствоваться его дальнейшие душевные реакции на жизненные ситуации. Дети, чей первый опыт был обременен конфликтами и изначальное доверие к миру уже основательно подорвано, на протяжении всей жизни испытывают страх перед потерей любви, перед наказанием — и не только за проступки, но и за «злые» фантазии, — легко отступают перед трудностями, им не хватает

90

уверенности в себе, как и вообще любопытства к новому. А если родители в дальнейшем разводятся, то такие дети оказываются хуже всего подготовленными к переживаниям развода. Страх перед потерей любви, страх перед наказанием, обида и гнев вообще относятся к переживаниям развода, но у детей с ранними нарушениями объектного отношения они проявляются особенно ярко. Им для вступления в новый отрезок их жизни очень сильно не хватает уверенности и мужества, они не ждут от жизни ничего доброго и это делает их переживания особенно невыносимыми. И это объясняется не только конфликтами первого года жизни, дело в том, что неразрешенные внутренние — психические — конфликты каждого этапа развития в известной мере берутся с собой в следующий этап и усиливают конфликты, характерные для этого нового этапа. Итак, можно смело сказать, что общее развитие таких детей уже с первого года жизни омрачено тенью будущего развода.

Родители часто обращаются к психотерапевту с вопросом: «Должны ли мы ради детей жить вместе или все же нам следует развестись уже сейчас?». Многие из них считают, что развод тем страшнее для детей, чем дети моложе, и что надо, мол, по крайней мере, дождаться школьного возраста. Подобные суждения можно услышать и от педагогов или прочитать в специальной литературе. А между тем именно ожидание может принести с собой те проблемы, которых как раз и хотелось избежать. Дальше он излагает взаимосвязь между реакциями детей на развод и их печальной доразводной историей, переполненной родительскими ссорами. Известно, как болезненно переживают дети такие ссоры, даже если внешне они этого не показывают.

ТРОЙСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ПРОЦЕСС ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ

Ваш малыш весел, и он ласково к вам прижимается, потом у него вдруг портится настроение. Вчера он радостно шел на руки к бабушке, а сегодня отворачивается от нее; у бабушки невольно закипает обида, ей трудно не принять отчуждение ее любимого ангелочка на свой счет. Но если бы мы знали, что именно происходит в ребенке на каждом этапе его развития, что он чувствует и думает, мы не стали бы обижаться или считать его проявления «глупыми капризами». Давайте посмотрим немного поближе.

Новорожденный младенец еще не имеет представления о том, что есть «я» и что «не я», то есть «ты». Он не знает, где он «начинается» и где «кончается». Трехнедельному малышу грудь матери намного ближе собственным ног. И если ему повезло и мама всегда здесь, и вот они, ее ласковые руки, тихо звучит ее успокаивающий голос, ее кожа пахнет именно так, как она и должна пахнуть, то можно считать, что все в порядке. К первому «я» младенца относится не только тело матери, но и весь окружающий мир, который, как ему кажется, изменяется в зависимости от его собственного

настроения или исчезает, когда он закрывает глаза. В психоанализе это именуется симбиозом матери и ребенка. Длится этот период до четырех месяцев, но ребенок в известной степени и дальше сохраняет иллюзию своей божественной роли во вселенной, и если мать по мере возможностей «принимает участие в этой игре», то в нем образуется ядро того самого изначального доверия, о котором мы уже говорили выше. Так в человеке зарождается и потом будет жить всю жизнь чувство, что он существует в принципиально добром, не враждебном ему мире. Для того чтобы выполнить это столь важное задание, матери, в общем, не надо делать ничего особенного. Если в доме спокойная, дружелюбная атмосфера, то все происходит само собой. Первые меся-

92

цы младенец почти все время спит, так что в те короткие промежутки, когда он бодрствует, ей ничего не стоит быть «здесь». Потребности младенца в это время тоже не столь разнообразны, так что распознать и удовлетворить их совсем несложно. Мать в эти месяцы в большой степени идентифицирует себя с ребенком, сознательно или бессознательно она воспринимает его как часть самой себя и таким образом подтверждает фантазии младенца.

Потом этот «симбиоз» постепенно растворяется, переходя в напряженный и объективно конфликтный процесс освобождения, который в трехлетнем возрасте достигает своей высшей точки. В это время и происходит так называемое психическое рождение ребенка, то есть он начинает воспринимать себя в качестве субъекта, существующего независимо от матери. А начинается этот процесс индивидуализации с того момента, когда младенец начинает различать границы собственного тела и собственной власти. Он начинает различать, что есть он и что — не он, какие ощущения находятся «внутри» и какие «снаружи». Он все дольше бодрствует, ему нравится двигаться, то есть отдаляться, и по мере возрастания его запросов он понимает, что мир больше не таков, каким был прежде, что существуют еще и другие существа (объекты), которые имеют свою собственную волю, но в которых он тем не менее нуждается, и он потихоньку учится отношениям с ними.

Поначалу эти первые объекты еще не являются для него целыми персонами, он воспринимает их частями, зрительными и звуковыми обрывками впечатлений. Объединяет их всех лишь то, что они «не я». Между шестым и восьмым месяцами жизни грудь матери, ее лицо, ее голос, ее запах и определенное поведение вырастают до образа одной персоны, матери, первого любовного объекта. По отношению к окружающим этот знаменательный шаг развития характеризуется тем самым отчуждением, которое мы видели на примере Миши. Этот период, между прочим, считается психологами идеальным моментом для отлучения от груди: радость по поводу нового, полного объекта и захватывающего покорения мира, которая сочетается с развитием двигательного аппарата, может впол-

93

не возместить эту потерю, конечно, если отлучение совершается осмотрительно, без насилия и своего рода «педагогизирования», а путем компромиссов, замены одного удовольствия другим. Потом кормление грудью становится составной частью любовных отношений и поэтому более позднее отлучение от груди рассматривается ребенком как утрата части любви матери.

Дальше, от года до полутора лет, малыш учится ходить и говорить, таким образом, он постигает новое измерение самостоятельности: вещи не должны больше служить, они могут быть завоеваны, окружение влечет быть обследованным, экспериментально проверенным, а то, что невозможно взять самому, можно назвать словами, попросить или потребовать у взрослых. Если ребенок испытывает доверие к обоим родителям, то он ничего не боится, едва ли испытывает боль, когда падает, и он все больше предпочитает новые приключения привычному физическому контакту с матерью. Но с возрастанием моторных возможностей то здесь, то там вдруг возникают «запрещающие таблички»: не подходи к открытому окну, не трогай чайник, не нажимай кнопки стереоустановки, не рисуй на обоях, иди спать и т. д. Это все равно, как если бы вы выиграли автомобиль, а вам не позволяют на нем ездить. Ребенок начинает сопротивляться, он усиливает свое стремление к автономии и начинает бороться с родителями за власть. Однако проходит совсем немного времени, и он вдруг понимает, что явно переоценил свои возможности: ботинки не зашнуровываются, дверь не открывается, игрушечные часы не заводятся, а убежав от мамы, он не может найти обратной дороги. В полтора года малыш понимает вдруг, что поторопился со своей самостоятельностью и он вновь усиленно ищет близости мамы.

Эта фаза «нового приближения» характеризуется новой зависимостью, ребенок как бы говорит

матери: «Пока я был с тобой одно целое, я мог все. Сейчас я вижу, что без тебя я беспомощен. Но я не хочу терять свою автономию и менять ее на старую зависимость, поэтому ты должна оставаться рядом и следить за мной, чтобы я мог в любой момент рассчитывать на твою помощь, ты должна давать мне силы и делить

94

со мной мои переживания». Но как часто это приводит к печальным недоразумениям! Мать, уже так было радовавшаяся возросшей самостоятельности своего малыша, не может ничего понять, она досадует и раздражается оттого, что ребенок вновь хватается за ее юбку. При этом она не понимает одного: в этом возрасте ребенок, хотя уже и знает ее как определенную персону, но он все еще сохраняет иллюзию, что она может и должна исполнять все его желания, в том числе не высказанные словами, как это было когда-то в «симбиотическом раю», и если она этого не делает, то моментально теряет в его глазах свою материнскую суть, то есть из «совсем доброй» превращается в «совсем злую». Это типично для данного возраста и не только в отношении матери. Он видит ограниченность собственных возможностей, постоянно сталкивается с запретами, установленными средой, репрезентантом коих является в первую очередь как раз мать, тогда в нем сталкиваются автономные и регрессивные потребности. Для двухлетнего малыша это совершенно нормально приписывать собственные недостатки не себе, а объекту и последний кажется тем злее, чем больше гнев и злость самого ребенка. Это, в свою очередь, еще более активизирует его агрессивность, и ребенок отчаянно борется — как умеет — за то, чтобы получить обратно свою «добрую», все исполняющую маму. Ведь психической сутью всех ссор (и взрослых тоже) является именно это стремление вновь получить свой «добрый объект». В это время внутренний мир ребенка соответствует восприятию мира психотиками. (То есть психотиками становятся как раз те, чье внутреннее, психическое развитие — на фоне роста физических и умственных способностей — в силу печальных жизненных обстоятельств задержалось именно на этой фазе развития.) Границы между «я» и объектом размываются (кто сейчас зол — я или мать?), и мать превращается в чудовище, в опасного врага.

Но если все нормально, то через несколько минут малыш начинает понимать, что он не будет уничтожен «злой матерью», что она, хоть и запрещает, но все равно продолжает его любить и остается доброй. Так ребенок со временем начинает осознавать разницу между своими собствен-

95

ными чувствами и чувствами другого человека. Фигдор придает огромное значение тому стилю, в котором производятся отказ или запрет⁸. В ответ на просьбу ребенка купить ему новую игрушку родители порой реагируют возмущенно: «Как ты только смеешь желать новых покупок, когда ты знаешь, что у нас так мало денег!» (или нечто в этом роде). А ведь можно сказать совсем по-другому: «Я понимаю, милый, как тебе этого хочется и я бы с удовольствием исполнила твоё желание, но, к сожалению... и т. д.». Итак, две формы отказа. Какую из них предпочли бы вы сами, будь вы на месте ребенка? Согласитесь, вторая далеко не так обидна, потому что она затрагивает лишь «внешнюю сторону», т. е. удовлетворение желания, не посягая на право ребенка желать. Говоря: «Как ты смеешь желать», мы практически говорим ребенку: «Эге, дорогой, да с тобой явно что-то не в порядке! В тебе что-то не так, ты какой-то неправильный...». Имеется в виду, что «правильные» никогда не имеют желаний, которые шли бы наперекор обстоятельствам. А то и вовсе не должны иметь никаких желаний. Как часто приходится слышать похвалы всяким формам аскетизма! Фигдор отмечает, что воспитательный стиль некоторых родителей вообще напоминает ожидание от детей какой-то «святости», полного и сознательного отказа от всех жизненных соблазнов (а также от собственной агрессивности). Но те, кто знает о силе, интенсивности и неотложности детских желаний, а также об их грандиозной роли для всего психического развития, знают так же, как важно признать за ребенком право на желания и запросы. Фигдор предупреждает, если вы не хотите нанести своему любимому чаду непоправимого психического вреда, если вы хотите, чтобы ребенок ваш вырос здоровым человеком, никогда не запрещайте детям желать. Отказывая — по каким либо причинам — в исполнении желания, не отказывайте детям в их святом праве на желание. Мы все имеем право желать, пусть даже исполнение некоторых наших желаний и невозможно.

⁸ См. работу Г. Фигдора «Я тебя понимаю, но я тебе этого не скажу» (о возможностях психоаналитической педагогики в работе с трудными детьми), «Психологическая наука и образование», М., № 1, 1998.

96

Если отношения остаются в основе своей благополучными, то к трем годам малыш приобретает ту

способность, которая в психоанализе называется «константой объекта». Это значит, что ребенку стало ясно, что, несмотря на зависимость, мать и он остаются двумя разными существами, и он уже способен различать, что именно в его чувствах относится к нему самому, а что исходит от матери. А самое главное — он приобрел уверенность, что мама его — добрая и оберегает его даже тогда, когда она на него сердится или отчитывает за проступок, а если она уходит из дому, то обязательно вернется, потому что она любит своего ребенка. Так зарождается амбивалентность объектных отношений, то есть ребенок начинает понимать, что один и тот же человек обладает разными качествами, что не мешает ему этого человека любить (несмотря на то, что порой он его и ненавидит), и ему не надо бояться потерять его или думать, что он уже потерян. Итак, «константа объекта» относится к тем завоеваниям, которые прежде всего необходимы для здорового психического развития.

Трагическая ошибка, совершаемая родителями в фазе нового приближения, заключается в том, что они воспринимают колебания между потребностью ребенка в автономии и его зависимостью, часто выражающуюся в отчаянной и порой агрессивной борьбе за власть и за «добрую маму», в качестве «настроения» и капризов и отвечают на них настоящей войной: «Мы еще посмотрим, кто здесь главный!». Как если бы они имели дело с противником, равным себе — умственно и физически. А между тем каждая такая ссора активизирует механизмы проекции и расщепления, то есть, как говорилось выше, ребенок продолжает видеть объект то «совсем злым», то «совсем добрым», приписывая другому свою собственную злость, что катастрофически задерживает его психическое развитие.

Вернемся однако к «отчуждению» Мухи. Мы отметили, что ! он к своим восьми месяцам уже интегрировал совокупность приятных, а порой и неприятных переживаний в представление об одной персоне — матери. Через некоторое время можно видеть, что личико его сияет и при узнавании отца. Через какое именно время, это зависит от интенсивности их отношений. Итак, он ■ научился уже отличать отца от матери. Но это пока означает

I- 3435

97

лишь то, что его представления о матери получили «второе лицо»: для младенца мать и отец — это одно целое, поскольку внешне различные персоны заключают в себе одни и те же качества. Вначале отец является не чем иным, как второй матерью, а в матери содержится что-то, что связано с отцом или с другими персонами.

А вот вторая характерная черта этого возраста: ребенок на этом этапе в состоянии вступать в отношения лишь с одной персоной. Сколько бабушек, тетя и отцов чувствовали себя ранеными по этой причине — их милый ангел, который только что так лучезарно тебе улыбался, не хочет больше смотреть в твою сторону потому только, что мама вновь появилась в комнате. Этой же причиной объясняется и то, что ребенку так трудно бывает перейти с рук матери на другие руки.

Но постепенно он начинает замечать разницу между отцом и матерью, они разговаривают с ним по-разному, по-разному реагируют и по-разному с ним играют, и он начинает предъявлять к ним разные требования и ожидания. Постепенно отец — к концу первого года жизни — превращается в самостоятельный, отличающийся от матери объект. Таким образом он остается существовать и тогда, когда ребенок занят с матерью. Или он приветствует пришедшего с работы папу, не забывая в этот момент о существовании мамы. Так он учится одновременному общению с двумя персонами.

Тройственные отношения в психоанализе именуются триангулированием. Они означают не только отношение к отцу и отношение к матери, но также отношение к обоим родителям сразу. Это соотношение создает новое равновесие, внутриспсихическую структуру, которой в дальнейшем предстоит играть огромную роль в умении построения одновременных отношений с разными персонами. Здесь невольно напрашивается сравнение с физическим законом о точках опоры, которых, для того чтобы предмет стоял, а не падал, требуется не меньше трех.

Вспомните, мы говорили о том, как Кристиан, ссорясь с мамой, на время уходил «под защиту» отца. Если отца в это время не было дома, он просто думал о нем и этого было достаточно. Таким образом ему удавалось не очень пугаться своих

98

ссор с матерью. Но когда третья персона — отец — отсутствует по-настоящему, то есть в результате развода его не просто нет рядом, а его нет, он не придет сегодня вечером и неизвестно, придет ли вообще когда-нибудь, то ребенок не в силах выдержать страха перед окончательной

потерей еще и матери: потеря эта может оказаться расплатой за его злые слова и мысли. Роль отца в успешном прохождении «фазы нового приближения», в процессе индивидуализации и в достижении константы объекта трудно недооценить. Если ребенок живет в благодушной атмосфере, если мама с папой любят его и любят друг друга, то его психические структуры развиваются нормально и именно они защитят его в дальнейшем от психических срывов. Следует отметить, что шести- или семилетние дети, переживая развод, обычно регрессируют именно в эту фазу развития. Но теперь это «оживление» прошлого происходит без отца, который был когда-то так важен для душевного равновесия и чувства защищенности ребенка. Годовалый малыш, хотя и не чувствует себя больше симбиотически связанным с матерью, но когда он замечает, что у отца, который теперь воспринимается как отдельная персона, существуют свои собственные с нею отношения, он оказывается потрясен, поскольку видит себя из этих отношений исключенным. Но одновременно он приобретает необыкновенно важное познание: быть другим или быть исключенным вовсе не означает оказаться потерянным в этом мире. Отец подает малышу пример отношений между автономными субъектами, и ребенок начинает думать так: я такой же, как папа, который любит маму и любим ею. Путем отождествления себя с отцом он открывает возможность новых, не симбиотических отношений с матерью. С этим чувством независимости своего существования от матери вступает он в критическую «фазу нового приближения», которая переполнена конфликтами между стремлением к самостоятельности и желанием безграничной заботы матери и симбиотического воссоединения с нею. И все это к тому же сопровождается совершенно разноречивыми страхами: страхом перед новым воссоединением, поскольку в нем заключается угроза «поглощения» его матерью, и в то же время страхом перед разлукой. Короче

99

говоря, он и боится, и в то же время желает независимости. Именно эта неопределенность и скрывает в себе огромный конфликтный потенциал по отношению к матери. Так ребенок в возрасте от полутора до двух с половиной лет создает себе два совершенно противоположных представления о матери. То она в его глазах абсолютно добрая, защищающая, дающая удовлетворение, то вдруг превращается в абсолютно «злую», отказывающую в удовольствии, преследующую и угрожающую. В этом возрасте он, хоть и знает уже, что у него одна мама и воспринимает ее целиком, но в то же время ему кажется, что существуют два противоположных существа, которые стремятся взять над нею власть. Этим и объясняется то, что дети в этой так называемой фазе сопротивления столь отчаянно борются за, казалось бы, пустяковые удовлетворения и, если им не удастся одержать верх, реагируют на это как на истинную катастрофу. Вам кажется, что вашему малышу очень важно, чтобы вы купили ему эту машинку (хотя у него их уже больше десяти и эта ничем особенным не отличается от остальных), но на самом деле для него может быть в этот момент речь идет скорее о «доказательстве», что «хорошая мама» все еще здесь, или о возможности путем ожесточенной борьбы изгнать «злую мать», чтобы снова вызвать к жизни «добрую». Нет оснований сердиться на него за это или чувствовать себя беспомощной, постарайтесь просто — как взрослый человек — забрать ситуацию в собственные руки. Итак, вашему малышу нужно доказательство? Дайте ему его! Но для этого нет необходимости покупать ему требуемую игрушку или разрешить зимой идти гулять в сандалиях. Есть много других способов доказательства любви и прежде всего это готовность к компромиссу и ласковая любовь, которые обязательно подскажут вам нужное решение. И это, заметьте, совсем не исключает вашей твердости. Фигдор справедливо утверждает: хорошее воспитание это прежде всего — компромисс! Запомните эти слова, постарайтесь осмыслить их для себя и применительно к своей жизни. Компромисс — это вообще основа любых хороших отношений, а не только международных. Во всяком случае на ниве воспитания, как и в любовных и дружеских отношениях, жесткая и ограниченная принципиальность, максимализм и

100

желание любой ценой настоять на своем могут привести лишь к разрушению. Двух- или трехлетний малыш вряд ли поймет, что это такое: «нет денег» или что у него уже есть десять машинок и одиннадцатая ему ни к чему. Но вы можете, не сердясь на него, а ласково улыбаясь, предложить заменить это удовольствие другим, например, поиграть с ним в его любимую игру или пойти с ним погулять. Главное, чтобы он видел, что мама, хоть и тверда в своем отказе, но она все равно добра к нему. И еще — что очень важно — не ленитесь говорить с ребенком. Уже один факт вашего с ним общения для него важнее всех самых дорогих игрушек. Говорить обо всем и давать ему возможность высказаться. И улыбаться. Вот видите: «добрая мама» уже здесь и любимец ваш смеется довольным смехом, ему, собственно, ничего больше и не нужно. Есть

семьи, которые не нуждаются ни в чем и могут позволить себе балловать своих детей все новыми и новыми покупками и они охотно это делают. Особенно те, чье собственное детство прошло в лишениях. Мне хочется спросить: как долго ваш ребенок радуется новой покупке? Знаю, совсем недолго, часто он забывает о ней уже через полчаса. И это вовсе не от «пресыщенности», как принято считать, а от того, что новое приобретение не принесло ребенку желаемого удовлетворения. Игрушка — это совсем не то, чего он на самом деле бессознательно себе желал, она нужна была ему в качестве доказательства вашей любви. Не заменяйте себя подарками! Я понимаю, у вас нет времени, вам приходится много работать (благосостояние не падает с неба), вы устали, у вас просто не хватает сил на все. А тут еще и свои собственные неудовлетворенные потребности! И вот вы уже чувствуете себя ужасно виноватой перед своими детьми и не находите ничего лучшего, как заглаживать вину подарками. И вы даже не представляете, как это опасно для ваших отношений. В результате ребенок ваш, постоянно переживая внутренние разочарования, и в самом деле находит компенсацию в подарках. Так он потихоньку учится бездушно измерять любое доброе отношение не истинным проявлением тепла, заинтересованности и любви, а количеством полученных от человека материальных благ. Такие люди, если и добиваются в жизни известных успехов, они тем не менее ос-

101

таются несчастны в личной жизни, поскольку они считают, что все, в том числе и любовь, можно купить за деньги, и не умеют строить настоящих отношений.

Именно в это, такое трудное для матери и ребенка время на отца возлагаются две необыкновенно важные задачи. Во-первых, он предлагает ребенку себя в качестве менее «заряженного», то есть менее конфликтного — в отличие от матери — объекта, который на время освобождает его от противоречивых желаний воссоединения и независимости. И второе: отец одновременно выступает не только как представитель материнских свойств, но и как представитель «внешнего мира», т. е. мира, отличного от матери. Образно говоря, отец — это тот надежный остров, к которому можно пристать в бурном океане неизвестности, бежав от материка — матери. В этом случае отдаление, освобождение от матери становится не уходом вон, в неизвестность, а уходом куда-то, то есть к отцу, который в какой-то степени тоже как мама. Согласитесь, даже для взрослого человека это далеко не одно и то же.

Таким образом, тройственная структура отношений на втором и третьем году жизни создает необыкновенно важные условия для завершения процесса индивидуализации в области психики. Любовь ребенка к другому родителю не только не обедняет его любви к вам, она делает эту любовь более сильной и уверенной. Не следует смешивать два таких разных понятия, как любовь и зависимость. Если вы стремитесь к безграничной зависимости ребенка от вашей персоны, это значит, что вы желаете безграничной и единоличной власти над ним. А это значит, что вы либо превратите его в «покорного раба», либо в «бунтаря», который станет терроризировать вас своей агрессивностью.

В дальнейшем мы будем говорить о не менее конфликтном возрасте так называемого «эдипова»⁹ развития, для счастливого протекания которого чрезвычайно важно усвоить вначале эту тройственную систему отношений. Позже в конфликте между ревностью и любовью к противоположному родителю эта способность к тройственным отношениям, во-первых, помо-

⁹ Не пугайтесь, пожалуйста, этого слова «эдипов» и не торопитесь с суждениями (и осуждением).

На эту тему подробнее пойдет разговор позже

102

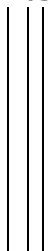
жет ребенку научиться поддерживать любовные отношения с двумя персонами одновременно, и во-вторых, «эдипов соперник» станет не только «ненавидимым и опасным», но он сможет в то же время оставаться любящим и добрым отцом. Мы уже знаем, что чувства наши часто очень противоречивы, но это далеко не значит, что они ненормальны. Так устроена жизнь, так устроена человеческая психика, и чем шире наши познания о ней, тем легче умеем мы преодолевать конфликты — внутренние и внешние. Надо только считаться с тем, что знания именно в этой области глубинной психологии даются с особым трудом по причине уже известного нам бессознательного сопротивления и вытеснения тех чувств и влечений, которые кажутся опасными. И тем не менее: чем больше знаем мы о предмете, тем менее страшным представляется он нам. Это как если бы мы заблудились в дремучем лесу, но стоит найти тропинку среди бурелома и мы уже полны надежды. Главное не забывать: ни у одного из нас нет таких чувств, которых не было бы и у других, поэтому нет оснований стыдиться своих чувств. Как мы уже говорили, стыдиться следует не чувств, а поступков. У всех матерей наряду с любовью к детям уживается множество

внутренних конфликтов. И хорошая мать не та, у которой нет этих конфликтов (нет их, может быть, лишь там, где ребенок так запуган, что от страха не смеет слова сказать), а та, которая умеет эти конфликты разрешать с наименьшими душевными потерями для всех.

В тех случаях, когда раннее триангулирование — по причине ли отсутствия отца или по причине частых родительских ссор — не имело возможности развиваться, на место ревности в период эдипова развития вступает конфликт лояльности, то есть ребенок в состоянии поддерживать отношения только с одной персоной и любые другие отношения кажутся ему не только предательством, но и уничтожением первых. В результате в ребенке растет страх, который, как известно, может выражаться как в запуганности, так и в агрессивном поведении. Проявление агрессивности — это не что иное, как защита от внутреннего страха.

Как часто бывает, когда мать, чувствуя себя обманутой супругом, ждет неукоснительной «верности» от своих детей

103

и всякое проявление ими любви к отцу переживается ею как жестокое предательство. Конечно, по-человечески ее можно понять и даже посочувствовать, но, если бы она только знала, какой вред наносит этим своим любимым детям, мы уверены, она постаралась бы что-то изменить в своих чувствах или во всяком случае в своей позиции. А кроме того, ей не мешало бы знать и то, что любовь детей к отцу, когда они могут ее испытывать, не боясь при этом потерять мать, вовсе не обременяют, а, наоборот, освобождают от агрессивного потенциала их отношение к матери. Вообще хорошо было бы время от времени давать себе возможность спокойно подумать обо всем, постараться «переселиться» в переживания ребенка, представить себя на его месте, и спросить себя, а хотела бы (хотел бы) я на месте моего малыша, чтобы со мной поступали так же, как я поступаю с ним? Например, мать, которая «гордо» заявляет: «Не нужен нам никакой отец, я и сама в состоянии...», должна была бы вначале спросить себя: а хотела бы я на месте ребенка, чтобы мама воспитывала меня одна? Конечно, бывают жизненные обстоятельства, когда не остается выбора, но и тогда следовало бы сказать так: «Очень жаль, но что поделаешь...». И если я знаю, чего именно лишен мой ребенок — да и я тоже, — я буду стараться по мере возможности восполнять эти потери. И гордость тут совсем ни при чем!

Успех процесса индивидуализации первых трех лет жизни зависит от трех факторов. Прежде всего это достаточно добрые отношения с матерью на первом году жизни. Они чрезвычайно важны для того, чтобы ребенок сумел развить в себе ту уверенность, которая поможет ему постепенно освободиться от «симбиоза» с матерью и обратиться к «внешнему миру». В ином случае появляется опасность, что он прибегнет к борьбе за удовлетворение потребностей близости, в которой ему было отказано, что в результате приведет лишь к еще большей зависимости, пусть даже порой окрашенной агрессивно. Напротив, «насыщенный» любовью ребенок, наслаждаясь своими вновь приобретенными способностями (ползать, ходить), завоевывает мир, все более отдаляясь от матери. Так начинается период развития, именуемый «фазой упражнений».

104

Второе. Мать должна оставаться для ребенка постоянно доступной также и по прошествии первого года жизни, что служит в глазах ребенка доказательством непрерывности еще недостаточно окрепших отношений. Это значит, что мать должна источать благодущие и терпение, избегать агрессивных проявлений и раздражения. Ведь и мы, взрослые, только тогда безбоязненно уезжаем или расстаемся с любимыми, когда уверены в их благополучии и в том, что мы их не потеряем. Для подтверждения своей уверенности мы можем использовать почту и телефон, ребенку же необходимо в перерывах между своими «путешествиями» часто возвращаться к матери.

Третье. Уже в первый год жизни малышу требуется постоянное присутствие отца, тот должен непосредственно заниматься младенцем, чтобы первое объектное отношение ребенка постепенно расширялось от матери к отцу. Это — важнейшее условие раннего триангулирования.

Физическая и эмоциональная доступность отца чрезвычайно важна как в «фазе упражнений» — с

8 до 18 месяцев, — так и «в фазе нового приближения» — от полутора до двух с половиной лет. Неравномерные отношения с отцом или его долгое отсутствие подвергают большой опасности развитие способности к тройственным отношениям: ребенок не в состоянии использовать отца в качестве объекта разрядки, он не может также использовать его и как объект идентификации в конфликтах освобождения от внутренней связи с матерью. Это значит, что, поссорившись с мамой, он не может утешить себя мыслью: «Я, как папа, тоже могу существовать независимо от нее!». Вместо этого он начинает панически бояться, с одной стороны, поглощения матерью, и с другой — потеряться одному в этом недобром мире.

Чтобы наглядно объяснить, что означают такие и подобные им безвыходные ситуации для психики ребенка, я позволю себе маленькое отступление. Известно, что животные в природе неврозами не страдают. В опасной ситуации, когда нет возможности защититься, оно прибегает к бегству. Но вот ученые провели эксперимент. В клетку, куда была помещена мышь, подавался разряд электричества. Дверца клетки была открыта, и мышь инстинктивно кидалась к ней, но там она

105

вдруг наткнулась на грозную морду кота. Итак, путь к бегству был отрезан, мышь при повторении эксперимента каждый раз попадала в безвыходное положение. В результате у нее развился невроз. Точно, как это бывает у людей. В таком же приблизительно положении оказывается ваш беспомощный ребенок, когда он, как та бедная мышь, оказывается запертым в клетке двойственных отношений и у него нет возможности разрядки, которой можно было бы достигнуть при помощи временного побега в спасительные отношения к третьей персоне, к отцу.

И еще один необыкновенно важный момент. Для полноценного развития ребенку совершенно необходимо видеть перед собой пример добрых /х отношений родителей между собой. Если таких отношений нет, то у него отсутствует модель «не симбиотических» любовных отношений. Агрессивные отношения родителей между собой сигнализируют ребенку опасность: отказ от «сим-биотической связи» с матерью означает потерю ее любви.

Теперь мы понимаем, что первые три года жизни относятся к особенно критическим этапам развития ребенка. Как часто непрерывность отношений матери и ребенка нарушается из-за того, что декретный отпуск подошел к концу и ей надо выходить на работу! Как часто весь груз и все заботы по уходу за малышом лежат исключительно на ней, и отцы даже не догадываются о том, какое огромное значение имеют они для развития детей! Второй год жизни, когда ребенок становится особенно подвижен, чрезвычайно тяжел для родителей и прежде всего для матери, которая и без того уже измотана нагрузками первого года. Особенно если она вынуждена вернуться на работу. Естественно, у нее появляется потребность наверстать упущенное, получить наконец возможность подумать и о себе, она устала и чаще всего слишком далека от того состояния благодушия, которое так необходимо ребенку. Осложняет ситуацию и воспитание чистоплотности у ребенка. Многие дети в двухлетнем возрасте начинают посещать детские ясли и вынуждены переживать разлуку с матерью именно тогда, когда они больше всего нуждаются в ее близости. А если в этот момент в семье рождается новый ребенок, то это переживается уже почти как катастрофа: новый пришелец отнимает

106

у него те свойства матери, которые и делали ее матерью: нежность, терпение, проникновенность. Фигдор обращает внимание на то, что именно второй год жизни ребенка является, как правило, во многих семьях излюбленным для рождения нового малыша.

И если ко всему этому добавляется еще и кризис в супружеских отношениях, то условия для нормального развития способности ребенка к тройственным отношениям можно считать потерянными. Неуверенность в принципиальной доброте матери, супружеские конфликты, отсутствие, самоустранение отца, перегруженная и несчастная мать, а также отсутствие модели зрелых любовных отношений между родителями непременно приводят к осложнениям в борьбе ребенка за автономию. Чем больше ребенок привязан к матери, тем драматичнее разыгрываются конфликты и тем больше разочарование ребенка.

И если потом наступает развод, то послеразводный кризис с новой силой активизирует эти ранние конфликты. И не только у ребенка, но и у матери. «Драматургия» послеразводного кризиса варьируется от ребенка к ребенку, часто независимо от внешних обстоятельств; разные дети по-разному реагируют на развод, развивая в себе различные по объему и содержанию страхи, фантазии, агрессивные и регрессивные желания; у одних детей травматический срыв психической защиты наступает раньше, у других позже.

Симоне было пять лет, когда родители разошлись. На первом году жизни у нее сложились необыкновенно нежные отношения с отцом. Мать вынуждена была помогать своей больной матери, которая держала магазин, и к дочери пригласили няню. Но основную часть забот о ребенке взял на себя отец. Он практически забросил свою рабочую карьеру, чтобы иметь возможность постоянно быть возле малышки. Итак, можно сказать, что отец занял при ребенке место матери. Через год обстоятельства изменились. Ее помощь в магазине больше не требовалась, и мать целиком вернулась к ребенку. Отец, постоянно упрекавший жену за то, что той, дескать, «ее мамаша дороже собственного ребенка», воспринял возврат жены как конкуренцию, что вызвало в нем страх перед потерей любви

107

дочери. Он чувствовал себя использованным и выброшенным вон. Тогда он, не желая конфликтов, уступил все родительские обязанности жене и целиком ушел в свою работу, которая теперь оказалась связанной с долгими и частыми командировками. А Симона таким образом совершенно внезапно потеряла свою «психологическую мать» и вынуждена была довольствоваться «вторым» объектом. Но ее «биологическая» мать знала о своем ребенке едва ли больше, чем в это время знают о детях отцы, у нее отсутствовал столь важный опыт отношений, и она не в состоянии была правильно воспринимать и реагировать на запросы дочери. Между ними образовалось отчуждение. Все попытки отдать дочь в детский сад кончались неистовством ребенка; Симона отчаянно цеплялась за мать, что не мешало ей тем не менее порой кидаться на нее чуть ли не с кулаками. Мать чувствовала себя бессильной, в ней росло разочарование браком и ребенком, что, в свою очередь, развивало в ней агрессивный потенциал против дочери. Между тем процесс индивидуализации Симоны не только задержался, он вообще не нашел своего завершения. Девочке так и не удалось развить в себе т. н. «константы объекта», о которой говорилось выше и ее раздвоенное представление о матери встраивалось в садо-мазохистский образец отношений. Дня не проходило без крика и слез. И когда произошел развод, страхи ребенка усилились, они питались собственными разрушительными импульсами, которые девочка проецировала на «злую» мать. Мать же, в свою очередь, подтверждала их своим агрессивным настроем против дочери. Симона относится к тем детям, на которых сам развод, кажется, не производит особого впечатления, поскольку их жизнь уже и до развода была достаточно ужасна. Исследователи считают, что ключом к феномену большей послеразводной «стойкости» детей, у которых уже до развода сложились агрессивно окрашенные отношения с матерью, является то обстоятельство, что во всех этих случаях у них уже образовался один из невротических симптомов, будь то ночное недержание мочи, различные фобии, симптомы истерии и страха и т. п. Выражаясь языком психоанализа, можно сказать, что симптомы эти «связывают» страхи ребенка.

108

Отношения с отцом на втором и третьем году жизни призваны во многом облегчить трудный и конфликтный процесс индивидуализации ребенка, они открывают ему альтернативный опыт отношений, благодаря которому малыш может и должен начать воспринимать себя отдельно от матери. Отношения родителей преподносят ему модель, в какой-то степени утешающее доказательство принципиальной возможности существования независимо от матери и в то же время сохранения с ней добрых и близких отношений. Пример отца учит гибкости в автономно-регрессивных конфликтах и облегчает конфликты с матерью. И если таким образом процесс индивидуализации состоялся, то это означает, что ребенок приобрел способность строить и сохранять одновременно многие зрелые отношения. Психическое отсутствие отца, будь то по причине смерти, развода или, как у Симоны, по причине отхода отца от семьи, отнимает у ребенка эту возможность. Правда, бывает и так, что «третий объект» все же существует — хотя это не обязательно отец, — и он частично восполняет потери. Но бывает и так, что отец живет в семье, поддерживает интенсивные отношения с ребенком, но у него нет любовных отношений с матерью. Конечно, такой отец тоже чрезвычайно важен для ребенка и его развития, но в этом случае отсутствует, во-первых, прогрессивный опыт собственного исключения, когда мать и отец заняты друг другом, и, во-вторых, ребенок видит на примере отца, что освобождение от симбиоза становится синонимом освобождения от отношений. Ребенок общается или с отцом, или с матерью. Одновременные отношения с обоими родителями становятся для него не только трудными, но и взаимоисключающими, в результате чего он по причине своей «неверности» постоянно боится потерять одного из них. Но и все же даже такие отношения могут в большой степени смягчить страхи, связанные с процессом индивидуализации. Однако, если в дальнейшем родители все же расходятся и ребенок чувствует себя целиком во власти матери, он начинает

отчаянно обороняться против опасности оказаться ею поглощенным и отчаянно борется за свою автономию, завоеванную, не в последнюю очередь, все же при помощи отца.

109

Пока отец остается достигаемым, дети — даже те, у которых уже наметились заметные нарушения в объектных отношениях, — часто способны удерживать относительное душевное равновесие без необходимости прибегать к образованию тех или иных невротических симптомов. Но существует и так называемое агрессивное триангулирование, которое вступает в силу, когда между родителями не существует любовных отношений. В переживаниях маленьких детей отсутствие любви соединяется с агрессивностью. Открытие, что родители не только не любят друг друга, но и воюют друг с другом, внушает ребенку — и не только маленькому — огромный страх. Реакции детей на этот страх очень различны. Фигдор приводит один удивительный пример.

Герберту было пять лет, когда его родители готовились разойтись. У мальчика к этому времени сложились замечательные отношения как с матерью, так и с отцом. Ссоры родителей и даже рукоприкладство отца, казалось, не производили на него никакого впечатления. Чаще всего он, оставаясь в той же комнате, преспокойно играл. Не только психоаналитик, но и родители предполагали, что это равнодушие лишь фасад, однако исследование тоже не выяснило каких-либо серьезных страхов или нарушений: он не мочился в постель, не выказывал никаких фобий, не вызывал жалоб ни в детском саду, ни дома, был нормально развитым и не слишком болезненным ребенком. В результате дальнейшего обследования выяснилось однако, что равнодушие Герберта и в самом деле было лишь фасадом, но фасадом, за которым скрывался не страх, а огромное удовлетворение и, пожалуй, даже удовольствие. Он использовал агрессивность родителей по отношению друг к другу, чтобы освободить себя самого от проявлений агрессивности по отношению к ним. Короче говоря, он «загребал жар чужими руками». Выяснилось и то, что отношение Герберта к матери носило для его возраста слишком сильно выраженный «симбиотический» характер и поэтому было чрезвычайно обременено внутренними конфликтами. Когда родители начинали ссориться, мальчик брал сторону жестокого отца и таким образом освобождал себя от необходимости самому проявлять агрессивность по

10

отношению к матери; таким образом он избавлял себя от страхов, которые неизменно сопровождают ссоры ребенка с матерью. Как разовьется характер Герберта в дальнейшем? Во всяком случае ни для кого не секрет, что жестокость не только пережитая на себе, но даже просто виденная в детстве, формирует жизнь человека страшным образом, в результате он становится если не «прирожденной» жертвой, то в том или ином смысле «прирожденным» преступником. Психологически это выглядит так: человек этот потом, на протяжении всей жизни, так и не в состоянии научиться воспринимать другую персону «целиком»: он либо восхищается человеком, либо окончательно разочаровывается в нем и тот с одной минуты на другую может диаметрально менять свое лицо в его глазах, превращаясь из лучшего друга в злейшего врага.

Естественно, мать очень болезненно воспринимает тот факт, что ее дети, до этого полные любви, вдруг после развода становятся ужасно агрессивными и это напоминает о той агрессивности, которую она, может быть, вынуждена была терпеть от мужа. Кажется, эти дети, порой бессознательно отождествляя себя с отцом, занимают теперь его — агрессивное — место, чтобы в какой-то степени отомстить матери за потерю. Но часто отождествление это происходит уже задолго до развода, в результате вышеупомянутого агрессивного триангулирования, то есть в результате родительских ссор, и часто даже у тех детей, которые сами страдали от агрессивности отца, независимо от того мальчики это или девочки. Но мы уже знаем, что агрессивность — это способ борьбы со страхом. В дальнейшем ребенок начинает бояться и своей собственной агрессивности, считая ее угрозой добрым отношениям с матерью. Кроме того, дети верят в свои магические силы и поэтому всерьез боятся исполнения своих злых желаний (сознательных и бессознательных), возникающих в моменты гнева. Тогда они вытесняют агрессивность, адресованную матери, и переадресуют ее отцу. Иногда они ненавидят обоих. Когда ребенок видит агрессивные отношения родителей, он берет их себе за образец поведения, точно так же как другие дети подражают отношениям любовным.

111

Мы уже говорили, что дети, чьи первые годы протекали в семьях, где родители часто ссорились, не выказывают после развода каких-либо особенных изменений, они, казалось бы, ведут себя как обычно и переживают не сильно, а все дело в том, что они уже задолго до этого развили в себе невротические формации защиты, которые и оберегают их от новых срывов. Платить за это во

всяком случае приходится весьма жестокой ценой, а именно: сохранением и укреплением незрелого объектного отношения. Развитие таких детей с самого начала проходило, можно сказать, в тени будущего рабства.

Мы уже говорили о том, как важно, чтобы у ребенка была возможность в момент конфликта с матерью найти утешение у отца. Если у него уже сложились теплые отношения с отцом, то за время отхода к отцу любовь его к матери восстанавливается, гнев и страх проходят, грозные тучи рассеиваются и снова светит солнышко. Нельзя это отцовское утешение понимать слишком примитивно: мол, если мама запретила сыну высовываться из окна, то отец должен сказать: «Я разрешаю!». Найти утешение у отца — это значит, что отцовская позиция должна выглядеть примерно так: «Сынок, мама права, но я тебя и понимаю, когда я был маленьким, мне тоже... Давай лучше поиграем...» Вот это и называется утешением и поддержкой. Конечно, родители не должны делать что-то наперекор друг другу, но они и не должны ожидать друг от друга точного повторения своей собственной реакции, как если бы это были не два разных человека, а одна персона, поделенная пополам, где один — лишь эхо другого.

Колебания между отцом и матерью только тогда облегчают объектное отношение ребенка, когда отец готов предоставить ребенку компенсацию. Как часто бывает так, что мать то ли в силу своих убеждений, то ли по причине своих психических возможностей не в состоянии удовлетворить те потребности малыша, которые в принципе вполне удовлетворимы. Вспомним Манфреда и вспомним о том, как страшно травмировало его известие о разводе. Его мать, учительница, очень серьезно воспринимала свои задачи по воспитанию сына. Особенно в первый год: она целиком предоставила себя в распоряжение ребенка и очень гордилась его успехами в физичес-

12

ком, моторном и интеллектуальном развитии. Но что касается эмоциональных аспектов и развития отношений, то здесь ее заинтересованность была незначительной. По складу своей натуры она относилась к тем женщинам, которые побаиваются мужчин, и ей трудно входить с ними в физический контакт, кроме того, воспитание самостоятельности было ее педагогическим руководством по отношению к сыну. Но, как сказано, у Манфреда был очень хороший первый год жизни. Напомним, что дети в первые месяцы жизни включают в свое представление об образе матери также и свой опыт с другими персонами, а отец любил своего сына нежно и преданно и находился с ним в тесном физическом контакте. Он часто вставал ночами к ребенку и, когда тот плакал и не мог заснуть, часами носил его на руках. Так что, если в отношениях с матерью ему и не хватало тепла и близости, отец целиком восполнял этот пробел и таким образом «комплектовал» и защищал образ матери в глазах ребенка. Следующие полгода прошли также беспроблемно: мать продлила свой декретный отпуск и радовалась вместе с ребенком его открытию мира. Но тем не менее потом начались трудности — она оказалась психически не в состоянии воспринимать внезапные потребности «фазы нового приближения». Ей не хотелось опять иметь дело с «младенцем», ведь Манфред уже был таким самостоятельным мальчиком! Мать чувствовала себя одураченной этими колебаниями малыша между желаниями автономии и регрессиями. Когда между матерью и ребенком началась борьба, значение отца повысилось еще больше. Отец, очевидно, имел для Манфреда гораздо большее значение, чем возможность обретения в нем замены матери на то время, пока любовные отношения с ней восстановятся: он постоянно удовлетворял те потребности ребенка, в которых мать точно так же постоянно отказывала. Со временем Манфред научился ждать с исполнением некоторых своих регрессивных желаний «фазы нового приближения», пока отец не придет домой. В конфликтах с матерью мальчик утешал себя мыслью об отце и сама эта мысль — даже в отсутствие отца — расслабляла ситуацию и защищала его отношение к матери от нарастания агрессивности. Отец все больше репрезентовал собой свойства, которые поначалу

8-3435

ребенок приписывал матери, но которые та постепенно теряла. Отец, можно сказать, играл в глазах мальчика не столько роль «острова», который облегчал ему освобождение от «материка-матери», сколько роль гавани, о которой мечтают моряки в штормовом океане, и помогал ему выстоять в опасностях океана — днях, проведенных с матерью. Этим в большой степени и объясняется тот факт, что психическое равновесие Манфреда внезапно разрушилось непосредственно после развода. Ребенку грозила не только потеря отца, он практически потерял свою психологическую мать. И это — во второй раз. Таким образом, в ребенке вновь активизировались архаические страхи раннего детства.

История Манфреда показывает, что триангулированная система отношений часто оказывается в

состоянии открыть ребенку те условия развития, которых нельзя ожидать от индивидуальной позиции или личности лишь одного из родителей, поскольку она компенсирует дефицит личности каждого из них. Бывает наоборот, мать чересчур опекает ребенка и не может его освободить, но существует отец, который бесстрашно позволяет автономии. Или, предположим, мать ужасно боится всяких агрессивных столкновений, но отец воспринимает конфликты намного легче. Мать в настоящий момент не в состоянии в полной мере проявлять любовь по причине рождения нового ребенка, но отец восполняет этот недостаток. Или слишком строгие требования одного из родителей по воспитанию чистоплотности, манер, достижению результатов смягчаются либеральностью другого. Огромное значение, которое имеет отец для этих детей, превращает развод в катастрофу.

Тройственная система отношений защищает также и отца от разочарований и агрессий ребенка. В этом кроется еще одна причина, почему дети тоскуют и по тем отцам, которые, с точки зрения матери, совершенно о них не заботились, а порой даже причиняли им боль.

ЭДИПОВО РАЗВИТИЕ (С ТРЕХ ДО СЕМИ ЛЕТ)

Итак, мы уже знаем, если развитие ребенка проходит в благоприятной, доброжелательной атмосфере и его страхи, такие естественные для раннего возраста, остаются в допустимых границах, то вскоре он начинает понимать, что в его чувствах относится к нему лично и что — к матери. Проще говоря, в те моменты, когда он сам зол на мать, он уже не приписывает ей своей злости, а кроме того, он учится верить, что злые свойства матери не уничтожают ее добрых свойств (здесь речь идет о понятии амбивалентности) и любовь превалирует над теми «частями» матери, которые переживаются как агрессивные. Подумайте сами, ведь и мы, взрослые, чувствуем себя так же: человек, который в настоящий момент зол на меня, но я тем не менее точно знаю, что он меня любит или я уверен, что он принципиально хорошо ко мне относится, не воспринимается мною как угроза моему благополучию. Мы уже поняли так же, какое огромное значение в процессе развития этих столь необходимых для жизни свойств играет присутствие так называемого «третьего объекта», то есть отца.

Если все хорошо, то приблизительно к трем годам в распоряжении у ребенка имеются две надежные персоны, отличающиеся друг от друга так же, как каждый из них отличается от самого ребенка. Но это не все. Главное — ребенок уже способен поддерживать с ними одновременные отношения, что, как мы видели, в самом раннем возрасте было ему недоступно. И это — значительная часть того фундамента, на котором будет строиться вся его дальнейшая психическая жизнь. Однако на четвертом году ребенок вступает в новую фазу развития, в это время акценты в тройственной системе отношений сдвигаются в сторону половой специфики. Обычно мальчики направляют большую часть нежных чувств на мать, а девочки — на отца. В то же время по причине любви родителей друг к другу однополый родитель становится «соперником». Соперничество с матерью

115

способствует некоторому росту агрессивности у маленьких девочек по отношению к ней в то время как мальчики, наоборот, свои агрессивные влечения передвигают с матери на отца. В психоанализе говорят так: «Однополое объектное отношение превращается в поле массивных психических конфликтов, которые создают опасность для нарциссических и само-сохранительных потребностей ребенка». Это значит, что ребенок по причине своей сексуально окрашенной любви к одному из родителей начинает панически бояться мести другого, потому что воспринимает его как «соперника» или «соперницу». Но если опасения его все же не оправдываются, мама и папа остаются принципиально добрыми и никто даже не помышляет наказывать ребенка за его любовь, то путем идентификации (отождествления) себя с однополым родителем ребенку удастся в большой степени преодолеть эти свои «эдиповы» страхи. Одновременно идентификация с так называемым «эдиповым соперником» защищает отношение к «эдипову объекту любви», как в свое время отношения с отцом освобождали отношения с матерью от чрезмерных агрессивных побуждений. И это очень важно, потому что в это время формируется решающая способность к гибкости представлений ребенка об окружающем его мире, что так необходимо ему для будущей жизни. Если раньше речь шла об отказе от симбиотических иллюзий, то теперь ребенку предстоит отказаться от не принятых в человеческом обществе сексуальных отношений девочки с отцом или мальчика с матерью.

Период этот связан для ребенка с большим страданием, но пройти через него необходимо, а именно для того, чтобы в результате идентификации с отцом (или девочки с матерью) в характере развилось то, что в психоанализе называется «сверх-Я», а в обычной жизни именуется совестью.

Однако это не все. В этот период закрепляется также половая идентификация ребенка, защищающая психику от сдвигов в сторону гомосексуализма.

Благополучно преодолев период эдипова развития, дети приобретают способность признавать разницу поколений. Если в «эдипов» период превосходство родителей доставляло столько страха и обид, то по завершении его ребенок учится

IIA

наслаждаться уверенностью и защищенностью, которые исходят от родительской силы. Обретенное спокойствие дает ему возможность вновь обратить свое внимание на «внешний мир». Как в свое время существовал отец, «иной, чем мать», так теперь существует мир, «иной, чем родители».

Если же «эдипов» конфликт не разрешился, не получил своего нормального завершения, то есть по причине неблагополучия в семье страхи ребенка не растворились, а, наоборот, закрепились (в глазах ребенка родительские ссоры служат доказательством справедливости его самых худших опасений), то покорение несемейных областей жизни становится чрезвычайно трудным. Душевная энергия и внимание ребенка в таких случаях остаются направленными на его неразрешенные внутренние конфликты, что приводит к тому, что новые отношения переживаются как повторение тех, которые известны ему по его печальному семейному опыту. А поскольку перенос чувств с одних персон на другие является нормальной составной частью нашей психической жизни, то такой ребенок может навсегда оказаться «заключенным» в клетке своих детских представлений о мире. Психологами установлено, что немалая часть школьных трудностей объясняется именно этим переносом непреодоленных «эдиповых» конфликтов на учителей, одноклассников или систему в целом.

Поскольку изгнанное в бессознательное психическое содержание конфликтов остается полностью изолированным от дальнейшего познавательного и эмоционального развития (мы уже знаем, что у бессознательного нет прошлого, оно всегда актуально), то оно и в зрелом возрасте оказывает печальное воздействие на жизнь человека. Поэтому эдипов период развития чрезвычайно важен, он просто обязан состояться — со всеми присущими ему страданиями и конфликтами, — и он должен быть в результате благополучно разрешен, только в этом случае человек получает возможность дальнейшего благополучного психического развития.

«У каждого человека свой собственный, совершенно индивидуальный «эдипов» опыт. И он создает образцы, по которым он будет строить свои дальнейшие триангулированные отношения (т. е. отношения более чем двух персон). Или,

1 17

иначе говоря, напрашивается вопрос — в состоянии ли он будет, и если в состоянии, то каким образом интегрировать «третий» объект в свои объектные отношения (двоих): отношения к братьям и сестрам в свои отношения к родителям; отношения к родителям в отношения к друзьям или в любовные отношения; дружеские и рабочие отношения в отношения с партнером; отношения к детям в супружеские отношения», — пишет Фигдор. Вспомним для примера трудности отцов, возникающие с рождением ребенка.

Вначале исследователи темы развода предполагали, что для дальнейшего благополучного развития ребенка очень важно, чтобы он имел возможность завершить эту «эдипову» фазу еще в полной семье. Но дальнейший опыт заставил усомниться в целесообразности совета родителям подождать с разводом до ее завершения. Предположение, что дети до развода проходят «нормальное» эдипово развитие, в большинстве случаев просто иллюзия. Как раз наоборот, как мы уже говорили, тень будущего развода часто простирается уже до первого года жизни ребенка. Плохие отношения и ссоры родителей создают те условия, которые в какой-то мере приближаются к условиям семей, живущих без отцов. Отсутствие любовных отношений между родителями создает ситуацию, в которой вместо тройственной системы отношений имеются две двойственные: между ребенком и отцом и ребенком и матерью. В одиноких семьях отношения с отцом часто существуют вне семьи или же он продолжает существовать как фантастический «внутренний объект». Это помогает ребенку избежать соперничества с однополым родителем, но «эдипова» идиллия тем не менее весьма обманчива. И вот почему. «Даже если отцы относятся к дочерям, а матери к сыновьям в какой-то степени как к полноправным партнерам, отдают им много внимания и любви, беседуют с ними на семейные темы, от маленьких девочек и мальчиков тем не менее не скроется, что дочка не является полноценной «папиной женой», а сын — полноценным «маминым мужем». Если в «нормальной» эдиповой констелляции ребенку кажется, что главной помехой для исполнения «любовных вожделений» является один из родителей, то теперь этой помехой

неполноценность», из чего рождается страх разочаровать и в результате потерять любовный объект». И если мама, которая полчаса назад разговаривала с сыном, как со взрослым, начинает его бранить за шалость, она таким образом указывает ему на его место, дает ему понять, что он «всего только ребенок», а это не только унижительно и обидно, но и усиливает страх перед потерей ее любви. Тем не менее эти дети тоже страдают и из-за соперничества, но несколько иначе.

Конечно, все родители ревнуют детей друг к другу, в этом нет ничего необычного и этого не следует ни бояться, ни стыдиться. Но тут есть некоторые различия. Если я люблю своего мужа, то мне ничего не стоит пережить такую «неверность»: моя ревность в этом случае остается бессознательной или я представляю себя на месте ребенка и радуюсь за него. Другое дело, если супруг, которому мое любимое дитя дарит свою любовь, мною больше не любим, более того, он кажется мне опасным врагом, тогда такая мнимая потеря любви ребенка причиняет боль и ревность становится вполне сознательной и невыносимой. Как бы по-человечески ни были понятны мои чувства, для детей они губительны. Тогда ребенок вместо «эдиповых» конфликтов ревности переживает тяжелые по своим последствиям «конфликты лояльности», о которых мы уже говорили в предыдущих главах. Отдаваясь чувству любви к одному из родителей, он вынужден бороться с угрызениями совести, поскольку таким образом он невольно подвергает опасности отношения с другим. В результате эти дети, как и те, которые живут без отцов, тоже не учатся тройственным отношениям. Если ребенок в детстве был обременен «конфликтами лояльности», то его всю жизнь будет преследовать чувство необходимости выбирать между двумя или несколькими персонами, отношениями, предложениями. Такие люди постоянно подвержены страху ранить отсутствующую «третью» персону, проявить «неверность» по отношению к кому-либо или чему-либо. Внешне это может выражаться по-разному, но результатом неизменно является большая неуверенность в себе и в жизни.

Кроме того, проблемы возникают не только из-за любви, но и на почве идентификации с однополым родителем: быть как мама для девочки означает ненавидеть отца, а быть как

папа для мальчика — отказаться от матери. Иногда в результате таких невыносимых внутренних конфликтов ребенок, ища выхода, начинает идентифицировать себя с разнополым родителем. Такое отождествление помогает удерживать и продолжать любить «эдипов» объект любви «в себе», но расплатой за такое сомнительное равновесие становится не только губительное влияние подобного отождествления на самооценку ребенка, но это ведет также к негативному развитию его половой ориентации, то есть к развитию гомосексуальных наклонностей.

Но и в отождествлении с однополым родителем в ситуации их враждебных отношений кроются огромные опасности. Если для девочки уже достаточно опасно поддаться материнскому чувству ненависти по отношению к отцу и целиком от него отказаться, то для мальчика ненавидеть мать вдвойне опасно — ведь он целиком — физически и эмоционально теперь зависим от нее. Это значит, что архаические страхи перед разлукой соединяются в нем с любовными устремлениями. Но ненависть тем не менее вытесняется и на ее место вступает агрессивность или другие формы защиты. Что особенно опасно для развития таких детей, так это то, что в таких случаях от любовных отношений отщепляется их сексуальная часть и она начинает существовать самостоятельно, что приводит к бездушному сплаву влечений и фантазий и позже — к развитию садистских или мазохистских наклонностей во взрослой сексуальной жизни.

К сожалению, все это характерно не только для разведенных семей, но и для тех семей, где отец исключает себя из семейной жизни, то есть приходит домой поздно, когда дети уже спят, и вообще избегает общения с домашними. Ребенку такая незаинтересованность отца в его персоне причиняет больше боли, чем внезапный развод, за которым тем не менее следуют непрерывные и тесные послеразводные отношения. Дети в этих случаях часто развивают в себе такие невротические симптомы, как ночное недержание мочи, истерические приступы, страхи, фобии, или такие характерные изменения в поведении, как, например, болезненное реагирование на каждое слово, боязливость, робость, покорность, склонность к депрессиям,

отсутствие фантазий и т. д. У ребенка может пропасть интерес к школе и вообще к внесемейным отношениям, поскольку вся его внутренняя энергия связана страхами, исходящими из семьи, а они, как правило, переживаются как опасность самому существованию. Однако, если некоторые родители и понимают все это как признаки душевного неблагополучия ребенка, то чрезвычайно

редко связывают их с супружескими конфликтами. Большинство мам и пап объясняет поведение ребенка «глупыми капризами» или «дурными привычками»: «Не будь истеричной!», «Что за глупости!», «Не будь трусом!», «Веди себя прилично!», «Думаешь, я позволю тебе меня терроризировать?!», «Не делай такое лицо!», «Ну, чего ты скучаешь?!», «Не ленись!» и т. д. Родители прибегают к таким воспитательным мерам, как похвалы, уговоры, угрозы или наказания. «Истеричная», «глупый», «валять дурака», «трусливый» и тому подобное — вот излюбленные словечки в этих случаях, задача которых придать происходящему безобидный характер. Профессиональные педагоги тоже прибегают к таким определениям, как «личные признаки», «кризис развития» или «социальная незрелость». А бывает и такое, когда явные невротические изменения личности даже приветствуются. Так одна мать считала свою депрессивную дочь «серьезным и вдумчивым» ребенком, который не интересуется разными там «глупыми удовольствиями своих сверстников». Отец другого, явно обделенного фантазиями и невротичного мальчика, был чрезвычайно горд, что его шестилетний сын, вместо того, чтобы играть со сверстниками в футбол, погружается в чтение энциклопедии и занимается систематизацией почтовых марок. Стеснительность и пугливость семилетней девочки приветствовалась ее родителями как «женственная застенчивость» и воспринималась отцом как очаровательное кокетство. Многие отцы радуются агрессивности своих сыновей, считая ее проявлением «мужественности». Один отец был без ума от своего сына, который приступами ярости, физическими и словесными атаками «приводил баб к благоразумию», т. е. терроризировал мать и воспитательницу в детском саду.

Изменения в поведении детей чаще всего лишь тогда обращают на себя внимание родителей, когда у детей возни-

121

кают трудности в школе или появляются такие явные симптомы, как, например, недержание мочи. Но и тогда, вместо того, чтобы подумать, как можно помочь ребенку, его душевные страдания вменяются в вину то ребенку, то родителями друг другу и используются в ссорах в качестве оружия. Например, мама Антона вину за нежелание сына учиться приписывала мужу, который, как она считала, совсем не заботился о семье и грубо относился к ребенку. Тот факт, что Антон целиком стоял на ее стороне и не желал общаться с отцом, помог матери принять решение о разводе. Для Антона же, который в большой степени идентифицировал себя с матерью, было чрезвычайно важно после развода построить новые, освобожденные от родительских ссор отношения с отцом, что вернуло бы ему часть его мужской идентификации и облегчило его отношения с матерью. Но мать, не видя в Антоновых проблемах и доли своего участия, была уверена, что «отец вредит ребенку», и всеми силами старалась помешать его контакту с сыном.

«Редко развод, образно говоря, подобен грому среди ясного неба, т. е. не имеет своей кризисной предыстории. И супружеский кризис очень редко остается скрытым от детей, т. е. он очень редко не оказывает влияния на переживания ребенка и на его душевное развитие». Ссоры родителей, их ревнивая борьба за ребенка и вытекающие из этого душевные конфликты отнимают у многих детей способность более или менее стойко принять травму развода. Развод лишь усиливает их страхи и душевную неуравновешенность. Большинство этих детей к этому моменту уже прошло часть пути невротического развития, независимо от того, заметны ли эти нарушения окружающим или нет.

Итак, вернемся к вопросу: «Развод. Да или нет?» Мы видим, что значительная часть драматических реакций детей на разрыв родителей, как и дальнейшее нарушение их развития, основывается — в психологическом аспекте — на их развитии до развода. А не лучше ли было бы, чтобы такая конфликтная семья распалась уже раньше? Во всяком случае при том условии, что родители в дальнейшем, после развода, сумеют обеспечить ребенку необходимые условия для его нормального развития.

122

Есть, однако, дети, у которых первые пять-шесть лет жизни протекали достаточно счастливо, и Себастьян относится как раз к ним. Для него развод родителей оказался ошеломляющей неожиданностью. Родители были счастливы в браке, и ничто не предвещало беды. Мальчику исполнилось семь лет, когда отец его на одном семинаре по повышению квалификации влюбился в привлекательную разведенную деловую женщину. С нею, по его словам, пережил он свою «новую весну». Эта женщина казалась ему осуществлением его жизненной мечты: их влекло друг друга сексуально, их объединяли профессиональные и духовные интересы и обоюдное признание успехов друг друга. Какой контраст представляли эти отношения к супружеской повседневности

и, прежде всего, по отношению к вялым сексуальным отношениям с холодноватой женой! Жену его, в отличие от новой подруги, мало интересовало, чем занимался ее супруг, более того, она проявляла явное пренебрежение к его работе, упрекая мужа в том, как мало времени он уделяет семье. Теперь стало ему ясно, что эту недооценку жены бессознательно воспринимал он как недооценку его мужского достоинства. И вот она была здесь — женщина, сама добившаяся успеха, ценившая его и восхищавшаяся им, как никакая другая до сих пор, и она дала ему почувствовать, как это хорошо быть желанным мужчиной. Но все это в общем не изменило его привязанности к семье — к сыну, да и, в общем, к жене, которую он, в общем, тоже «любил по-своему». Однако возникшая вдруг новая любовь была слишком велика, чтобы остаться просто приключением. Через некоторое время жене стало все известно, и она незамедлительно подала на развод. Все попытки примирения со стороны мужа и даже его готовность прекратить связь не возымели успеха — слишком велика была обида, которую он ей нанес.

Себастьян к этому времени рос здоровым, хорошо развитым ребенком, он восхищался своим отцом и нежно любил свою мать. Можно сказать, субъективные условия для преодоления боли развода были достаточно удачны. Но в этой ситуации родители, и прежде всего мать, были совершенно не в состоянии создать те объективные условия, которые дали бы возможность оказать ребенку столь необходимую «неотложную помощь», о

123

которой говорилось в предыдущих главах. Для матери полный разрыв с мужем казался единственным путем к сохранению самоуважения, хотя она, конечно, продолжала его любить или продолжала любить то, что было когда-то между ними. Поэтому ей необходимо было защитить себя от этой любви и от страхов перед неизвестным будущим. Наибольшая опасность исходила от соблазнительных попыток мужа к примирению, поэтому она стала избегать всякого с ним контакта. Но это было бы еще ничего, ведь есть много разведенных семей, где матери, не общаясь с разведенным супругом, тем не менее не препятствуют контакту детей с отцом. Но это возможно лишь в том случае, если мать не испытывает страха, предоставляя ребенку такую свободу. Матери Себастьяна было это не под силу. «Для того чтобы не поддаться штурмам мужа, уговорам друзей, своей собственной любви и чувству вины по отношению к ребенку, она должна была постоянно внутренне оживлять картину предательства мужа и своего собственного унижения, и в известной степени, конечно, бессознательно, ее культивировать». Чем ужаснее была картина, которую она себе рисовала, тем увереннее чувствовала она себя: такому (исключительно злему) человеку нельзя больше доверять и уж конечно любить такого просто невозможно. А значит, нет необходимости испытывать укоры совести, чтобы отнять ребенка у «такого» отца. Эта позиция таит в себе огромную опасность для продолжения отношений ребенка с ненавистным и «заслужившим» ненависти отцом. Ведь от него исходит опасность, перед которой постоянно надо быть начеку. Как же можно доверить ребенка «такому человеку»?! С позиции отца подобные ситуации выглядят так: «мегера-мать отравляет контакт между ним и сыном». Но эта злость матери в общем-то является не чем иным, как непосредственным выражением материнской сути: мать защищает свое дитя от чудовища. К сожалению, ей непонятно, что в чудовище превратила его она сама: чтобы облегчить себе разрыв с любимым человеком и освободиться от собственного чувства вины перед ребенком.

В данном случае это выглядело так, словно мать не только в своих интересах, но и «в интересах ребенка» мешала его встречам с отцом. Но ей было невдомек, что таким образом

124

она создавала лишь новую угрозу своему и без того нестойкому душевному равновесию: Себастьян тосковал по отцу, ему казалось, он потерял его навсегда, и эта печаль чередовалась с приступами гнева против матери. В принципе это вполне нормальные реакции ребенка в подобной ситуации, но для матери они были невыносимы. После мужа она теперь боялась потерять и сына. А ведь ни в чем не нуждалась она в тот момент больше, чем в ребенке, выказывающем ей преданную любовь. Борясь за эту любовь, она делала то, что в подобных ситуациях, к сожалению, делает большинство родителей: она «открывала ребенку глаза на отца». Сама того не понимая, что разрушала таким образом центральную часть идентификации мальчика. Разрушая в нем образ отца, она разрушала представление ребенка о себе самом! Ведь у мальчика один отец и на основе своего представления о нем будущий мужчина строит самого себя. Так и Себастьян формировал свое видение себя на основе своего отождествления с любимым, обожаемым отцом. В результате мальчик попал в неразрешимый «конфликт лояльности» между своими чувствами к отцу и к матери. «Если он боролся за отношения с отцом и побеждал мать, то он чувствовал себя хорошо и

оставался «живым». Но это была «жизнеспособность» за счет матери, и он бессознательно спрашивал себя, а переживет ли ее любовь такую борьбу. Ранимость матери... зародила в нем невыразимый страх перед властью собственной страсти. Попытки предохранения отношений с нею тоже кончались провалом». Стоит ли говорить о том, что успехи мальчика в школе снизились, он регрессировал, как все дети в подобных ситуациях, в нем возматала зависимость, он проявлял потребность в контроле, на что мать отвечала растерянностью и гневом, считая такое поведение ребенка агрессивным актом, направленным против нее лично. Но агрессивность была лишь одной из сторон конфликта. К этому добавилось соблазнительное приглашение матери быть счастливым с нею одной, поскольку она готова была теперь безраздельно дарить свою любовь только ему. Так в мальчике активизировались старые, уже было успешно преодоленные путем идентификации с отцом, «эдиповы» стремления, что придавало разводу дополнительное значение устранения отца. У Себастьяна

125

стали расти страхи, которые неизбежно приносит с собой «эдипова идиллия». Мальчик постепенно терял самого себя.

Думаю, этого повествования о послеразводной фазе Себастьяна и его матери достаточно, чтобы понять: Себастьян попал в «эдипов кризис», который характеризуется не только как простая регрессия в собственный уже преодоленный «эдипов» отрезок развития, но который также демонстрирует отличительные качества, свойственные для эдипова развития детей в семьях без отцов или в конфликтных семьях... «Посттравматическая защита, при помощи которой Себастьян в итоге преодолел страхи послеразводного кризиса, состояла в далеко идущей идентификации с матерью, в ходе которой он вместе с нею отказался от отца. За этим отказом, однако, прослеживается пассивно-боязливая, гомосексуально окрашенная тоска по мужскому любовному объекту». На примере Себастьяна мы видим, что дети, уже было успешно закончившие свое эдипово развитие, могут окончательно потерять свои завоевания по причине того, что родителям после развода не удастся создать тех условий, которые необходимы ребенку для его здорового развития: переживания развода грозят стереть уже совершенные шаги.

Существует ли «оптимальный возраст» для развода? Такой вопрос нередко задают Фигдору родители. На основе вышеизложенного может создаться впечатление, что для ребенка совершенно безразлично, сколько было ему лет во время развода родителей и благополучно или нет протекала до этого его жизнь, поскольку переживания развода могут основательно разрушить уже построенные объектные отношения. Но это, конечно, не так. Во всяком случае, если это и верно, то не в таком упрощенном виде. Главное, здесь возможны вариации в пространстве между «патогенным» и «нормальным» развитием. Но, чем раньше происходят нарушения, тем выше опасность болезненных изменений. Кроме того, в ходе процессов разрушения психических завоеваний не все достижения предыдущего развития оказываются потерянными. Регрессивно активизированные конфликты никогда не представляют собой просто нового наслаения первичных конфликтов, к этому добавляется представление ребенка о себе и о том, каким

126

он хочет быть, и здесь семилетний ребенок сильно отличается от четырехлетнего. И все же возраст сам по себе не позволяет сделать каких-либо специфических прогнозов. Здесь чрезвычайно важны: способность родителей правильно реагировать на непосредственные и опосредованные душевные реакции ребенка, длительность и интенсивность супружеских конфликтов перед разводом и вопрос, насколько ребенок был в них втянут, а также «ступень развития», которая зависит не столько от возраста, сколько от условий развития и душевного равновесия ребенка перед разводом. Огромную роль играет способность родителей общаться друг с другом также и после развода и их способность признавать другого как отца или как мать. И эта способность не столько моральная, сколько психическая. Мы видели, что матери Себастьяна такое было просто не по силам. Чего стоили зрелость и здоровье мальчика, когда мать в собственных отношениях с ребенком не в состоянии была найти место его любви к отцу и его страданиям! Или чем могла помочь знакомому нам Манфреду готовность родителей прийти ему на помощь, если он просто не мог себе представить жизни в разлуке с отцом?

Фигдор рассказывает в своей книге, как однажды к нему в кабинет пришла молодая женщина и рассказала, что она ужасно несчастна в браке. Недавно она познакомилась с мужчиной, в которого сильно влюбилась и это, по ее словам, снова вернуло ее к жизни. Ей хочется расстаться с мужем, но она боится, как бы разлука с отцом не повредила их маленькой дочери Ирме. Та была нежно привязана к отцу. Женщина хотела знать одно: может ли она уже сейчас развестись или ей следует

подождать до школьного возраста? Но если это требуется для нормального развития ребенка, то она готова принести в жертву свои отношения с любимым человеком. «Не считая того, что это просто не входит в задачи консультанта принимать жизненно важные решения за своих клиентов, могли я вообще — хотя бы самому себе — ответить на этот вопрос?»

Но если бы пришлось ответить на такой вопрос, то следовало бы начать так: «Это зависит от того...» Например, если родители все еще будут жить вместе, как будут выглядеть отношения матери и отца? Сможет ли мать по-настоящему про-

127

стить своей дочери, что ради нее она отказалась от своего счастья? К тому же в этой ситуации следует ожидать, что родители будут постепенно отдаляться друг от друга и их отношения станут в конце концов скрыто или открыто агрессивными, мать в любом случае, если не сознательно, то бессознательно будет упрекать дочь за свой отказ от любимого человека, что неизбежно отразится на их отношениях. И мы спросим себя, а не лучше ли было ей уже сейчас расстаться с нелюбимым мужем? Но даже если развитие Ирмы протекало до сих пор в более или менее благоприятных условиях и она уже совершила необходимые для ее возраста шаги развития, следовало бы спросить, а в состоянии ли будут родители дать продолжение ее отношениям с любимым отцом и поддержать ее в неизбежных переживаниях, связанных с разводом? Сможет ли мать вместе с ее новым мужем создать теплую семейную атмосферу, необходимую для дальнейшего развития ребенка? Установятся ли хорошие отношения между маминым новым мужем и Ирмой, сможет ли отец сохранить любовь к дочери, несмотря на то, что у нее возникли нежные отношения с женщиной, который лишил его семьи, и, наконец, смогут ли мать и ее новый муж смириться с тем фактом, что отец — по причине любви к нему дочери — и дальше останется частью их новой семьи? Вот вопросы, на которые следовало бы ответить прежде.

И все же можно смело сказать одно: «оптимального» возраста детей для развода не существует. Что существует, так это более или менее удачные условия, которые следовало бы создать для того, чтобы сделать возможным дальнейшее благополучное их развитие. И здесь не последнюю роль играет душевное равновесие самих родителей. Важно, чтобы они были в состоянии понимать своих детей и делать для них все необходимое. Чрезвычайно важно знание психологии ребенка. Ведь большинство родителей допускают ошибки в обращении с детьми не по злобе, а как раз наоборот — из убеждения, что то, что они делают, и есть наилучшее. Но психоаналитики знают, стоит пролить на предмет хотя бы каплю знания, стоит родителям понять истинное положение вещей, как изменения происходят буквально на глазах.

128

РЕАКЦИИ ДЕТЕЙ НА РАЗВОД

При всей «нормальности» спонтанных реакций на развод невозможно найти двоих детей, которые с одинаковой тоской или одинаковой яростью реагировали бы на состоявшуюся или предполагаемую потерю одного из родителей.

Необходимые условия, призванные помочь детям, должны быть созданы прежде всего именно родителями, потому что на них как раз и направлены аффекты, чувства и грозные фантазии детей. Главное здесь следующее: окажутся детские страхи и опасения «доказанными» или они будут опровергнуты, то есть сумеют ли родители дать ребенку почувствовать, что мир, несмотря ни на что, все же «не перевернулся», что он стоит на месте. А это значит, ребенку следует внушить уверенность в том, что мама и папа остаются вполне достигаемыми, что он все еще любим и имеет право любить сам, и он должен увидеть надежность отношений с обоими родителями. Так он поймет, что даже в этих изменившихся обстоятельствах он все еще может рассчитывать на радость и удовлетворение. Очень важно, чтобы ребенок не стыдился говорить о своих печалях, и не только с родителями, но и с другими членами семьи или с близкими людьми, чтобы ему не запрещалось чувствовать и выражать свои чувства. Маленькие дети могут это делать в игре. Например, в игре с куклами можно изображать ситуации, похожие на его собственную: «Вот эта кукла будет у нас девочка Маша. Вот это — ее мама. А это — папа. Мама и папа развелись. И Маша живет с мамой. С папой они по воскресеньям ходят на пруд и кормят там уток...» и т. д. В игре или в беседах ребенок имеет право порой «выходить из себя», и это очень важно не запрещать ему это делать. Таким образом, «проигрывая» тяжелые ситуации, он обнаруживает, что из-за его гнева ничего страшного не произошло, сам он цел и невредим, и его близкие тоже. Может быть, ребенка нужно просто «держат в руках», как это сделала мама Катарини. Наконец, надо постараться в это время как можно меньше отказывать ему в близос-

ти и в удовлетворении его регрессивных желаний, т. е. разрешить ему «впадать в детство» — снова контролировать мать, пачкаться, если ему того хочется, проявлять свои «эгоистические» потребности. Конечно, само устройство нашей жизни не всегда позволяет удовлетворять все эти желания детей, но там, где это необходимо, отказ должен затрагивать только удовлетворение желания, а не само желание, о чем мы уже говорили выше.

Вот еще один характерный пример. Одна мать жаловалась Фигдору, что ее девятилетний сын Лукас вскоре после развода перестал убирать свои вещи и ежедневно требовал новых игрушек или книжек с комиксами. «Он прекрасно знает, как мне нелегко и как нам надо экономить, чтобы вообще удержаться на плаву в этой жизни, — говорила мать. — Но ему это все равно! А вечером он как маленький требует, чтобы я сидела у его кровати и читала ему книжки. И если мне некогда, он сразу же раздражается и начинает меня ругать». Между матерью и сыном постоянно разыгрывались агрессивные сцены, в которых мать твердо стояла на своем, а мальчик реагировал на это криком и слезами. Было бы полбеды, если бы мать просто отказывала сыну в удовлетворении его желаний, но самое страшное заключалось в том, что она не могла простить ему самих его желаний. Это как если бы она требовала от девятилетнего мальчугана надеть смиренную рубашку, превратиться в добровольного аскета и при этом еще и выглядеть совершенно счастливым. Ей не хотелось знать, что сын своими «бессовестными требованиями» добивался лишь своего рода какой-то компенсации понесенным тяжелым потерям — потере отца. Но если бы мать в состоянии была понять, что именно происходит в ее ребенке, поставить себя, что называется, на его место, она наверняка сумела бы по-другому реагировать и по-другому говорить свое «нет». Она начинала бы отказ словами: «Я понимаю, как тебе этого хочется, но, к сожалению...». И она не только искала бы возможность отвлечь и утешить свое дитя, но и радовалась бы любой возможности исполнить желание ребенка, вместо того чтобы при каждом удобном случае упрекать его в эгоизме и отказывать ему даже там, где в этом не было объек-

тивной необходимости («Пусть не думает, что я стану плясать под его дудку!»).

Усиление старых симптомов. Мы уже говорили о том, что дети, развитие которых до развода было подвержено нарушениям, часто отвечают на развод лишь усилением старой симптоматики: агрессивные дети становятся еще более агрессивными, робкие — еще более пугливыми, недержание мочи проявляется чаще и т. д. Характерно, что родители таких детей обычно рассказывают, что развод не произвел на сына или дочь почти никакого впечатления. Но мы уже знаем, что отсутствие признаков переживаний еще ничего не говорит об отсутствии самих переживаний. Развод в данном случае является не столько новым самостоятельным грозным событием, сколько повторением давно переживаемой постоянной ситуации опасности. И дети реагируют тем, что лишь усиливают свои привычные и «проверенные» механизмы борьбы со страхом. Однако кажущееся их равновесие в этих случаях — равновесие невротическое, а фиксацию старых невротических конфликтов можно разрушить лишь в ходе целенаправленной психоаналитической терапии. Здесь, к сожалению, недостаточно одного лишь создания благоприятных условий.

Спонтанная травма. Пример таковой мы видели на примере Манфреда и Катарины. Страхи, которыми дети реагируют на развод, это всегда страхи перед чем-то, то есть перед совершенно конкретной опасностью: никогда больше не увидеть отца, ранить или потерять мать, поплатиться за свои злые поступки или злые мысли. И если ребенок не в состоянии реагировать на эти страхи сознательно, то он реагирует внедрением бессознательных механизмов защиты и вытеснением влечений. Но вытесняются они, заметим, не куда-нибудь вон, а в свое же родненькое бессознательное, откуда потом настойчиво руководят поступками и чувствами человека. Поэтому взрослый «невротик» боится своих инфантильных влечений и фантазий так, как если бы он все еще был маленьким ребенком, целиком зависящим от любви и благосклонности «родителей», в которых неосознанно превращаются все, кто имеет реальную силу и власть или кому он таковые приписывает.

Если развод воспринимается ребенком как опасность, которая уже произошла, и он при этом чувствует себя потерянным и совершенно беззащитным, то это и есть травматический срыв. В этих случаях ребенок уже больше «сам не свой». Травматические срывы тоже выражаются в страхе, но это панический страх, ужас перед пожаром или затоплением, перед концом, который грозит самому их существованию. Дети, спонтанно травмированные разводом, временно живут в

ирреальном, чудовищном мире. Такому ребенку срочно необходимо доказать, что он ошибся, что мир все еще стоит на месте, добрая мама и добрый папа продолжают существовать и сам он цел и невредим, ребенок должен поверить, что радость и удовольствие все еще возможны. И это — задача не кого-либо, а родителей, несмотря на то, что и сами они после развода нуждаются в помощи и поддержке. Необходимо и после развода предоставить в распоряжение ребенка тройственную систему отношений. Конечно, все дети даже спустя долгие годы испытывают печаль по поводу развода родителей, но печаль — это далеко не страх; как бы горька она ни была, печаль не нарушает психического здоровья человека, нарушают ее страхи, независимо от того, реальные они или — того хуже — бессознательные.

Часто бывает так, что ребенок колеблется между чувством ожидаемой опасности и ощущением, что катастрофа уже произошла. Поведение таких детей напоминает игру, имеющую своей задачей доказать самому себе, что мир все еще невредим. Так восьмилетняя Ирис, постоянно убегая из дому, как бы инсценировала игру маленьких детей в прятки, смысл которой не в том, чтобы хорошо спрятаться, а в том, чтобы тебя как можно скорее нашли. Эту игру в прятки девочка, приводя в смятение всю семью, повторяла каждый раз в новых вариантах. Однажды она не пришла домой после школы, в другой раз она собрала свои вещи и сказала, что переезжает к отцу, который, кстати, жил в двухстах километрах от города; потом однажды после обеда она закрылась в своей комнате и не подавала никаких признаков присутствия. Безусловно, в этом поведении заключаются довольно сильные агрессивные компоненты, но удовлетворение, с которым Ирис, после всех тревог и волне-

132

ний, особенно со стороны матери, позволяла себя найти, говорило как раз о том, что речь шла об инсценировке и одновременном отрицании травматического представления о потере матери. Прогноз развития в этом случае таков: если Ирис повезет и мать не потеряет терпения и дальше будет «искать» и «находить» дочку, что сможет в конце концов доказать девочке, что страхи ее напрасны и она вовсе «не потеряна» в этом мире, тогда может быть девочке удастся отказаться от своего симптома. Но чаще такой характер поведения становится хроническим по причине так называемой вторичной победы болезни: сюда добавляется огромное удовольствие быть в центре внимания и забот окружающих. Удовлетворение Ирис истекает также из собственных агрессивных импульсов, которые развились в тяжелое послеразводное время. Каждому из нас, вероятно, знакомы такие характеры, которые всю свою личную и общественную жизнь строят наподобие вот этой самой «игры в прятки». Когда Ирис вырастет и выйдет замуж, можно ли ожидать, что ее муж окажется в состоянии постоянно проявлять терпение матери? Рано или поздно он конечно же разочаруется и «прекратит поиск», а Ирис грозит не только хроническая неудовлетворенность жизнью, но, вероятнее всего, и тяжелое невротическое заболевание.

Бывает, что окружающим все же удастся наладить, так сказать, новый контакт ребенка с реальностью и ребенок вновь начинает верить, что жизненно необходимые отношения с родителями все еще сохраняются, но гораздо реже взрослым удастся внушить ему уверенность, что катастрофы не только не произошло, но ее ни в коем случае не произойдет. Мы помним о Манфреде, который первое время после развода кидался на окружающих, как «ненормальный». Это поведение, спровоцированное полной растерянностью и страхом, со временем стало исправляться, но в нем все равно навсегда осталось подспудное желание провоцировать агрессивные конфликты, которые были ему просто необходимы, чтобы доказывать свое превосходство.

Симптомы — это выражение психических нарушений, но в них, как выяснилось в результате обследований психотерапев-

133

тов, заключаются не только опасности, но и шансы. Дело в том, что с психологической точки зрения симптом — это своего рода защита, заслон против переживания. Вспомним о девочке, которая в своем ночном недержании мочи выразила все свои душевные проблемы и страхи, связанные с рождением маленькой сестренки, оставаясь при этом добрым и покладистым ребенком и примерной ученицей.

«Вопрос, сумеют ли родители создать благоприятные внешние условия по отношению к реакциям переживаний или спонтанным срывам ребенка, что сделало бы возможным полное восстановление его душевного состояния, меньше всего является вопросом желания или воспитательных способностей». Дело в том, что, как мы уже говорили, развод — это не только проблема ребенка, это также психическая беда родителей, затрагивающая их сознательные и бессознательные

чувства, страхи и фантазии, что и затрудняет им делать для детей то, что было бы для них рационально и правильно. Именно это, а не их моральная или педагогическая несостоятельность является причиной того, что родителям так редко удается освободить ребенка от его потрясения и страхов. В результате дети, которые не были столь спонтанно травмированы разводом, как это было с нашим Манфредом, не сразу, а спустя время оказываются в таком же плачевном положении и вынуждены с тем же отчаянием бороться за свое психическое самосохранение.

В том, что ребенок после развода начинает вести себя как маленький, нет ничего необычного, это, можно сказать, вполне «нормально». Но если его регрессивные потребности не получают удовлетворения, то регрессия его лишь усиливается и в конце концов его внутренний мир и вправду становится миром маленького, целиком зависимого и поэтому постоянно испытывающего страх ребенка. Отсюда у таких детей и возрастание агрессивного потенциала. Ведь мы уже знаем, что агрессивность — это обратная сторона робости и точно так же является способом выражения страха. Агрессивность питается, с одной стороны, гневом и чувством собственной вины по отношению к матери, которая может быть в силу недостатка времени или своего собственного тяжелого душевного состояния не в состоянии удовлетворять регрессивные желания ре-

134

бенка. Другой источник агрессивности заключается в выпадении отца и его освобождающей функции в трояквенной системе отношений. Можно спокойно сказать: во время после-разводного кризиса дневник психического развития ребенка пере-листуется в обратную сторону. Хотя что касается его видимого поведения, то восьмилетний ребенок никак не напоминает своим родителям четырехлетнего, ведь его словарный запас, моторика, умственное развитие остаются на своем уровне. Фигдор считает, что в большинстве случаев при симптомах послеразводного кризиса речь идет не столько о симптомах развода, сколько о последствиях конфликтных отношений родителей, которые, как нам известно, играют огромную роль в обострении душевных конфликтов детей. Конечно, дети с относительно благополучным развитием тоже подвержены срывам, но срывы эти гораздо менее драматичны, и если взрослые вовремя приходят им на помощь, то их душевное равновесие восстанавливается относительно быстро. Повторяю — если взрослые вовремя приходят на помощь...

Бывает так, что некоторые дети непосредственно после развода вдруг освобождаются от своих уже выработанных симптомов, чему способствует тот факт, что страхи ребенка внезапно становятся из бессознательных сознательными. Так восьмилетний Ролланд перестал вдруг мочиться в постель, что он делал на протяжении последних четырех лет, а девятилетняя Нина, болезненно застенчивая девочка, совершенно перестала стесняться. Надо ли говорить, каким отрадным нашли родители такие изменения в характере детей! Но в то же время они никак не связывали исчезновение старых симптомов с возникновением новых. Ролланд стал (снова) маз-турбировать, и он стал еще более агрессивным. Нина же развила свой первоначальный симптом в обратную сторону, она стала властолюбивой, тщеславной, заносчивой и стремилась постоянно быть в центре внимания. Родители обычно пугаются таких изменений в детях, не умеют на них правильно реагировать и в результате дети выходят из кризиса развода еще более невротичными, чем были раньше. Спустя время Ролланд стал депрессивным, пугливым мальчиком, он, вытеснив свои агрессивные побуждения, внушавшие ему само-

135

му такой страх, обратил их внутрь себя самого. Но мать не видела проблем ребенка и пришла в консультацию совсем по другой причине: она не могла решить с отцом вопроса посещений. Сына же она описала, как спокойного и серьезного ребенка, который очень хорошо перенес развод. «Может быть, он несколько флегматичен, но это у него от отца». Для того чтобы помочь ребенку, надо было заставить мать увидеть, что сын ее тяжело болен, а это было нелегко, поскольку это она добивалась развода с мужем.

В отличие от матери Ролланда мать Нины все же вовремя обратилась за помощью и, когда она поняла сознательные и бессознательные проблемы дочери, ей удалось придать Нине мужества бесстрашно выражать свою тоску, свои желания, опасения, разочарования, обиду и гнев и — не в последнюю очередь при помощи отца — внушить девочке, что страхи ее напрасны. Мать открыла также дочери возможность в социальной и соответствующей возрасту форме выражать свои эк-сгибиционистские наклонности — Нина стала посещать курсы ритмической гимнастики. Семья, кроме того, старалась по мере возможности удовлетворять ее потребность в похвале, что способствовало постепенному уменьшению этой потребности. Ей было позволено в некоторых жизненных вопросах проявлять больше самостоятельности, благодаря чему заметно уменьшилось

властолюбие девочки. Нина, таким образом, относится к тем детям — к сожалению, очень немногим, — которые не только благополучно преодолели развод, но и извлекли из него известную пользу. Однако без тех знаний, которые почерпнула мать в беседах с психоаналитиком, такое было бы совершенно невозможно. Здесь речь идет о том, чтобы распознать не только сознательные, но и бессознательные потребности ребенка и найти соответствующие формы их удовлетворения. И еще чрезвычайно важно, чтобы родители нашли в себе силы вытерпеть и признать за ребенком его потребности и импульсы, как регрессивные, так и агрессивные.

Невротические симптомы и развитие характера тесно связаны друг с другом. Когда влечения (например, регрессивные или агрессивные потребности) не находят надлежащего вы-

136

хода, они сами по себе переживаются ребенком как угроза не только его внутреннему, но и реальному благополучию. Тогда он начинает вытеснять их в бессознательное, невротически заменяя чем-то другим. Но если я боюсь своего собственного гнева по отношению к другим и вынуждена его вытеснять, то там, внутри меня, в моем бессознательном этот гнев никуда не улетучивается, он просто меняет свое направление и я оборачиваю его против себя самой. Это значит, что мне не миновать депрессивного развития, вплоть до мыслей о самоуничтожении. В глазах окружающих исключительная покладистость и даже услужливость приветствуются как проявление замечательного характера. Конечно, такой ребенок может приносить много радостей окружающим, но мало кто знает, каких страшных внутренних страданий стоит ему эта чрезвычайная «приспособленность». Не говоря уже о том, что таким слишком редко удается быть по-настоящему любимыми или добиться в жизни настоящего успеха.

Послеразводный кризис рано или поздно заканчивается и наступает определенное внешнее успокоение. Если ребенку повезло и он получил ту самую «неотложную первую помощь», то успокоение это основано на смягчении страхов и зарождении уверенности в возможности счастливого существования. Но бывает успокоение и иного порядка, которое построено на невротических защитных механизмах. Чем сильнее были конфликты в семье и чем дольше они длились, тем глубже нарушения в развитии ребенка — и это независимо от развода/ Не только родители, но часто также педагоги и профессиональные психологи путают относительное успокоение, которое наступает после спонтанных реакций переживаний, с действительным улучшением состояния ребенка. Нередко они советуют родителям просто подождать, пока «шторм утихнет сам по себе». Но исчезновение симптомов, как мы уже знаем, еще ничего не говорит об исчезновении невротического страдания.

К тому же большинство симптомов, не считая таких, как недержание мочи или ярко выраженные фобии, окружающими просто не замечаются, и уж ни в коем случае они не ставятся в зависимость от развода. Возьмем хотя бы многочисленные школьные трудности. «Посттравматическая защита усиливает

137

невротические диспозиции детей. Она повышает вероятность позднейших психических заболеваний и жизненных кризисов и уменьшает шансы построения благополучной, счастливой жизни. Но, конечно, было бы неправильно думать, что жизнь этих детей уже разрушена. Несмотря на то, что помещения для их развития и сузились, но они все еще существуют. И если еще дети малы, то даже в более широком масштабе».

Поэтому в следующих главах мы будем говорить об организации жизни детей после развода и о надежде, которую может принести с собой развод, если он положит конец ссорам и конфликтам. Но, как уже говорилось, это зависит от того...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ПСИХИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

РЕБЕНКА ПОСЛЕ РАЗВОДА

Если вы помните, вначале мы рассказывали о переживании ребенком самого развода, во второй части повествования были затронуты аспекты его развития до развода, из чего стало ясно, что разделение этих «этапов» можно сделать только по хронологическому принципу. Что же касается внутреннего содержания, то для большинства детей будущий развод родителей уже с рождения начинается «психический сценарий» их переживаний развода в самом узком смысле слова и определяет их развитие задолго до окончательного разрыва родительских отношений. Что же касается после разводного развития, то оно начинается непосредственно за разводом и охватывает период времени в год или полтора; в это время вступают в действие определенные психические процессы, характерные именно для этого периода.

До сих пор, например, мы рассматривали отношения с отцом как полную боли и страдания разлуку. Мы видели также, что возможности ребенка в отношении строительства тройственных (триангулярных) отношений теперь значительно сузились, и его отношения с матерью наполнились новыми конфликтами. Отношения с отцом не кончаются, конечно, и после развода. Даже если ребенок долго не видит отца, тот продолжает для него существовать в качестве так называемого «внутреннего объекта». Как, кстати сказать, и для матери. Пусть представление о нем, как и его психическая ценность в сознании ребенка в достаточной степени и изменились, но образ отца все равно продолжает жить. Отец даже на расстоянии влияет на жизнь семьи и от его действий в большой степени зависит, как ребенок переживет событие развода, сумеет ли он преодолеть свои душевные трудности или они станут для него разрушительным кризисом.

Обширный опыт привел Фигдора к заключению, если ребенок поддерживает хорошие отношения с обоими родителями, шансы благополучного развития его психики значительно возрастают. Большинство детей еще долгое время тоскуют по отцу, и эти дети горячо желают, чтобы родители каким-то чудом снова оказались вместе. Исследователи обнаружили, что большая часть так называемой симптоматики детей бес-

140

сознательно преследует цель отвлечь родителей от их обоюдных проблем и заставить объединиться на почве общей заботы о ребенке. Но эти желания гораздо менее мучительны, если ребенок знает, что отец не потерян, отношения с ним продолжают оставаться достаточно тесными и приносят большое удовлетворение.

Несмотря на то, что «неполные» семьи сегодня далеко не редкость, более того, статистика показывает, что их можно причислить к нормальным социальным обстоятельствам, в общественном сознании они все еще продолжают оставаться чем-то вроде феномена «обочины» или печального отклонения от нормы. Это проявляется также и в школьной жизни. Например, произнесенное учителем или воспитательницей: «Отца нет...» — уже звучит как невысказанное: «Ага, ну так чего вы хотите?» — и это даже в тех случаях, когда причиной проблем, связанных с ребенком, может быть, являются проблемы самого педагога. Да и в учебниках, в школьном материале (например, текстах задач по математике, литературных произведениях) едва ли можно встретить примеры детей, родители которых развелись. Поэтому не приходится удивляться, если «разведенные» дети испытывают невыносимое чувство стыда перед посторонними, например, перед учителями. Таким образом, ко всем его бедам и боли ребенка прибавляется еще и чувство, что с ним самим «что-то не в порядке». Фигдор рассказывает, какое облегчение для самолюбия испытывает ребенок, когда на вопросы, касающиеся развода, он может с гордостью ответить: «Но мы видимся с папой очень часто и разговариваем по телефону почти каждый день».

Несмотря на то, что многие матери испытывают ревность и боятся, что интенсивные отношения ребенка с отцом могут отнять у них любовь ребенка, психоаналитические обследования ярко демонстрируют, что на деле происходит обратное: там, где отношения с отцом продолжают оставаться добрыми и надежными, у матерей постепенно развивается чувство легкости и повышается сознание своей полноценности. Это только вначале интенсивные отношения ребенка с отцом кажутся матери угрозой, если же ей уда-

141

ется преодолеть свои страх и ревность и не препятствовать этим отношениям, со временем она научится использовать их и в интересах своего собственного душевного благополучия.

Для многих детей развод означает частичную потерю власти. Если ребенок не имеет возможности время от времени находить «укрытие» у другого родителя, это делает его еще более зависимым от того из них, с кем он живет. А зависимость и любовь, согласитесь, это не совсем одно и то же. Если каждый из нас покопается в своих чувствах, то обязательно найдет доказательства тому, что чрезмерная зависимость вызывает скорее растерянную беспомощность, а то и подавленную ярость, чем любовь. К тому же ребенок, впадая в известный нам психический конфликт лояльности, начинает чувствовать себя неудачником. Печаль и ощущение безвластия — как следствие этого разочарования — развивают в детях чувство собственной неполноценности. Дети, отцы которых о них не заботятся, испытывают обиду и считают себя никому не нужными, и они отстают от своих сверстников в развитии социальной зрелости. И наоборот, там, где отношения с отцом продолжают развиваться, ребенок приобретает большое чувство собственного достоинства, он проявляет меньше симптомов и лучше приспосабливается к новой жизненной ситуации.

Раз уж мы заговорили о хороших и интенсивных отношениях с отсутствующим родителем, то

следует сказать, что здесь важна не столько частота встреч, т. е. внешних контактов, сколько доброта и доверие. А для этого у ребенка должна быть свобода, т. е. родители должны стараться поддерживать отношения друг с другом, чтобы не обременять детей своими конфликтами и не требовать от них так называемой «верности». Иначе ребенок живет как среди двух огней, когда хорошие отношения с мамой зачеркивают его отношения с отцом, и наоборот. Мы уже говорили о том, что нет ничего пагубнее намерения «открывать ребенку глаза» на «плохого» отца или «плохую» мать. Вашему сыну или дочке уже достаточно больно, если вы говорите об отце только в пренебрежительных тонах, но если вы запрещаете ему общение с отцом, да еще используете его в качестве «сыщика» — это ста-

142

новится невыносимым. Запрещая ему говорить с отцом о вас, вы наносите своему любимому ребенку непоправимый вред. Для ребенка это становится неразрешимой дилеммой: любя обоих родителей, он теперь смертельно боится не оправдать ожиданий каждого из них и таким образом потерять родительскую любовь. От него ожидается однозначное предпочтение одного другому, а это значит, что он должен истребить в себе любовь к одному из родителей. Однако, если такое произойдет, то истребленной окажется также большая часть его самого, и страшно подумать, какие плоды произрастут теперь на том месте, где когда-то цвела любовь. Из таких-то детей и вырастают те именно взрослые, о которых мы с ужасом говорим, что для них «не существует ничего святого».

Известный психоаналитик и психотерапевт Юдифь Валлерштейн на основе своего пятнадцатилетнего наблюдения за определенной группой детей, переживших развод родителей, утверждает, что продолжение агрессивных разногласий между родителями порождает у детей не только мучительный «конфликт лояльности», но, прежде всего, это сказывается печальным образом на их отношении к своей собственной персоне. Ребенок, становясь взрослым, продолжает чувствовать себя нежеланным, своего рода несчастным случаем, плодом ненависти, а не любви. Такие дети не любят себя, не находят радости в жизни и не видят в ней смысла, вплоть до того, что их посещают мысли о самоистреблении.

Еще и еще раз хочется подчеркнуть, какое огромное значение имеет поддержание ребенком хороших отношений с отцом — и именно для доброты его отношений с матерью. О возросшей власти матери и невозможности временного «побега» к отцу мы уже говорили. Нам уже известно, что многие дети — открыто или скрыто — винят мать в том, что она «отняла у них отца». С другой стороны, «слабые» и «беспомощные» матери, сами того не сознавая, преступно (я не боюсь этого слова) отнимают у детей материнскую защищенность и заботу; они, по сути, меняются с ребенком ролями и перекладывают на детские плечи всю ответственность. Что рождает в ребенке чувство вины («мама и так бедная, а тут еще я...»), которое будет мучить их потом всю жизнь.

143

Часто бывает и так, что мать, препятствуя частым встречам ребенка с отцом, добивается как раз обратного тому, чего она собиралась достигнуть, а именно: отсутствие отца порождает его идеализацию. В то время как мать, можно сказать, олицетворяет собой все тяготы и отказы повседневной жизни, многие «отпускные» или «воскресные» папы кажутся детям «прекрасными принцами». Но идеализированный отец осложняет мальчику его реалистическую самооценку, а девочке — создание реалистического образа мужчины. Случается и обратное: в материнской семье мужчины подвергаются таким нападкам, что половая идентификация мальчика и интерес девочки к противоположному полу подвергаются большой опасности. Валлерштейн подчеркивает чрезвычайное значение примера, который подает собой отец, и не только для мальчика, но и для девочки — в их будущей ориентации в жизни, формировании жизненных целей, для квалифицированного представления о профессиях и приобретения навыка в построении длительных отношений. Кроме того, Валлерштейн говорит о проблемах, возникающих в переходном возрасте и позже, в процессе отделения молодых людей от родительской семьи. Ведь даже в обычных семьях это время насыщено разного рода конфликтами, но там, где возникает слишком тесная и исключительная по своему содержанию связь лишь с одним из родителей (чаще всего с матерью), шаг этот становится трудным до чрезвычайности, что, в свою очередь, отражается на процессе самоутверждения молодых людей в общении со сверстниками и со взрослыми. Многие подростки считают, что они не имеют права оставить маму одну, т. е. сделать то, что уже однажды сделал по отношению к ней отец. В результате для того, чтобы как-то побороть в себе зависимость, суметь покинуть мать и начать жить самостоятельной жизнью, они просто «вынуждены» развивать в себе агрессивность, почти сознательно идентифицируя себя со «злым»

отцом, всеми силами умаяя мать. Девушки часто, чтобы избавиться от зависимости, «выскакивают замуж» «за первого встречного», и замужество это конечно же оказывается недолговечным. В результате они повторяют материнскую судьбу и сами становятся разведенными матерями. А другим и вовсе не удастся

144

«отлепиться» от матери, и они навсегда остаются дома, но ценой постоянных колебаний между любовью и ненавистью.

Валлерштейн дает родителям несколько важных советов, к которым всей душой присоединяется также и Фигдор. Прежде всего, несмотря на разрыв супружеских отношений, родители должны предпринять все возможное, чтобы дать ребенку возможность поддерживать добрые отношения с ними обоими. Они должны также приложить все силы и мужество, чтобы побыстрее избавиться от своих собственных страданий. Заботясь о своем собственном душевном благополучии, вы заботитесь и о душевном благополучии детей, поскольку тогда вы в состоянии гораздо успешнее выступать в своей родительской роли.

И что еще чрезвычайно важно: родители должны научиться отличать свои собственные потребности от потребностей детей. Скажем, матери, которая развелась с мужем, причинившем ей столько боли, больше всего на свете хотелось бы, чтобы бывший супруг просто навсегда исчез из ее жизни, и ее чувства вполне можно понять. Но то, что было бы так замечательно для матери, для ее детей обернулось бы полной катастрофой. Поэтому матери не мешало бы задаться вопросом, а хотелось бы мне самой на месте ребенка, чтобы мой папа навсегда исчез из моей жизни? Даже если мама его больше не любит. Могу ли я представить себе, что это оставило бы меня равнодушной? Так как же исчезновение отца может оставить равнодушными моих детей? Поэтому родители должны быть в состоянии извиниться перед своими детьми за развод, вне зависимости от его обстоятельств. И родители должны вселить в детей уверенность, что с настоящего момента они будут предпринимать все, что в их силах, чтобы облегчить детям их страдания. И ребенок должен знать, что он имеет право продолжать любить обоих родителей. Родитель, который теперь не живет вместе, должен как можно скорее начать встречаться с ребенком, и вопросы посещений должны обсуждаться совместно, в них должны учитываться и желания детей. Наконец, родители должны помочь детям пережить боль разлуки. Прежде всего, дети должны быть своевременно и подробно проинформированы о предстоящих событиях и им должно быть позволено проявлять свои эмоции, потому что,

10 . 34.15

с одной стороны, проявление горя уже в большой степени облегчает само горе, и, с другой — ведь утешить человека можно лишь тогда, когда он показывает, что он нуждается в утешении.

Фигдор говорит: «В последние годы мне пришлось убедиться в том, что сегодня вряд ли найдутся консультанты, судебные эксперты или судьи по семейному праву, которые рассматривали бы развод как заключительный этап в отношениях родителей, а регулирование вопроса посещений — как периферическую проблему, которая затрагивала бы скорее интересы отца, а не необходимое условие для благополучного развития ребенка. Так же считает и большинство родителей». Но практика, к сожалению, сильно отличается от общественного мнения. В Австрии, например, 70% разведенных отцов либо вообще не поддерживают отношений с детьми, либо поддерживают их нерегулярно. Обследования в Берлине показали, что там в 40 случаях из ста отношения отцов с детьми окончательно прерваны. Для объяснения такого «разногласия» между теоретическими воззрениями и практикой существуют две версии. Одни считают это отсутствием морали у разведенных родителей и реагируют «педагогически» поднятым указательным пальцем. Мало того, эти люди считают безответственностью уже сам развод, поскольку, по их мнению, он принципиально направлен против «благополучия детей». Но мы знаем, что это не так, но следует все же заметить, что эта морализирующая позиция питается принципиально верными аргументами. Однако нормальные взгляды нельзя считать нормативными требованиями. Можно ли предположить, что стоит только родителям понять проблемы ребенка, как они тут же изменят свое поведение? Даже многие профессиональные консультанты и педагоги нередко подвержены искушению «директивно» решать проблемы послеразводного кризиса, поскольку они идентифицируют себя исключительно с детьми и ничего не желают знать о чувствах родителей. И Валлерштейн, и Фигдор тоже рекомендуют родителям определенное поведение, но они, прежде всего, подчеркивают, что такое поведение возможно лишь тогда, когда родителям удастся преодолеть свои соб-

146

Ж

ственные психические трудности. К «правильным» действиям следует себя подготовить, а для этого, прежде всего, необходимо постараться закончить свой брак и психически. Кроме того, родители тоже должны иметь возможность проявлять печаль (об утраченном супружестве, о разрушенных надеждах и иллюзиях), что в психоанализе именуется «переработкой развода». И они должны научиться владеть своими эмоциями, что без вышеупомянутой «работы развода» едва ли возможно. Родители должны прежде всего вновь найти самих себя и обрести надежду на принципиальную возможность нового счастья.

А это уже, согласитесь, совсем иное начало. «В различных формах морализирующего обхождения в консультациях для родителей одно общее то, что они в основе своей обращаются к некой теоретической конструкции «родители», где личности последних редуцируются в простые понятия «отец» и «мать», как если бы речь шла о каких-то «педагогических существах», которые в любой момент располагают внутренней свободой бесконфликтно претворять в дело свои сознательные установки». Нельзя забывать, что разведенные отцы и матери — тоже люди, у них есть свои эмоции, переживания и своя бессознательная жизнь. Возьмем, например, родителей, которые вполне сознательно решили не перекладывать на ребенка своих конфликтов. Они не говорят в его присутствии друг о друге плохо, не используют ребенка в качестве шпиона, не запрещают посещения и т. д. Но, предположим, мать все еще внутренне не в состоянии смириться с тем обстоятельством, что ее ребенок по-прежнему нежно любит своего отца, т. е. того человека, который нанес ей столько обид, и, сама того не сознавая, где-то в глубине души желает, чтобы ребенок разделил с ней ее чувства. Мало того, она страдает от страха потерять любовь сына или дочери. Пока эти чувства бессознательны, их невозможно взять под контроль и тогда они проявляют себя в замаскированных формах. Например, в день посещения отца ребенку предлагается вдруг редкое и соблазнительное развлечение. Отец, со своей стороны, неожиданно великодушно удовлетворяет просьбу, которую мать удовлетворить не в состоянии. Неко-
ю*

147

которые матери или отцы отвечают на выражение желания ребенка о новом воссоединении кротким заверением: «Я бы с радостью, но вот твой папа не любит меня больше». Или, если ребенок жалуется, что хотел бы почаще видеть отца, тот отвечает: «Я тоже хотел бы видеть тебя почаще, но твоя мама...». Тяжелые сцены прощания с отцом или слезы матери говорят ребенку, что своей радостью общения с одним родителем он причиняет другому боль. А какой тревогой наполняется детское сердце, когда мать отмалчивается в то время, когда он говорит об отце. И так далее. Все это создает у ребенка впечатление, что в его жизни и в его чувствах что-то не так, он начинает бояться «играть» любовью родителей и считает, что сам он несет ответственность за все, что происходит вокруг него. В результате в нем растут отчаяние и ненависть к себе и окружающим. Или возьмем мать, которая всей душой верит, что она просто обязана защитить свое чадо от отца-изверга. Что пользы ей от напоминания, что она не имеет права отнимать у ребенка отца? И каким образом может отец проявлять свою ответственность, если ребенок от него отворачивается?

Итак, противоречия между теоретическими воззрениями и практикой можно объяснить и по-другому: скорее всего, проблема эта — не моральная, а психологическая. Стоит посмотреть ближе, почему именно отношения родителей и детей после развода развиваются не так, как этого хотелось бы всем, и прежде всего самим родителям.

«ЗЛЫЕ МАТЕРИ»,

«БЕЗОТВЕТСТВЕННЫЕ ОТЦЫ»

И «НАСТРОЕННЫЕ ПРОТИВ» ДЕТИ

«После посещения отца ребенок сам не свой!» Такое действительно случается нередко, и мать именно этим мотивирует свое сопротивление контактам ребенка с отцом. Пятилетний Альберт обычно перед посещением отца плохо спит, а вечером, по возвращении, его «будто подменили»: он возбужден, не хочет идти в постель, не слушается и фыркает на мать. Через пару дней он снова входит в колею, он снова приветлив и ласков. И даже воспитательница в детском саду замечает его перемены.

Подобное происходит со многими детьми и это скорее правило, чем исключение. А все дело в том, что ребенок попадает в ситуацию новой расстановки отношений. Подумайте сами, одно дело общаться с отцом и с матерью одновременно и совсем другое, когда свидание с отцом означает отказ от матери, а возвращение к матери — отказ от отца. Особенно тяжело это для маленьких детей, которых мучает неуверенность: а что будет с папой во время моего отсутствия, найду ли я его здесь и на следующей неделе? Если ребенок в этом возрасте вообще в состоянии понять, что

такое следующая неделя. И это каждый раз активизирует переживания развода, а значит, возбуждает в ребенке страх и гнев. Но и чувство вины настойчиво заявляет о себе: многие дети переживают посещение отца и возвращение к матери как свое предательство, и конфликт лояльности возникает часто даже без активного участия самих родителей. А разрешить этот конфликт легче всего приписыванием вины одному из них, и скорее всего тому, в ком ребенок уверен больше, а значит, матери. Агрессивное поведение ребенка после посещения отца можно расшифровать как невысказанный словами упрек: «Это ты отняла у меня отца, это ты не хочешь, чтобы он жил вместе со мной!».

149

Так что же из этого следует? Отказаться от посещений? Удивительно, что даже некоторые консультанты и домашние¹⁰ врачи рекомендуют ребенку «спокойствие на какое-то время». Потом, мол, встречи можно будет возобновить. Фигдору подобные советы напоминают поведение медицинского персонала в больницах в те времена, когда родителям разрешалось навещать детей всего лишь раз в неделю. Объяснялось это тем, что дети тогда спокойнее и, оставаясь одни с медсестрами, быстрее приспосабливаются, а после родительских посещений они, дескать, становятся капризными и непослушными. Сейчас в австрийских больницах, к счастью, придерживаются психологически справедливого мнения, что любое проявление беспокойства для психики ребенка много полезнее, чем насильственная приспособленность. Капризы или плач ребенка являются проявлением печали и способом преодоления боли разлуки. Внешнее же спокойствие при внутренних переживаниях, наоборот, означает полную сдачу рубежей: ребенок вынужден заставить себя забыть о любимых родителях, умышленно принизить их значение, тогда у него будет больше шансов понравиться сестрам и меньше их бояться. Обследования показывают, что в тех случаях, когда родители не навещают детей в больнице или навещают их редко, дети (особенно маленькие) после длительного пребывания в госпитале едва ли остаются прежними. Ребенок чувствует себя преданным, и большая часть его доверия не только к родителям, но и вообще к миру, а также уверенности в себе самом оказывается навсегда подорванной.

Конечно же ребенок после развода нуждается в покое! Но не в своем собственном, а в покое родителей! Он должен иметь возможность убедиться в том, что для того, чтобы и дальше благополучно существовать в этом измененном мире, нет необходимости вооружаться и прибегать к борьбе. Прекращение посещений — даже временное — как раз подтверждает самые страшные опасения — отец действительно потерян! И после пережитой боли позднейшее возобновление отношений мо-

¹⁰ Домашнего врача в Австрии можно приравнять к нашему участковому терапевту, с той только разницей, что здесь ты волен сам выбирать себе врача, независимо от места жительства.

жетуже стать чистой проформой, лишенной внутреннего содержания. Доверие оказывается в большой степени подорванным. И наоборот, при нормальном продолжении посещений ребенок со временем перестает нервничать. Даже если в нем и продолжает жить печаль, то это, в общем, не так страшно: печаль, как правило, чувство сознательное и это — вполне нормальная душевная реакция, которая, хоть и причиняет боль, но не ведет к невротическим нарушениям. Более того, она даже полезна, потому что помогает «переработать» переживание. Да и печального ребенка всегда можно утешить, а как утешить того, чьи переживания бессознательны, а значит, и выражаются в форме агрессивных («псих ненормальный!») или депрессивных («ленивый какой-то!») настроений? Помочь ребенку в преодолении его беспокойства после встреч с отцом можно лишь одним способом, но способ этот требует от матери большого напряжения собственных сил: мама должна уметь ответить на возбуждение ребенка спокойным пониманием и обязательно облечь это понимание в слова: «Ну, что ты так нервничаешь, дорогой? Я совсем не сержусь на тебя за то, что тебе было хорошо у папы. Наоборот, я горжусь, что ты уже такой большой мальчик (девочка) и так умеешь дружить. И я ничего не имею против, чтобы ты и на следующей неделе увидел папу. Папа этому тоже очень рад. А я всегда буду любить моего малыша!» Или что-то в этом роде. И повторять это нужно как можно чаще. Если вы действительно желаете добра своему ребенку, вы не станете «любой ценой» (а именно ценой огромных психических потерь с его стороны) бороться за его исключительную любовь только к вам одной. Вы освободите его от страхов и дадите ему возможность развивать его собственные здоровые отношения как с отцом, так и вообще с другими людьми. Его жизнь, как и он сам, не «принадлежит» вам, и никакая, даже самая большая, любовь не дает права на порабощение. Уважайте своего ребенка, любите его так, чтобы в нем развивалось чувство собственного достоинства и способность к самоутверждению, ведь сознательно вы хотите

вырастить гордого и уверенного человека. А для этого он должен уже сейчас учиться жить своей собственной жизнью, получая от вас помощь и поддержку. С другой стороны, это и для вас ощутимое облегчение, если ваш разведенный супруг разделит с вами ответственность. Не забывайте, «исключительная» любовь ребенка к вам одной налагает и на вас «исключительные» обязанности и «исключительную» ответственность. И вы ошибаетесь, если думаете, что такая любовь может принести счастье. Да и можно ли назвать любовью чувство, в котором гораздо больше от страха зависимости, чем от настоящей, свободной душевной привязанности? Подумайте сами, к кому больше будет тянуться ваше собственное сердце — к тому, кто эгоистически требует, чтобы все ваши чувства и помыслы были обращены только к нему одному, или к тому, кто по-настоящему вас понимает, защищает ваши интересы и действительно желает вам добра? По-настоящему мы любим тех, кто приносит нам удовлетворение и радость, а не тех, кто требует от нас «особенной» любви, т. е. рабской зависимости. Не так ли?

«МАМА, Я НЕ ХОЧУ К ПАПЕ!», «ПАПА, Я ХОЧУ ЖИТЬ С ТОБОЙ!»

Но как может мать приветствовать посещения отца, если сам ребенок не желает его видеть? Возможно, внутренне она даже рада этому, потому что считает такое поведение проявлением любви к ней одной. На самом же деле «отказ от отца» чаще всего свидетельствует вовсе не об отсутствии к нему любви, а является обратной стороной страха ребенка перед потерей матери. Или, может быть, ребенок раздражается в настоящий момент оттого, что ему приходится уходить от матери. Конечно, это не значит, что сопротивление ребенка следует игнорировать. Потому что он либо станет воспринимать отца как «злого человека», который забирает его от матери, или, наоборот, «злой» станет мать, потому что она отсылает его от себя. У ребенка в этом случае возникает чувство беспомощности, которое порой перерастает в бессильную ярость, а это, в свою очередь, может привести к еще большим переживаниям и в будущем к тому, что, став взрослым, он так не научится верить в непрерывность отношений и будет постоянно испытывать свое безвластие. Как же можно смягчить эти страхи перед разлукой?

Отец трехлетней Сузанны обратился к Фигдору за советом. Дело в том, что дочь каждый раз, когда он за ней приходил, кричала и брыкалась, не позволяя взять себя на руки. «Передача» обычно происходила так: мать уже заранее одевала девочку, малышка хотела играть, но мать отклоняла просьбу, потому что «сейчас придет папа». Когда приходил отец, ему хотелось поскорее взять ребенка и уйти, но дочка в ответ ревела, убегала от него или пряталась в другой комнате. Мать тоже пребывала в растерянности, она знала, отец любит девочку, и ей не хотелось ломать их отношения. Однако ей не хотелось самой выглядеть «злой матерью», отсылая ребенка от себя против его воли. Поскольку родители придерживались одной

153

ш

J

и той же точки зрения, то Фигдору удалось помочь им развить вполне пригодную стратегию. Надо было не торопить девочку, а дать ей время. Папа стал приходить пораньше, когда Сузи еще играла с мамой или занималась своими делами. Отец осторожно включался в игру, возобновляя таким образом прерванные отношения. Тогда мать потихоньку отдалялась на задний план, а отец делал заманчивые предложения: сходить в Пратер или покататься на велосипеде, пойти послушать уличных музыкантов на Кертнерштрассе, которые приводили девочку в такой восторг. Всегда находилось что-то, что радовало ребенка, и Сузи уже с нетерпением позволяла себя одеть. Потом решала, что возьмет с собой, и уходила, порой даже забыв попрощаться с матерью.

Что на первый взгляд кажется лишь улучшением ситуации расставания, на самом деле является радикальным изменением психологической картины разлуки: отец не «отнимает ребенка у матери», а завязывает с ним отношения и ребенок уже не просто «уходит с отцом от матери», а идет с ним в Пратер или на детскую площадку. А самое главное — девочка имеет возможность принимать участие в решениях, вместо того чтобы беспрекословно подчиняться чужой воле. Со временем она уже сама строила планы и с нетерпением ждала отца.

В другом случае разлука с матерью и беспокойство после посещений отца приводили к тому, что ребенок заолевал, у него поднималась температура. Домашний врач аттестовал это так: посещения отца подвергают опасности здоровье ребенка, и судья, на основании этой аттестации, вынес частное определение, отменяющее посещения отца на полгода. Это типичный пример превышения компетентности врачей. Конечно, ребенок болел, но не из-за посещений отца, а из-за того, как родители эти посещения обставляли. Экспертиза, напротив, установила, что подобные болезненные картины возникают без органических изменений и, скорее всего, имеют основой

психические нагрузки. Поэтому в таких случаях рекомендуется психологическое обследование ребенка.

У более старших детей эта форма страхов не так сильна, но зато они легче впадают в конфликты лояльности. Например, Франц очень боялся ранить мать, выразив радость по поводу

154

встречи с папой, и уже вечером, когда мать напоминала ему о предстоящем посещении, начинал ныть: «А это обязательно?..». Точно так же, как Сузи, он громко протестовал, когда отец уводил его с собой. Однако, как только они с отцом удалялись из поля зрения матери, настроение ребенка быстро менялось. Подобных сцен также не происходило, когда отцу приходилось забирать его из детского сада. А вечером, когда отец приводил его домой, он точно так же не хотел расставаться теперь с ним.

Третьей причиной сопротивления детей является их сильное желание нового воссоединения семьи. Ребенку не хочется уходить с отцом, было бы лучше, чтобы папа остался здесь. Уход как бы цементирует разлуку и протест ребенка — это протест не против отца, а против разлуки.

Случается, конечно, что дети отклоняют отца как персону. Например, когда ребенок в большой степени занимает сторону матери, а та открыто пренебрегает отцом. Или пережитая обида заслоняет потребность в общении. Бывает так, что ребенок всю свою ненависть — по отношению к матери и к себе самому — переносит на отца, бессознательно делая его «козлом отпущения». Или он ожидает наказания от него за свою любовь к матери. К страху расплаты может присоединиться сильное чувство вины, вызванное разводом. Конфликт лояльности бывает настолько мучителен, что ребенок предпочитает лучше вообще отказаться оттого из родителей, который представляется ему теперь менее важным. Все это нельзя оставлять без внимания. Если знать, в чем именно заключается проблема ребенка, то можно найти множество вариантов ее разрешения. К сожалению, не всегда можно обойтись без профессиональной помощи. Однако там, где она по каким-либо причинам невозможна, мы посоветуем одно — много и часто говорить с ребенком о разводе и о его страхах, давать ему возможность высказываться, облекая свои чувства в слова или другим способом выражать свои эмоции, а главное, ребенок должен знать, что вы на него не сердитесь и не чувствуете себя раненой (раненым) его «неверностью», что вы понимаете и поддерживаете его, и не перекладываете на него ответственность, что вы полностью берете ее на себя, как это и полагается взрослому.

155

«РЕБЕНКА НАСТРОИЛИ ПРОТИВ МЕНЯ!»

А как реагируют родители на растерянное состояние детей? Чаще всего они усматривают в нем умышленное негативное влияние другой стороны. Конечно, такое порой тоже бывает, но гораздо реже, чем это принято считать. Скорее всего, изменившиеся жизненные обстоятельства приносят столько боли, ввергают в такое отчаяние, что ребенок просто вынужден искать свои способы реагирования, а родители, со своей стороны, слишком мало знают о комплексной динамике детских переживаний развода. Иногда подобного рода подозрения вытекают из неправильного понимания детских высказываний. Так четырехлетний Якоб, однажды вернувшись от отца, капризничал, не реагировал на замечания матери и в конце концов заявил: «Ты — плохая, ты не хочешь, чтобы папа жил с нами!». Мать от неожиданности отвесила ему шлепок: «Кто это сказал?». Тогда Якоб заревел: «Папа, бабушка и все остальные!». После этого мать обратилась за помощью к психологу в надежде получить подтверждение, что посещения отца вредят ребенку.

Но тот, кто имеет дело с детьми, хорошо знает, как часто дети приписывают другим свои «постыдные» или «опасные» мысли и поступки. Вероятнее всего, вопрос матери: «Кто это сказал?» — был как нельзя кстати, он не только помог переложить вину за сказанное на другого, но это еще и придало вес его словам. Однако тут надо бы задуматься, почему мать спросила именно так, а не сказала, например: «Ты все еще сильно переживаешь оттого, что папа не живет больше с нами?» или: «Ты правда думаешь, что это была только моя вина?». А то и еще проще: «Иди сюда, я знаю, что ты несчастлив, но, поверь, все образуется». Это облегчило бы ребенку боль и сигнализировало бы понимание и надежду. Но мать уже как бы заранее убеждена в том, что это просто «какой-то клеветник» использует ее ребенка, чтобы нанести вред ей. Конечно, может быть, отец и, правда, сказал нечто подобное, чтобы защитить себя от упреков сына, но, что примечательно, мать даже не допускает и мысли о том, что сын и сам мог бы

156

упрекнуть ее в разводе. Нет, ей просто необходимо «поймать отца с поличным». И это не единичный случай. Очень многие отцы и матери и, правда, бессознательно ждут доказательства

настраивания детей против них, словно им самим заранее этого хотелось бы, и не задумываются над тем, что это, может быть, обычное переплетение фантазии и реальности, столь свойственное детям. Однако мысли о настраивании детей против — это не просто проблема родителей, такая версия выполняет и некоторые защитные функции. Так и мать Якоба призналась позже, что с самого начала считала решение суда о посещениях чересчур великодушным, что было для нее невыносимо. Но теперь она получила, наконец, «педагогический аргумент», которого так ждала, — теперь-то уж она непременно добьется отмены решения суда! В другом случае отец не желал мириться с тем, что воспитание дочери было доверено матери, и, как только девочка начала бросать ему упрёки по поводу его новой подруги, желанное доказательство дурного влияния матери на дочь было «получено».

Подобные обвинения помогают родителям снять с себя ответственность за растерянность, смену настроений и агрессивность ребенка, а также отрицать боль, которую приносит детям развод. Конечно, бывает и так, что отец умышленно пренебрежителен к матери, обвиняет ее и т. д., но чего не понимают в этих случаях родители, так это того, что этим они, прежде всего, причиняют страшный вред своим любимым детям — они вселяют в них неуверенность, ввергая в конфликт лояльности. Редко бывает так, что это делает лишь один из родителей. Так и мать Якоба в дальнейшей беседе созналась, как «предметно» она беседует с сыном: «Ты еще узнаешь, что люди не всегда говорят правду». А когда мальчик заявил, что папа любит его больше, чем мама, она сказала: «Мой дорогой, твой папа вообще не любит никого, кроме себя самого!». Подумала ли мать в этот момент, что должен испытывать ребенок в ответ на ее слова? Для сравнения представьте себе, вы рассказываете своей близкой подруге, что вас любит один человек, который вам бесконечно дорог, а подруга отвечает скептически: «Ах, оставь, дорогая, я его знаю лучше, поверь, он не способен никого любить, кроме себя!». Что вы будете при этом чувствовать? А переживания вашего и без того во всех отношениях зависимого ребенка еще тяжелее.

157

ЛЮБОВЬ РЕБЕНКА

К РАЗВЕДЕННОМУ СУПРУГУ

ПРИЧИНЯЕТ БОЛЬ И ВСЕЛЯЕТ СТРАХ

Фигдор спросил мать Якоба, как она считает, что за интерес отцу настраивать ребенка против нее, тогда она обрисовала такую картину: отец не может простить ей, что она путем развода освободилась от его деспотизма и теперь сын, которым он так гордился, живет с нею; конечно, он ее за это ненавидит и хочет «отбить» у нее ребенка. Следует заметить, что это довольно типичная интерпретация, в которой замешаны остатки ненависти, желание мести, защита от чувства вины, потребность единолично владеть ребенком, а также страх потерять его любовь. И, как правило, родитель (например, мать Якоба) даже не знает о том, что это он выставляет другого перед ребенком в дурном свете; чаще всего он предполагает, что давно смирился со своим разочарованием и уж ни в коем случае не перекладывает его на ребенка. Как правило, сознательно мать или отец придерживаются мнения, что ребенок должен любить обоих родителей. При помощи психоаналитической консультации этим родителям удастся обнаружить, что им лишь поверхностно удалось вытеснить свою ненависть, а также обиду и чувство вины. И только после этого они в состоянии признаться себе в тайном желании единолично владеть любовью ребенка и они открывают в себе страх ее потерять. Мать, характеризуя чувства отца, обрисовала, по сути, свою собственную душевную позицию. Надо только чуть-чуть прислушаться, чтобы услышать в ее высказываниях остатки ярости по отношению к бывшему мужу и тайное удовлетворение оттого, что тот тоскует по сыну. Однако звучит в них также и страх, а вдруг ему все же удастся отнять у нее любовь ребенка? Так в «теории настраивания» раскрывается добрая часть «психологической правды». Конечно, бывает и такое, что отцы или матери сознательно и целенаправленно пытаются восстано-

158

вить детей против другого родителя, но такое случается гораздо реже, чем принято думать. Чаще это происходит бессознательно и — как правило — с обеих сторон, что можно считать почти повседневным признаком послеразводных отношений. Агрессивные чувства против бывшего супруга, чувство вины, угрожающее чувству собственной полноценности, и страх после супруга потерять еще и ребенка спрессовываются в неспособность правильно реагировать на продолжающуюся любовь детей к другому родителю, и любовь эта вызывает обиду, ревность и гнев. А уж о том, чтобы поддерживать эту любовь, не может быть и речи, хорошие отношения детей с другим родителем кажутся реальной угрозой, которой во что бы то ни стало следует избе-

жать. А между тем борьба приобретает открытые формы. Что интересно, чем лучше родители проинформированы о важности обоих родителей для ребенка, тем к более действенным, хоть и subtilным, методам они прибегают. В результате мать, например, считая себя готовой к кооперированию, всю вину и все ошибки приписывает отцу. И наоборот. И все это, заметьте, без злого умысла!

Нам невдомек, что в этой борьбе мы являемся врагами не только детям, но и своим собственным интересам. Потому что, как мы уже говорили, чем реже видит ребенок не живущего с ним родителя, тем больше растет в нем тенденция к его идеализации. Это касается даже тех детей, которые сами по каким-либо причинам не желают поддерживать отношений с отцом. В этом случае идеализируется не конкретный, живой отец, а его место занимает идеал «совершенного» родителя, включающий в себя обоих — и отца, и мать, с которым, как вы сами понимаете, никакие реальные родители конкурировать не в силах. И чем менее доступны ребенку тройственные отношения, тем более агрессивную окраску принимают его отношения с матерью. Когда мать и ребенок живут изолированно, отношения их неизбежно принимают садо-мазохистский характер: оба чувствуют себя чересчур зависимыми друг от друга и между ними разгорается мучительная борьба. С другой стороны, если отец отчаянно сражается с матерью за любовь ребенка, он подвергает себя опасности, что ребенок из страха перед конфликтом лояльности может принять решение в пользу того, кто субъективно более ва-

159

жен для него, т. е. в пользу матери, и прекратит с отцом всякие отношения.

В редких случаях бывает, конечно, что отцу удастся так настроить ребенка против матери, что тот отворачивается от нее, но если такое случается, то лишь при наличии и других факторов, уже не зависящих от влияния отца. Однако для того, чтобы прийти к такому решению, ребенку не остается ничего иного, как искоренить в своем сердце все то доброе, что означала для него когда-то мать, вплоть до самого понятия матери, а это ведет к совершенно катастрофическим последствиям для его развития. Кстати, этот фактор является также одной из причин, почему на ребенка нельзя возлагать ответственность за решение, с кем он хочет жить после развода.

«У ОТЦА ЕМУ МОЖНО ВСЕ, А Я, ПОЛУЧАЕТСЯ, ЗЛАЯ!»

Эта проблема знакома почти всем матерям. В то время, как на их плечи ложится ответственность за детей, за их школьные успехи, а работа и домашние обязанности не дают возможности свободно и радостно общаться с детьми, к тому же ограниченный семейный бюджет не позволяет лишний раз «побаловать» себя и ребенка, «воскресный» или «отпускной» папа имеет все преимущества. Он может баловать ребенка, предоставляя ему все, чего тот лишен в повседневной жизни. Мы уже знаем, что родители имеют в глазах ребенка две стороны: с одной стороны, они дают, радуют, удовлетворяют желания, с другой — ограничивают, запрещают. В условиях разведенной семьи получается так, что все бремя забот ложится на мать, а отец часто пользуется возможностью выступать в роли «идеального» родителя и порождает у ребенка иллюзию, что жить с ним было бы намного приятнее. Дети часто так и говорят. Например, семилетняя Барбель уверена, что «у папы мне не надо было бы ходить в школу», а Томми жалуется, что у мамы он не может выбирать, что ему есть, как он это делает у отца. Это действительно трудная проблема, и на нее существует несколько педагогических точек зрения, противоречащих друг другу. Что характерно, так это то, что матери часто опасаются таких различий уже задолго до того, как появляются их первые признаки. Мать боится, что дети из-за баловства у отца ее будут любить меньше. Да и дети, со своей стороны, часто рассказывают, что у отца они могут неограниченно смотреть телевизор, долго не ложиться спать, что там во время дождя им не надо надевать куртку и т. д. Рассказы эти не всегда соответствуют действительности и заключают в себе известную детскую стратегию утверждения своей воли путем сталкивания родителей друг с другом. В общем, это безобидные будни любой семьи. Но в «полной» семье мать не поверит рассказанному или погово-

11 — 3435

161

рит с отцом. В крайнем случае, один делает так, другой иначе и в этом нет ничего страшного, пока соблюдаются известные границы и родители не имеют предумышленного желания, сделать что-то назло друг другу. Более того, Фигдор считает, что различные воспитательные требования со стороны отца и матери совсем не обязательно вредны для ребенка, и об этом мы еще поговорим позже. Однако в условиях развода все осложняется. Матери и отцы становятся похожи на адвокатов, которые используют каждое слово в целях отягощения вины другого. Это — своего рода

оборонительная борьба, где каждый стремится разоружить другого, приписывая ему сознательное зло.

Безусловно, границы, устанавливаемые навещаемым отцом, менее строги, но это и понятно. Один отец рассказывал: «Я вижу свою дочь Сенту всего раз в месяц. Естественно, я стараюсь эти выходные освободить от всяких других дел и посвятить их дочке. Так что ж такого, если я не требую от нее в субботу точно вовремя идти в постель, ведь в воскресенье у нее нет школы!». Но можно понять и то, что у матери после этого возникают новые проблемы. Здесь трудно дать единый педагогический совет. Фигдор пишет о детях, которые эти относительно свободные дни, проведенные у отца, используют для того, чтобы заполнить дефицит свободы у матери и извлекают из этого большую пользу, вплоть до улучшения отношений с матерью. А у других, напротив, та же ситуация приводит, выражаясь языком психоанализа, к расщеплению репрезентации родительского образа, т. е. все хорошее, что несут в себе родители, приписывается одному, а все плохое — другому.

Но существует и другой аспект, который заключается не только в так называемой свободе, а включает в себя индивидуальные различия в воспитательных взглядах матерей и отцов. Например, мать придает решающее значение неукоснительному воспитанию вежливости, но отец смотрит на это легче. Или отец требует определенных манер за столом, но мать сглаживает эти требования. Матери, например, как правило, боятся конфликтов и всяких проявлений агрессивности (в психологическом смысле слова), но отец показывает пример бесстрашия в проявлении собственной воли и т. д. Однако и здесь

162

есть дети, которые беспроблемно переходят от одного режима к другому и даже извлекают для себя пользу из таких различий, поскольку приобретают гибкость и навык поведения с различными людьми. Но есть такие, которые теряются в этих различиях, впадают во внутренние конфликты, и их отношения с обоими родителями обременяются дополнительными проблемами. Но в любом случае здесь очень много зависит от характера отношений между родителями. Отец и мать, которые в состоянии обсуждать друг с другом воспитательные проблемы и удерживать в рамках обоюдное недоверие и соперничество, имеют большие шансы помочь и себе, и детям. Например, отцу и матери Сенты удалось достигнуть такого взаимопонимания. Во-первых, отец объяснял дочке, что это исключение, что ей можно у него позже идти в постель, и он находил правильным, что в будни у матери она должна ложиться спать вовремя, и, во-вторых, мать согласилась с тем, что дочка у папы не обязана соблюдать в точности те же правила, что и дома. Таким образом, желая дочери приятных выходных у отца и показывая ей свою радость по этому поводу, она как бы незримо принимала участие в этих чудесных выходных. Но и отец, со своей стороны, не пренебрегал некоторыми правилами, которые мать считала важными: он по просьбе матери не позволял дочке есть сладости перед обедом и требовал, чтобы та непременно чистила зубы по вечерам.

«ПЕДАГОГИЗИРОВАНИЕ» ОТНОШЕНИЙ МАТЕРИ И РЕБЕНКА ПОСЛЕ РАЗВОДА

Но у матери Сенты были и другие проблемы, выходящие за пределы ситуации «разведенной матери». Они основывались на ее чисто индивидуальных честолюбивых педагогических представлениях. В ходе психоаналитической консультации выяснилось, что она подвержена чрезмерному страху перед школой. Она боялась, что если дочь потерпит неудачу, то вся вина ляжет на нее. Итак, девочка должна была заботиться не только о своих успехах, но и о «педагогическом» самочувствии матери. Фраза «Смотри, не принеси мне двойку!» содержит очень глубокий смысл — мать переживала отметки дочери как оценку своих материнских способностей, чем, с одной стороны, оказывала на ребенка непомерное давление, и, с другой — ее хорошее самочувствие становилось полностью зависимым от дочери. Получалось, что дочь должна была добиваться успехов не для себя, а для матери. В ответ девочка, бессознательно чувствуя свою власть, училась пользоваться ею в борьбе с матерью. С другой стороны, Сенте, по сути, было отказано в том, чтобы рассматривать школу как свое собственное дело. И еще, мать верила, что ребенок может сам придерживаться раз и навсегда установленных правил, без напоминаний и без сопротивления. Но дети устроены так, что они этого не умеют! Каждое «нарушение» дочери превращалось в драму для матери. В то время, как отец просто напоминал: «Дорогая, сними, пожалуйста, туфли и надень тапочки!», мать начинала возмущаться: «Ну, сколько можно повторять, что дома не ходят в уличной обуви?!» Она видела в проступке ребенка агрессивный акт, направленный лично против нее, что обижало, раздражало и даже злило мать. Тогда Сента начинала жалобно плакать: «Я никогда не могу тебе угодить!». Когда матери с помощью

психоаналитика удалось понять, что ее требования к дочери завышены, она стала давать той «больше воздуха» и позволять быть ребенком.

164

Создается впечатление, что матери, в одиночку воспитывающие детей, вообще склонны «педагогизировать» свои отношения с детьми. Здесь большую роль играют школа, мнение других, далеко идущее осуждение проявлений агрессивности и то значение, которое придается «образумливающим» беседам и «благоразумным» соглашениям. А между тем эти матери все свои интересы концентрируют на ребенке, и ребенок, таким образом, приобретает больше прав, чем ему полагается по возрасту и по его положению (ребенка) в семье, что часто приводит к тяжелым последствиям. «Величественные» ожидания и «благие» педагогические воззрения матери в большой степени лишают ребенка всего того, что ему так необходимо, а именно: права время от времени быть эгоистичным, а порой и злым, оказывать сопротивление, не боясь больно ранить мать или причинить непоправимый ущерб их отношениям. Педагогические представления о ребенке таких матерей, как мать Сенты, имеют нечто общее с представлением о гуманистемиротворце или о толстовском идеале непротivления злу насилия. И они ожидают от ребенка, чтобы тот уже сейчас соответствовал этому образцу, забывая о том, что он всего лишь ребенок. Однако принуждение не имеет ничего общего с настоящим воспитанием. Открытое, способное к любви существо воспитывается, прежде всего, на основе добрых отношений, удовлетворенных потребностей в любви и усвоенной науки самоутверждения, а также на основе процессов идентификации с объектами, то есть с родителями, подающими в этом отношении добрый пример. И родители должны воспринимать чувства и запросы ребенка с уважением, уделять им должное внимание, независимо от того, возможно ли удовлетворение этих запросов.

Конечно, и в нормальных семьях тоже встречается такое «педагогизирование», но у многих женщин развод часто ведет к отказу от «взрослого модуса отношений», и им временно не остается ничего, кроме роли матери, в которой она видит единственный шанс своего дальнейшего самоутверждения. Еще одна причина заключается в известном нам чувстве вины по поводу того, что разводом, может быть, нанесен ребенку непоправимый вред. Кроме того, «педагогическая» концентра-

165

ция на ребенке бессознательно отвлекает мать от чувства поражения.

Огромную роль играет также и социальное давление, оказываемое обществом на разведенных матерей. Они вынуждены доказывать окружающим, себе и прежде всего бывшему мужу, что развод не повредил ребенку и что «я могу и сама». Школьные проблемы или нарушения поведения, которые встречаются и в «хороших» семьях, для разведенной матери таят в себе опасность скрытой дискриминации и не только со стороны окружающих, но и со своей собственной.

Требования к ребенку, чрезвычайно возрастающие в результате «педагогизированного» отношения к нему, имеют ярко выраженный агрессивный налет, и агрессивность эта происходит из самой обычной (нормальной!) амбивалентности родительского отношения к детям. Бывает, мать сознательно или бессознательно приписывает ребенку вину за крушение брака. Или она переносит на ребенка чувства, направленные, собственно, на его отца. Такое случается довольно часто, когда ребенок, особенно если это мальчик, постоянно чем-нибудь — внешностью, поведением или своей любовью к отцу — напоминает матери бывшего супруга. Сходство может усиливаться и тем, что сын идентифицирует себя с отцом, но ведь и действительно, он своим существом является как бы частью отца. С этим обстоятельством следует смириться и ни в коем случае не причинять ему невыносимой боли попреками за его сходство с «папашей».

Педагогические представления многих матерей связаны с жесткой непримиримостью ко всякого рода проявлениям агрессивности, которая напоминает им, может быть, об агрессивности, некогда пережитой со стороны бывшего супруга. Но отсюда может также проистекать осуждение конкуренции, энергичности, честолюбия и т. д. Однако в определенных обстоятельствах и на определенных стадиях развития эти черты вполне нормальны и даже необходимы. Особенно они важны для мальчиков в той ситуации, когда те и без того лишены постоянного мужского примера и им не на ком развивать свою мужскую идентификацию. В подобных случаях сопротивление или самоутверждение может навсегда оказаться связан-

166

ным со страхом потерять привязанность любимых людей. Но может случиться и такое, что мальчик, став взрослым, будет следовать грубому идеалу «мужественности», в котором ему было

отказано в детстве. Девочкам в этом отношении несколько легче: во-первых, отсутствие агрессивности соответствует социально приемлемому женскому облику, и, во-вторых, они могут удовлетворять свою потребность в самоутверждении из других источников — из красоты, шарма, и, наконец, идентификация с «могущественной матерью» придает им часть так называемой бесконфликтной силы.

Однако человеческая психика — устройство довольно сложное. Нередко за сознательной враждебностью по отношению к агрессивным проявлениям прячется тайное желание чувствовать себя пострадавшей теперь от ребенка, как некогда она страдала от его отца. Это — обычная сублимная форма, в которой некоторые одинокие матери бессознательно выражают стремление в ребенке найти замену партнера. Они зачастую практически провоцируют детей вести себя агрессивно, т. е. именно так, как, согласно сознательным установкам, они вести себя не должны. Это «приглашение к агрессивности» носит, с одной стороны, мазохистский характер, а с другой — характер бессознательного самооправдания: «Раз ребенок ведет себя по отношению ко мне так отвратительно, то и у меня нет необходимости чувствовать себя виноватой!». Такая раздвоенность приводит детей к тяжелым внутренним конфликтам и усилению предрасположенности к развитию неврозов.

Наконец, после развода в матери оживают симбиотические фантазии, знакомые нам из ее отношении с младенцем: ребенок снова «принадлежит» только ей одной, он снова становится как бы частью ее самой и она стремится формировать его соответственно своему идеалу «Я», т. е. «удвоить» себя в ребенке.

Ясно, что такое «педагогизирование» — огромная нагрузка для всех участников, бессознательно ведущая именно к тем последствиям, которых сознательно хотелось бы избежать. Сказанное выше в гораздо меньшей мере относится к разведенным отцам и прежде всего потому, что мужчинам в нашем обществе намного легче, чем женщинам, удается справляться с проявлениями детской агрессивности.

«РЕБЕНОК ПРИНАДЛЕЖИТ МНЕ!»

Мы уже говорили о том, что развод порождает чувство вины, страх потерять любовь ребенка, агрессивное раздражение в адрес бывшего супруга. Для большинства отцов прибавляется и еще одна проблема: развод переживается ими не просто как разлука, а в большой степени и как окончательная потеря ребенка, причем независимо от интенсивности их дальнейших отношений. Как часто в разговорном языке звучит довольно точное: «Кто получит ребенка?». Или: «Хочешь развестись — пожалуйста, но ребенок принадлежит мне!». Потеря ребенка болезненна уже сама по себе, но она означает также и потерю отцовских прав, что является поражением, ударом по самолюбию, тяжелой обидой, пожирающей «мужественную» сторону личности отца. И, как ни странно, возможность продолжения отношений не только не закрывает раны, она ее только бережит. Более того, продолжение отношений с ребенком означает продолжение отношений с матерью, а это значит — самому поддерживать дальнейшую мучительную ситуацию унижения. Если отец из соображений благополучия ребенка отказывается от вмешательства суда в вопросе регулирования вопроса посещений, то получается так, что мать как бы «одалживает» ему ребенка, да и то при условии, если он готов выполнять все ее указания. Отец тем временем начинает все меньше походить на отца, несущего ответственность за воспитание, а скорее становится похожим на старшего брата, которому время от времени доверяют присмотреть за младшими детьми.

Но и ребенок расплачивается утратой сильного и защищающего отца, примера для подражания. «Когда я забираю Гудрун, мы с моей бывшей женой почти всегда ссоримся. И каждый раз, собственно, из-за мелочей». Мать отдает подробные указания, что дочка должна надеть, что взять с собой. Девочка смотрит на отца взглядом, взывающим о помощи. Но боже упаси вмешаться! В ответ можно ожидать только новых запретов. «В такие мо-

168

менты мне хочется просто сквозь землю провалиться, так стыдно мне перед дочерью!» Другой отец рассказывал о своем бессилии хоть как-то помочь своей десятилетней дочке, которая жаловалась, что мать предпочитает ей младшего брата. «Что мне делать? Я беспомощен. Ну, что я за отец! В такие моменты я ненавижу себя и мою бывшую жену». Когда ребенок упрекает отца в том, что он уделяет ему слишком мало времени, тому не остается ничего больше, как принять «вину» на себя или открыто признаться в своем бессилии быть хорошим отцом.

Все эти обиды порождают ярость и ведут к протесту, напоминающему протест подростков против давления родителей. Некоторые мужчины «разрубают узел» одним ударом, словно у них никогда не было семьи, которая что-то для них значила. Они заводят новые отношения и наслаждаются

«новой свободой», некоторые даже меняют место жительства. И это продолжается порой месяцы, а порой и годы, а тогда уже поздно возвращаться к роли хорошего отца. Другие начинают ожесточенную борьбу с бывшей супругой, превратившейся теперь в «могущественную мать»: как только отцу с детьми удастся исчезнуть из поля зрения матери, он тут же забывает абсолютно все требования, вплоть до объективно весьма важных. Создается впечатление, что взрослый мужчина просто наслаждается своей безответственностью: он перестает давать ребенку лекарство, разрешает до полуночи смотреть телевизор и даже фильмы ужасов или накануне контрольной работы ребенок остается допоздна с отцом в ресторане. Короче, эти отцы и сами вживаются в роль старших братьев, но только очень непослушных. И подобно подросткам все требования матери воспринимают как возмутительные репрессии, не сомневаясь в справедливости лишь собственной позиции. Некоторые из этих отцов начинают искать союзников — в собственных родителях, в друзьях, в адвокатах, и дело нередко заканчивается попыткой забрать у матери детей через суд. Конечно же руководит ими вовсе не забота о благополучии детей, таким образом они хотят лишь восстановить свое собственное хорошее самочувствие.

Третья категория отцов в ответ на унижительное лишение ответственности пытается и дальше выступать в роли главы семейства. Реальная власть матери для них настолько невы-

169

носима, что они не находят ничего лучшего, как ее отрицать. Эти отцы любят показываться в детском саду или в школе, они могут подвергнуть ребенка обследованию своим врачом, дают детям распоряжения, которые те все равно без согласия матери выполнить не могут, самостоятельно записывают их в кружки или спортивные секции и т. д. Мать для них как бы не существует вовсе. Но поскольку реальной властью обладает все же она, иллюзии таких отцов недолго остаются жизнеспособными и вопрос об опеке снова попадает в суд.

Еще одну разновидность отцов, страдающих от обиды, Фигдор назвал «бедными отцами». Эти, наоборот, отказываются от всякого рода сознательной борьбы, объявляют беспомощными себя и ищут поддержки и сочувствия у собственных детей. Статус «невинной жертвы» возвращает им какую-то долю самоуважения и, кроме того, открывает необыкновенно привлекательную возможность по-своему мстить матери, не испытывая при этом угрызений совести: ведь традиционно все симпатии на стороне «жертвы». Им, конечно, невдомек, что в этой роли содержится, по сути, огромный агрессивный потенциал. Вред, который они причиняют своим детям, невозможно преувеличить. Так маленькая Ютта, едва ей удавалось провести радостные минуты в парке или дома за игрой с матерью, как она тут же начинала горестно вздыхать: «Бедный папа, он сейчас там один...» Девочка постоянно переживала, как папа себя чувствует, не голоден ли он и т. д., что приводило мать в состояние злой растерянности. Ютта считала, что это она обязана заботиться об отце и его благополучие лежит на ее совести. При этом девочка испытывала отчаяние из-за своего бессилия что-то изменить. Девочку пожирало чувство вины, она постоянно думала о том, что вот ей сейчас хорошо здесь, с мамой, а папа там, бедный, один и некому о нем позаботиться... Она то ненавидела себя, то обращала всю свою агрессивность против матери, которую считала повинной в страданиях отца. Отношения с матерью портились, что, в свою очередь, освобождало Ютту от необходимости чувствовать себя виноватой по отношению к ней. Девочка все больше занимала сторону отца. Через два года после развода, когда Ютте исполнилось девять лет, она

170

заявила, что хочет жить у отца. Однажды она не вернулась от него домой, и тот на основе свидетельских показаний ребенка добился частного определения суда: девочка до пересмотра дела могла оставаться у него. Катастрофическое воздействие такого оборота событий на развитие ребенка очевидно. Ютте ничего не оставалось, как подорвать в себе всякое доброе представление о матери. Что же до таких отцов, то они несут по жизни свое «манифестное страдание» и порабащают своих детей. Они не дают детям возможности перейти, наконец, к «послеразводной повседневности», в которой были бы созданы условия для более или менее благополучного их развития. В облике «бедного папы» полное боли событие развода не уходит в прошлое, оно навсегда остается психической реальностью.

Следует, конечно, иметь в виду, что описанное разделение на эти четыре категории довольно условно, в жизни все выражается много сложнее и лишь немногих отцов можно классифицировать по этим четырем категориям в «чистом виде». Чаще различные стратегии смешиваются между собой или поочередно сменяют друг друга. Например, один отец на протяжении многих месяцев после развода боролся с матерью за власть, потом исчез на два года и появился вновь: теперь уже

в качестве «заботливого папочки», а в конце концов превратился в отвергнутого одиночку.

То, что ребенок живет с матерью, для матери, конечно, означает реальную власть. И с этим следует считаться. Но известно, что при неравномерном распределении власти всегда можно ожидать, что она будет использована там, где есть необходимость защищаться. Стремление к власти отца создает опасность для матери, и это удерживает ее в состоянии постоянной тревоги. Мы уже говорили о бессознательных чувствах вины и страха, заставляющих мать осложнять контакты ребенка с отцом, а ЗТОjВ свою очередь усиливает чувство приниженности и страха у отца. Очевидно, что «в отношениях разведенных родителей бродит такой большой конфликтный потенциал, что достаточно ему всплыть в одном месте, как вся комплексная система чувства вины, обвинений, страхов, унижения и боли уже самостоятельно приходит в движение».

171

К счастью, бывает и по-другому. Если мать информирует отца о шагах развития ребенка и важных событиях в его жизни, у того рождается чувство, что и он участвует в этих событиях, он испытывает радость и гордость, что, в свою очередь, пробуждает в нем ответную готовность к активному участию в жизни ребенка. Совместное обсуждение родителями школьных дел и вопросов свободного времени играет огромную роль и для ребенка: в его глазах оба родителя становятся носителями этих важных решений. Конечно, это осложняет использование одного из них в своих конфликтах с другим, но зато и освобождает от мучительного конфликта лояльности и связанных с ним страхов, вселяя чувство уверенности. Отцы так тяжело переносят финансовые обязанности, большей частью потому, что не получают ни благодарности, ни признания («он обязан!»). Тогда алименты превращаются для отца в своего рода вид «расплаты за совершенную ошибку», и он уже не способен рассматривать их как «инвестицию» в будущее своего ребенка. Но и здесь при наличии доброй воли можно многое изменить, если дать ребенку понять, что папа принимает в нем участие также и с материальной стороны. Часто маленького слова благодарности бывает достаточно для большого улучшения отношений. Ребенок должен видеть и ценить участие отца! Тогда и отец не будет чувствовать себя использованным и смягчится настолько, что в очередном разговоре с матерью может даже поинтересоваться, не помочь ли чем-нибудь и ей. А это, в свою очередь, уже приятно самочувствию матери.

Признание со стороны отца ее материнской роли в большой степени снимает страх перед потерей любви ребенка и разрывает порочный круг взаимных обид и опасений. Интересно, что нередко такое случается уже благодаря изменению поведения лишь одного из родителей. Но для этого, как уже говорилось, он должен суметь преодолеть в себе психические переживания, которые принес с собою развод. Стоит лишь одному изменить свою позицию, как второй меняет ее казалось бы автоматически, и взаимные страхи расслабляются.

ВМЕСТО РАДОСТИ — РАЗОЧАРОВАНИЕ И СТРЕСС

«Каждый раз, когда мне предстоит позвонить моей бывшей жене, чтобы договориться о посещении, у меня начинается неприятное давление в желудке. Сейчас опять начнутся проблемы!» — рассказывает господин М. Уже три раза подряд мать нарушала договоренность: то у Руди был насморк, то должны были приехать дедушка с бабушкой и они непременно хотели видеть внука, то... О третьей причине господин М. никак не мог вспомнить. Фигдор спросил своего посетителя, тот, вероятно, принимает отказы жены за простые отговорки? Так оно и есть! «Конечно, это только ухищрения, Ева хочет мне этим сказать, что я — нежелательная помеха в их жизни и ей необходимо от меня избавиться». Фигдор поинтересовался, говорил ли господин М. об этом со своей бывшей женой? «Нет. А зачем?» Итак, вместо того, чтобы, как минимум, поговорить с матерью — а ведь это, очевидно, большая проблема и для нее тоже, — отец инфантильно переживает отказы жены как произвольные отговорки. Его «нет» заставило психоаналитика задуматься. Конечно, рано было делать какие-либо выводы, но первый шаг на пути открытия собственной причастности со стороны отца, казалось, был уже сделан. «Особенно плохо чувствую я себя, — продолжал он, — когда трубку снимает Руди. Сейчас он спросит, когда я его заберу, а я не осмеливаюсь ответить что-либо определенное, пока Ева не даст мне своего соизволения. Сын еще только произносит «алло», а мне уже кажется, что я ему совсем не нужен». Особенно мучительны для отца минуты, когда он забирает мальчика. Родители не смотрят друг на друга, мать собирает ребенка, который в этот момент раздражен и его поведение непредсказуемо, а отец безучастно стоит в стороне — «как шофер, который ждет пассажира». В эти моменты перед его внутренним взором проплывают картины некогда счастливого брака: «Ведь это наша

173

квартира, и мы были здесь счастливы. Мы вместе любили нашего мальчика. Я тоже хотел развода,

но до сих пор не могу понять, как это мы могли так бездумно сломать все, что было нам дорого!». Господин М. признался: он все еще, несмотря на развод, находит свою бывшую жену привлекательной и его влечет к ней, поэтому он чувствует себя ужасно униженным ее холодностью, а ведь вот уже больше двух месяцев, как у него есть новая подруга. Думал ли он о том, что его бывшая жена, может быть, испытывает подобные же чувства и ее холодность — не что иное, как защита? Нет, об этом он не думал. А знает ли его жена о его чувствах? Господин М. отрицательно качает головой: «Я стараюсь не показывать этого. И ни в коем случае не показывать раздражения! Этой любезности я ей не сделаю!». А догадывается ли этот мужчина, как такая «непричастность» ранит его бывшую жену? Тем более, что в то время, как у него уже есть новые отношения, она все еще одинока. Каждый из них стремился побороть свою обиду путем нанесения обиды другому. Было видно, что отец не переработал в себе свои личные проблемы разрыва и говорить с ним об этом было еще рано. «Наконец подходит самое ужасное. Я называю это — «Тревога!». Мне дают указания, на что мне обратить внимание, что делать, о чем думать... Я выслушиваю молча. Что мне сказать? Мне бы закричать, что я не маленький, а я молчу и мне безумно стыдно перед сыном». Отец удручен. «Наконец, мы одни! Надо бы радоваться...»

Но тут начинаются другие трудности, очень характерные для отношений разведенных отцов со своими детьми. Выходные дни вместо радости превращаются в какое-то задание. «Чем могу я выразить свою любовь к ребенку? Как завоевать его ответную любовь?». Отец опасался, что сын может упрекнуть его разводом, боялся заговаривать с ним об этом. Тем временем он стремился доставить мальчику как можно больше удовольствий, составлял различные программы развлечений, превращаясь в своего рода «массовика-затейника», и при этом ужасно боялся провала. В один из погожих дней они решили покататься на автодроме, но он оказался закрыт. «У меня было ужасное чувство, словно я злонамеренно не выполнил своего обещания». Отец боялся, что ребенок в один прекрасный мо-

174

мент скажет ему: «Папа, ну что ты можешь мне предложить?! Лучше я не буду больше к тебе приезжать!». Каждое разочарование ребенка, его скука или плохое настроение таили для отца страшную угрозу. В противовес к «педагогизированию» у матерей разведенные отцы переживают инфантилизацию не только по отношению к бывшей жене, но часто и по отношению к детям: они чувствуют себя так, словно сдают экзамен на «хорошего отца». Отец Руди не мог себе представить, что он нужен и важен своему сыну просто как отец, а не как организатор каких-то там развлечений.

Собственно, после развода отношения отца и ребенка попадают в совсем иные условия, теперь они вынуждены общаться друг с другом исключительно вдвоем, а для отцов, в отличие от матерей, двойственные отношения с ребенком это нечто совершенно новое. Кроме того, отцам не хватает «социальной компетентности», чтобы компенсировать отсутствие матери. Многие отцы никогда не учились подолгу играть с детьми, они недостаточно понимают мир ребенка и им трудно без соединяющей роли матери. Чаще всего им приходилось быть один на один с ребенком только тогда, когда предполагалось что-то предпринять. К этому образцу отношений совершенно автоматически обратился и господин М. Страх отцов перед этими двойственными отношениями часто ведет к тому, что они начинают искать «третий объект» — едут с ребенком к своим родителям, приглашают гостей, отсылают ребенка к соседям или восстанавливают тройственные отношения с новой подругой. Но они не понимают, что для того, чтобы компенсировать ребенку разлуку, «периферического» их присутствия в эти дни недостаточно. Они недооценивают важность своей персоны для ребенка. «Я просто не знаю, как играют с этим детским конструктором!» — растерянно признался господин М. и почувствовал большое облегчение, когда ему объяснили, что сыну уже вполне достаточно, если он предлагает себя в качестве товарища по игре, таким положением дети вполне удовлетворяются и получают необходимый импульс для фантазирования.

Но тут обнаружилась еще одна сложность: такого рода игра не приносила отцу удовольствия, в ней для него было слишком мало событийности. Время, проведенное с сыном, стано-

175

вилось для него еще и педагогическим долгом. Задачей психоаналитика было научить отца такому построению отношений с сыном, чтобы это и ему приносило радость.

Воскресное утро было для обоих самым лучшим временем. Они завтракали в постели, говорили о футболе, иногда устраивали бои подушками. Но после обеда все менялось: Руди начинал ныть и скучать, ему ничего не нравилось, он раздражался и нередко ссорился с отцом. Видно было, что

предстоящая разлука трудна для мальчика, ведь всегда легче покинуть любимого человека, когда ты на него зол. Отец чувствовал, что напряжение связано с расставанием, но избегал говорить об этом. Возвращение к матери происходило обычно в подавленном настроении. «Мы прощаемся с Руди, и, когда я еду обратно в лифте, мне хочется выть. Каждое прощание — это как новый развод!» Потом господин М. говорит задумчиво: «Когда Ева отказала мне в очередной раз, я накричал на нее по телефону. Но, к своему ужасу, ощутил облегчение, благодаря ее отказу». И после короткой паузы: «Я думаю, почему все-таки я тогда выбрал именно ее...».

Через два месяца после начала консультаций у психоаналитика не только отношения господина М. с сыном стали более радостными, но и значительно разрядились и его отношения с бывшей женой. Спустя полгода, приехав за Руди, он пригласил Еву на чашку кофе, а через два дня та сама ему позвонила и попросила взять к себе ребенка во внеочередной раз, поскольку ее пригласила подруга. Судя по всему, мать, благодаря расслаблению напряжения в отношениях с отцом, смогла, наконец, безбоязненно воспользоваться его продолжающимся отцовством и в своих интересах. И все это в результате казалось бы совсем незначительного изменения в поведении отца.

«ОТЕЦ БОЛЬШЕ ГЛАЗ НЕ КАЖЕТ!»

Господин М. никак не мог вспомнить причину последнего отказа матери. Да она и не столь важна, потому что он сам бессознательно уже желал этого отказа. При помощи психоаналитика он сумел все же увидеть, что трудности его отношений с сыном проистекали не только от матери, но и от него самого. Он переживал тогда критический период своего «пос-леразводного отцовства» и все еще сильно переживал из-за потери семьи. Судя по всему, новые отношения лишь поверхностно отвлекли его от переживаний, и он видел, что те формы, которые принимало его отцовство, и в дальнейшем будут лишь усиливать его боль, добавляя к ней новые унижения и чувство собственной неполноценности. Чем труднее выход из такого кризисного состояния, тем больше вероятность, что отец — постепенно или внезапно — просто исчезнет из жизни ребенка. Чаще всего происходит это бессознательно, а ответственность взваливается на различные обстоятельства. Это могут быть, например, перемены по службе, новая должность, требующая больших затрат времени, командировок, изменения места жительства и т. д. Напряженные отношения с матерью тоже часто становятся «объективным» поводом отхода от детей.

Один отец рассказывал Фигдору, что после двух отказов матери он вообще перестал звонить ей: «А зачем? У нее уже наверняка готова новая отговорка». Другой отец перестал встречаться со своей дочерью из-за того, что они с бывшей женой постоянно ссорились и он «благородно» хотел «избавить ребенка от этих безобразных сцен». Другие выражаются и того проще: «Раз она не дает мне возможности быть отцом так, как это понимаю я, пусть тогда сама...» или что-то в этом роде. В результате получается, что мать и отец, при всех видимых разногласиях, тянут за один конец одного и того же каната: отец сознательно желает видеть ребенка, но жалуется, что мать препятствует встречам, в чем читается бессознательное

12 — 3435

177

желание положить конец этой ситуации; а мать, в свою очередь, соглашается с необходимостью продолжения встреч ребенка с отцом, но жалуется на эгоизм и безответственность последнего, где все же явно проглядывает бессознательное желание исключить отца из их жизни. Словом, эти пожелания матери и готовность отца к отступлению работают заодно, образуя мощную «бессознательную коалицию», против которой сознательные стремления оказываются беспомощными. Поэтому очень важно постараться прочитать в себе свои бессознательные желания и тогда их можно будет взять под контроль. К сожалению, таятся они так глубоко и так ловко прячутся за разнообразными и порой, казалось бы, совсем безобидными или вполне рациональными формами «педагогических теорий», что часто без профессиональной помощи просто не обойтись. Но и все же многого можно достигнуть, если дать себе возможность подумать и мужественно посмотреть в глаза своим чувствам, не боясь их и не считая «постыдными» (ведь мы уже говорили, нельзя отождествлять чувства и поступки; чувства, в отличие от поступков, каковы бы они ни были — всегда легитимны!). Это важно как для благополучия ребенка, так и для достижения собственного душевного равновесия, в котором ваш ребенок нуждается больше всего.

«РАЗВЕДЕННЫЙ» РЕБЕНОК

Трудно представить, чтобы какая-нибудь мать сказала: «Моя дочь очень страдает из-за развода и ей особенно плохо, когда она возвращается от отца, потому что она знает, что не увидит его теперь долгие две недели. Я понимаю, ей было бы легче, если бы она могла почаще с ним видиться, но вся проблема в том, что я не выношу даже, когда она просто говорит с ним по телефону, не говоря уже о встречах. Порой на меня нападает просто бессильная ярость, такой

униженной и использованной я себя чувствую». Точно так же едва ли какой отец скажет: «Каждый раз, когда сынишка при прощании виснет на мне, я вижу, как тяжела для него разлука. Я знаю, что ему хотелось бы, чтобы мы снова были вместе». Гораздо чаще мать приходит к выводу, что «посещения вредят здоровью ребенка», а если отец говорит, что дочка тоскует по нем, мать сразу же начинает злиться: «Что, значит, ты считаешь, ей плохо со мной?». Фигдор считает, что трудность распознавания разницы между потребностями ребенка и своими собственными, а также умение преодолеть это противоречие сродни отрицанию родителями боли, которую приносит детям развод. Чувство вины, вызванное разводом, настолько невыносимо, что многим родителям ничего более не остается, как зачеркнуть правомерность запросов ребенка («Я в конце концов тоже имею право на свою собственную жизнь!»), а то и вовсе маскировать собственные интересы под интересы ребенка («Отец плохо влияет на ребенка!»). В результате большинство реакций ребенка на развод рассматривается не как главная проблема, которая должна беспокоить обоих родителей, а наоборот, они нередко используются родителями в личных интересах. Таким образом ребенок, страдающий ночным недержанием мочи, документирует: вот, мол, что «причинил ему отец»! Агрессивные проявления тоже доказывают «дурное влияние отца» или — с позиции отца — «настраивание» его матерью против него, а спокойный и послушный говорит о том, что вот, мол, как «хорошо ему живется со мною одной».

12*

179

ОТНОШЕНИЕ К ОТЦУ ПОСЛЕ РАЗВОДА

В той ситуации, когда родители не в состоянии найти общего языка и единственным способом проявления их любви к ребенку становится ожесточенная борьба за него или за его исключительную любовь к одному из них, сам ребенок терпит крушение и ему грозят губительные последствия. Его внутренний мир и без этого выглядит удручающе, а ведь ему ничего не хочется так сильно, как повернуть события назад, сделать развод недействительным или как-то по-другому побороть разлуку и связанные с нею боль и страх. Однако здесь наблюдается довольно парадоксальное явление. У многих детей наряду с желанием воссоединения наблюдается мощная тенденция к исключению того из родителей, который не живет вместе с ним, т. е. отца. Почему это происходит, попробуем объяснить. Во-первых, мы уже говорили о том страхе, который испытывает ребенок, когда он не может сдержать своих агрессивных порывов по отношению к матери и это делает его все более от нее зависимым. А страх этот можно сильно уменьшить одним способом: если передвинуть агрессивные побуждения на отсутствующую персону, которая кажется теперь жизненно менее важной. Во-вторых, большей частью детские страхи возникают оттого, что ребенок верит, что ему грозит опасность со стороны «злой» матери, каковой она станет, если не будет его больше любить. Тут ничего не поделаешь, дети воспринимают мир именно так. Психологически объясняется это тем, что ребенок, с одной стороны, проецирует, т. е. приписывает свои собственные чувства другим персонам и, с другой — он воспринимает других персон не целиком, а раздельно, т. е. как бы частями, о чем мы уже говорили раньше. По мере взросления и приобретения положительного опыта границы этого разделения размываются и, если развитие ребенка протекает в спокойной, преисполненной любви атмосфере, постепенно он начинает понимать то, что в психоанализе именуется амбивалентностью, т. е. каждый человек обладает как «добрыми», так и «злыми»

180

ми» чертами, и, если родители в настоящий момент что-то запрещают или отказывают в удовлетворении желаний, это вовсе не зачеркивает их добрых качеств, мама и папа все равно продолжают его любить. Но развод нельзя причислить к счастливым условиям развития, поэтому концентрация воображаемой опасности на отсутствующем родителе дает ребенку возможность чувствовать себя увереннее с тем, который сейчас рядом.

Но это не все. Мир чувств ребенка так сложен и противоречив, что разобраться в нем вообще непросто, а в это тяжелое послеразводное время он еще более напряжен и конфликтен. Чувство вины, вызванное разводом, оживляет у мальчиков «эдиповы» страхи расплаты перед отцом (об эдиповом комплексе развития мы уже говорили). Страхи, испытываемые девочками по отношению к отцу, можно сравнить со страхами перед мстостью «обманутого любовника». Часто дети начинают ненавидеть мать за то, что она не сумела удержать отца, а то и вовсе «выгнала его из дому». Но, с другой стороны, ведь это отец покинул, бросил семью или позволил, чтобы его «выгнали», а раз так, то значит и его любовь ко мне не была достаточно сильна. А это уже огромная обида. Смягчить ее можно лишь одним способом — уговорить себя, что и я люблю его

не очень и вполне могу прожить и без него, что он, собственно, плохой человек и надо быть довольным, что он больше не живет с нами.

Другие дети сохраняют обиду порой до конца жизни, они так и не в состоянии простить отца, и они тоже являются как бы «покинутыми любовниками». А бывает, ребенок полностью занимает позицию матери и — вместе с нею — отказывается от отца. Мы уже знаем, что такой поворот событий нередко приводит девочек к пренебрежению вообще мужским полом, а мальчиков — к нарушениям в половой ориентации.

Часто дети колеблются между горячей любовью и ненавистью. Все эти противоречивые течения направлены против любви отца, против важности его роли, призванной защищать ребенка от чрезмерной власти матери. Но такие «примиренные» — за счет сознательного отказа от отца — отношения с матерью еще больше усиливают ее власть, и ребенок чувствует себя совсем слабым, маленьким и незащищенным. От этого внут-

181

ренняя потребность в отце, которая является лишь обратной стороной отказа, возрастает еще больше.

Шестилетний Ники всячески показывал матери, что он «хочет во всем быть, как папа». Он постоянно говорил об отце, свои рисунки, сделанные в детском саду, каждый раз собирался подарить отцу, а когда говорил с ним по телефону, то и дело спрашивал, когда тот, наконец, придет. Но когда отец появлялся, мальчик прятался от него за диваном, кричал, цеплялся за мать и не позволял себя увести. И это были не просто проблемы разлуки и перехода от одного родителя к другому, которые мы видели на примере маленького Франца, это было нечто гораздо большее, а именно: огромные страх и ярость, направленные на отца, которые выходили наружу как раз тогда, когда столь горячо желанные отношения с ним «грозили» стать серьезными. На расстоянии мальчик был способен сохранять так называемое «тройственное равновесие», но страх перед отцом соединялся в нем со страхом потерять мать. На расстоянии он мог фантазировать себе отца как полноценную персону, способную его защитить, а идентификация с отцом придавала силы для ощущения независимости от матери. Но, судя по всему, идентификация эта была недостаточно твердой, поэтому Ники не мог найти в себе силы поддерживать реальные отношения с отцом.

Итак, мы видим, как связаны между собой противоречивые конфликты, булвующие душу ребенка. Конечно, не у всех детей проявляются они так явно, чаще они скрыты от стороннего взгляда, но это не делает их менее опасными. Скорее, наоборот. Ведь мы уже знаем, что тот, кто «просит» о помощи, имеет больше шансов ее получить.

Со временем ребенок все же приходит к некоторому видимому равновесию, но достигается оно ценой больших потерь со стороны психического здоровья. Расплатой могут стать невротические образования и симптомы, потеря части познавательных и интеллектуальных способностей, укрепившиеся черты характера, такие, как повышенная раздражительность, вспыльчивость или, наоборот, подавленность, склонность к депрессиям, что нередко приводит к тяжелым психическим расстройствам и полной потере душевного равновесия.

182

Возьмем, к примеру, подчиненность, как черту характера. Она проявляется тогда, когда чувство ненависти, появившееся, например, в результате соперничества или отвергнутой любви, направляется против собственной персоны («ах, я ничего не стою...» и т. п.). Или это превращается в чрезмерное восхищение и переоценку любимого объекта («Разве можно сравнить меня с ним...»). У каждого человека имеется в распоряжении, в общем, довольно ограниченное количество примеров, связанных между собою и усвоенных с детства, на основе которых строит он свои отношения с окружающим миром. Немалую роль играет также проекция, т. е. «приписывание» другим своих собственных чувств. Чаще всего эти образцы отношений выполняют защитную функцию. Таким образом подчиненность защищает от агрессивности — как от своей собственной, так и со стороны других персон.

Иногда обрыв отношений с отцом представляется ребенку единственным доступным способом преодоления страха. Развитие этого невротического симптома упрощенно можно обрисовать так: ребенок, конечно, любит своего отца, но он страшно зол на него за то, что тот его покинул. Если он встречается с ним время от времени, это частично смягчает ярость и он не хочет эти чудесные часы, проведенные с отцом, омрачать упреками: на время он забывает о своей обиде. Но в промежутках между встречами такое забвение становится все более невозможным — от отсутствующего отца ребенок не получает ничего, что могло бы смягчить его гнев и разочарование. Сюда добавляются проблемы с мамой: она так часто раздражена, а вдруг она тоже

его покинет?! К тому же у нее никогда нет для него времени, она не воспринимает его всерьез и т. д. Но он бессилен что-либо изменить, и это вызывает гнев и по отношению к матери. От этого гнев на отца растет еще сильнее, ведь тот бросил его одного в такой трудной ситуации, он не хочет ему помочь, не хочет подсказать выход. Чем глубже ребенок погружается в «послеразводный кризис», тем более невнимательными, не любящими, непонимающими становятся в его глазах и мать, и отец. И тем труднее ему становится сохранять хорошее настроение, когда он видится с отцом. Но

183

он все еще страшно боится потерять его навсегда, что заставляет его еще какое-то время приспособливаться. Но зато ему все труднее владеть собой, когда он остается один с матерью. Итак, положение его становится все более невыносимым. Кажется, добрые родители потеряны навсегда, а это означает — навсегда остаться одному в мире, переполненном исключительно «злыми» существами. Однако каждый ребенок (и только ли ребенок?) нуждается хотя бы в одном человеке, которому он мог бы доверять! Но разве возможно найти себе новых родителей? Итак, речь может идти только о тех, которые есть: о своих маме или папе. Но тут существуют две, сменяющие друг друга версии: мама считает плохим исключительно папу, а папа — только маму. Если ребенку удастся подключиться к одной из этих версий, то этим можно будет достигнуть много: один из родителей будет полностью освобожден от вины и ему можно будет снова доверять, а значит, и хорошие отношения с ним не станут больше подвергаться опасности со стороны собственного гнева, который теперь можно направить против второго — «виновного». На «виновного» можно будет взвалить также и свое собственное мучительное чувство вины. И чем «злее» тот кажется, тем меньше причин сожалеть о самом разводе. И ребенок видит, как хорошо действуют такие измененные «взгляды» на того родителя, которому отдано предпочтение, что, в свою очередь, оживляет «симбиотические иллюзии» младенческого возраста.

Но кому из двоих предстоит оказаться «высоким избранником»? Конечно же это мать! Во-первых, потому что она — особенно в глазах маленького ребенка, — если и не желаннейший, то, безусловно, необходимейший человек в его жизни. И, во-вторых, это было бы просто страшно жить с тем, от кого ты отказался. Получается, что отец приносится в жертву обретению нового психического равновесия. Вероятность именно такого хода события тем больше, чем интенсивнее были отношения ребенка с матерью уже до развода, чем сильнее ребенок переживает развод, чем реже он встречается с отцом в это тяжелое время, чем больше разочарования оставляют эти встречи; и конечно же чем активнее отрицают родители общую

184

вину, взваливая ее друг на друга, и чем больше демонстрируют они свою ненависть.

Но если отец уже приобрел для ребенка повышенное психическое значение, тот не сможет так легко от него отказаться, а станет отчаянно бороться за сохранение с ним отношений. Точно так же, если послеразводные страхи не переходят определенных границ, то нет и необходимости в развитии этих мер защиты. Если ребенок часто видит отца и тот принимает активное участие в его жизни, то его гнев и разочарование значительно смягчаются и отец остается для него привлекательной персоной. А если это так, то и отношения с матерью в большой степени освобождаются от конфликтов. И, наконец, если родители вместе отвечают за причиненную ребенку боль, то у того отпадает необходимость для достижения хоть какого-то душевного равновесия искать «козла отпущения», вместо этого приходят прощение и новое доверие.

Отказ от отца встречается чаще, чем это можно предположить, и проявляется он не обязательно в откровенном нежелании видеть отца. Вот уже пять лет, как родители двенадцатилетнего Антона в разводе. Мальчик регулярно навещает отца и с виду у них все благополучно. Но, к сожалению, только с виду. По сути, отец для Антона давно «умер». Вначале мальчик стал видаться с ним только потому, что мать, опасаясь ссор и финансовых осложнений с бывшим супругом, просила его об этом. Постепенно он выстроил себе у отца свой обособленный мир, у него были поблизости друзья, отец был состоятельным человеком и Антону была предоставлена своя комната с компьютером и видеоустановкой, неподалеку были озеро и лес, где можно было плавать и кататься на велосипеде. Но настоящего контакта с отцом не было, Антон лишь использовал его благосостояние и тот был для него чем-то вроде доброго дядюшки или хорошего знакомого. С тех самых первых месяцев развода он больше не воспринимал его как отца. Получилось так, что вначале мать активно препятствовала их контактам, боясь, что бывший супруг «купит» любовь ребенка и сын перестанет ее любить. Но когда она • заключила с мужем соглашение, то научила сына лишь использовать материальные блага и мальчик действительно

воспринимал отца без благодарности, рассматривая все, что тот для него делал, как «долг и обязанность». Отец отвечал разочарованием и неуверенностью и сам стал пассивно заменять свою персону подарками и поблажками, вместо того, чтобы активно добиваться нового сближения и эмоциональных отношений со своим ребенком.

Конечно, Антон развил свой характер не без влияния родителей, но из этого примера все же видно, что в послераз-водных отношениях и сами дети играют достаточно активную роль. Они не просто реагируют, а, в свою очередь, собственным поведением влияют на поведение родителей. Бывает, что ребенок так неохотно встречается с отцом и выражает так мало радости, что в отце растут неуверенность и разочарование, и тот не испытывает желания углублять отношения. Тогда отец отступает или удовлетворяется неодушевленной ролью. Здесь снова получается замкнутый круг: ребенок развивает свои стратегии на поведение родителей, но и родители, в свою очередь, реагируют на поведение ребенка. Об этих «бессознательных коалициях» мы уже говорили. Теперь мы видим, как далеко они могут простираться.

«МАМА ЗДЕСЬ, ПАПА ТАМ...»

Психические конфликты между детьми и родителями, а также родительские конфликты между собой чеканят жизнь разведенных семей на протяжении многих лет. Но и независимо от этого развод серьезно изменяет жизнь ребенка уже потому, что ему приходится теперь отдельно переживать отношения с отцом и отношения с матерью. И это с трех сторон: во-первых, оба отношения разделены местом, во-вторых, временем — ребенок проводит основное время с одним родителем и только определенные часы или дни с другим, и, в-третьих, контакт с одним предполагает исключение второго. Теперь ребенку отказано в приобретении такого важного для его дальнейшей жизни опыта общения с обоими родителями одновременно. Для того чтобы дать понять психическое значение этого явления, Фигдор производит сравнение хорошей полной семьи и семьи разведенной, но тем не менее условно исключительно хорошо функционирующей, то есть такой, где дети достаточно много времени проводят с отцом и мать признает за ними право любить своего отца, а также социальная и экономическая ситуация в семье вполне удовлетворительны. Итак:

1) Мы уже говорили, какое огромное значение приобретает «третья персона» в борьбе с душевными конфликтами ребенка. В первые три года эти тройственные отношения рассматриваются как необходимейшее условие для благополучного его развития и успешного завершения процесса индивидуализации. Но и в дальнейшем, да и, пожалуй, на протяжении всей жизни, существование доброго и любящего «третьего объекта» помогает компенсировать безрадостные минуты, выпадающие в отношениях со «вторым»; оно нейтрализует агрессивность и смягчает страхи. Сами подумайте, как это хорошо в трудную минуту ссоры с одним любимым человеком знать, что у тебя есть и еще кто-то, кто тебя любит и любим тобой, кто-то, кто в состоянии тебя утешить.

187

В разведенной семье это становится очень трудным, если вообще возможным, и тем труднее, чем ребенок моложе. Малыш нуждается в присутствии другого родителя здесь и сейчас. Подождать до вечера, это еще куда ни шло: можно надуться, сердиться на маму и представлять себе, как вечером папа встанет на его защиту. Но малыш не может утешать себя таким образом на протяжении целой недели или двух. Поэтому конфликт с матерью приобретает чрезвычайные размеры. Кроме того, обращение ребенка к присутствующему отцу мать признает легче, а порой даже воспринимает как облегчение. Но если мать в разводе, то все становится намного сложнее и если ребенок, поссорившись с ней, кинется вдруг к телефону, чтобы звонить отцу, она может и вовсе впасть ярость, вплоть до заявлений подобного рода: «Ну и убирайся на здоровье к своему папочке! Тебя здесь никто не держит!». Матери, как правило, совершенно не понимают, что они делают, прибегая к подобного рода методам борьбы; более того, если ребенок при этом почувствует себя побежденным, они довольны — их цель достигнута. Попробуйте представить, что происходит в этот момент в детской душе: куда же ему, бедному, «убираться», ведь отец для него уже и без того почти потерян, а тут еще и мама, по сути, говорит ему: «Можешь убраться на все четыре стороны, ты мне совсем не дорог, не воображай, что я стану переживать!». Таким образом ребенок оказывается «загнанным в угол», и он в отчаянии переживает всю безвыходность своего положения. Разве можно, внушая человеку страх, рассчитывать на его любовь? Такая любовь в лучшем случае будет длиться лишь так долго, как долго существует зависимость.

2) «Коалиция» против «предпочитаемого» брата или сестры — это тоже очень важная форма

облегчения конфликтов путем тройственных отношений. Если у ребенка возникает чувство, что мама предпочитает ему брата или сестру, он может пожаловаться отцу и искать у него утешения. Это чрезвычайно важно для чувства собственной полноценности ребенка, особенно в тех случаях, если в семье имеется младший ребенок, требующий повышенного внимания.

Но если дети видят отца раз в две недели, то легко может случиться, что тот станет повторять ситуацию «предпочтения»

188

младшего. Поэтому Фигдор рекомендует отцам так организовывать встречи, чтобы у каждого ребенка была возможность видаться с ним один на один. И очень важно, чтобы дети могли говорить с отцом о своих обидах и проблемах. Но навещаемый отец вряд ли в состоянии по-настоящему смягчить соперничество детей по отношению к матери.

3) Родители помогают друг другу понять ребенка, и это — независимо от их сознательного желания. Каждому известен тот феномен, что взрослому только тогда удастся по-настоящему проникнуться проблемами ребенка, когда он становится свидетелем его разногласий с другим взрослым. И этот феномен играет большую роль в семье, т. к. способствует облегчению отношений. Понимание ребенка одним родителем помогает и другому выиграть дистанцию по отношению к возникшей проблеме и лучше понять, что же на самом деле произошло. Так мать может увидеть, что там, где она усмотрела действие, направленное против нее лично, была просто бездумность, а отец поймет, что ребенок вмешался в разговор взрослых не потому, что «хотел показать себя», а ему действительно необходимо было сообщить что-то важное и т. д. Одним словом, родители как бы помогают друг другу совершать своего рода «педагогическую ревизию». И другая важная сторона: такое проникновение, провоцируемое неизбежными повседневными конфликтами, вообще повышает общую способность к проникновению.

Если второй родитель не живет больше в семье, этот «механизм поправок» полностью выпадает. Ребенок чувствует себя все более бессильным по отношению к матери, но и та не получает необходимого облегчения. Эта функция отца едва ли может быть воспринята другими персонами, во-первых, потому, что они слишком редко присутствуют, во-вторых, они, как правило, не хотят «вмешиваться», и, в-третьих, матери такое вмешательство вообще не по душе, даже если это вмешательство собственных родителей («Не порть мне ребенка!»).

4) В супружестве мужчина и женщина в состоянии удовлетворять большую часть своих «взрослых» потребностей — любовных и коммуникативных, благодаря друг другу. Они вместе разрешают различные проблемы и т. д., что дает им воз-

189

можность в своих отношениях с детьми оставаться преимущественно родителями. А дети, в свою очередь, могут оставаться детьми, на них не возлагается ответственность за благополучие взрослых.

После развода удовлетворить мать, не разочаровать ее, не обидеть, «принести ей» хорошие отметки — становится задачей ребенка, и задача эта вступает в конфликт с эгоистическими и агрессивными импульсами, присущими всем детям. Поэтому очень важно не стремиться стать «самоотверженной матерью», то есть все свои интересы сомкнуть на детях. Как бы привлекательно это ни звучало, «самоотверженная мать» — понятие, пригодное, скорее, для литературы, причем литературы идеалистической, далекой от реальности. Часто «самоотверженность» матери оборачивается истинной трагедией как для ребенка, так и для нее самой. Отсутствие собственных интересов, социальных контактов, сексуальных отношений, профессиональной удовлетворенности, увлечений волей-неволей заставляет ее искать замену партнера в ребенке. На нем сконцентрировано теперь все ее внимание, но это означает также, что на него возлагаются теперь и особые задачи: от ребенка требуется особая благодарность и он просто «не имеет права» разочаровать мать («я для него пожертвовала всем!»). Поэтому так чрезвычайно важно, чтобы разведенные женщины как можно скорее возвращались к нормальной — «взрослой» — жизни и ни в коем случае не стремились оставаться «только матерями».

5) Ребенок должен учиться не бояться споров и различия мнений! Обычно, если мама или папа злы на маленького ребенка, у него возникает страх: «А будут ли они меня еще любить?» Точно так же он боится своего собственного гнева на родителей: «А вдруг мои злые пожелания исполнятся? Простит ли меня мама или будет мне мстить?» и т. д. Абсолютно нормальные для маленьких детей пожелания смерти (для малыша «умереть» и «исчезнуть навсегда» это одно и то же) постепенно, начиная с четвертого года жизни, вытесняются и их заменяют другие, менее предосудительные, формы. Если в семье все нормально и страшные опасения ребенка не оправдываются, мама и папа

продолжают его любить и на примере их отношений он ви-

190

дит, что за разногласиями всегда следует безоблачное небо примирения, он учится достаточно бесстрашно переживать как конфликты с родителями, так и свои собственные агрессивные импульсы.

Для детей развода это становится чрезвычайно трудным, поскольку уже сам развод стал серьезным свидетельством наказания за злые помыслы, а разногласия родителей привели к полному разрыву отношений, и любовь потерпела крах. В дальнейшем ребенок также не имеет возможности научиться бесстрашному обращению с конфликтами и проявлениями агрессивности, поскольку новые семейные разногласия не только не могут показать ему положительного примера с благополучным исходом, а напротив, они ввергают его самого в мучительный конфликт лояльности.

6) Брак как модель гетеросексуального партнерства. Любовные отношения и супружество — с психоаналитической точки зрения — имеют два бессознательных корня. Во-первых, человек переносит на партнера образцы отношений, усвоенные в детстве, что в известном смысле превращает его в отца, в мать, порой в брата или бабушку. Во-вторых, человек идентифицирует себя с собственными отцом или матерью и с их обоюдными отношениями. Так брак становится центральной бессознательной моделью, по которой строятся все его дальнейшие отношения, и даже в тех случаях, когда дети сознательно не желают в том или ином походить на своих родителей. Когда ребенок растет в более-менее счастливой семье, в нем укрепляется вера в возможность удовлетворительных отношений между мужчиной и женщиной.

К сожалению, в разведенной семье такая модель у ребенка отсутствует, более того, он по-своему убеждается в том, что отношения мужчины и женщины, скорее всего, уже заранее обречены на провал.

7) Так называемое «компенсационное триангулирование» вступает в силу там, где, например, мать по каким бы то ни было причинам, — то ли из-за отсутствия времени, то ли в силу своих личных свойств, — не в состоянии удовлетворить определенные и очень важные для развития ребенка запросы, но зато на помощь приходит отец. Например, если отец часто берет ре-

191

бенка на руки, поет ему песенки и носит его на руках, то ребенок легче переносит неспособность матери к подобной интимности, он меньше упрекает ее и не делает из этого вывода, что она его не любит.

Мы уже говорили о том, что там, где «компенсационное триангулирование» играло важную роль, развод для ребенка особенно драматичен. В этом случае «недостатки» матери становятся очевидными, и ребенок думает так: «Мало того, что я теперь так редко вижу папу, так еще и мама изменилась ко мне...».

8) Мир отца не исчерпывается ролью «третьего объекта» и партнера матери. Он демонстрирует «мужскую» сторону жизни. Несмотря на то, что за последние десятилетия общественное понимание «мужского» и «женского» характера сильно изменилось, тем не менее в любой эпохе существует разделение ролей между мужчиной и женщиной и это касается не только распределения работы по дому. Прежде всего, мужчина или отец представляет собою «внешний мир», он «менее раним» по отношению к проступкам и проявлениям агрессивности со стороны ребенка, а также демонстрирует пример конкурентоспособности и самоутверждения. А пример олицетворения профессионального успеха и общественного положения сегодня играет огромную роль не только для становления характера мальчика, но и девочки.

Эта роль репрезентации «внешнего мира», по мнению Фигдора, вряд ли может быть воспринята третьей персоной, если эта персона женщина. Ребенок, уже начиная с шестимесячного возраста, начинает сознавать различие между понятиями «отец» и «мать», «мужчина» и «женщина». И в дальнейшем, когда он сам станет родителем, его самопонимание себя в данной роли будет зависеть от этих первых впечатлений. Женщина, уже по причине своего голоса и других физических признаков, активизирует в младенце специфические ожидания, направленные на мать. Бывает такое, что тщеславие отца толкает его к намерению уязвить жену, проявив себя «лучшей матерью», но он не может быть матерью иначе, чем это делает женщина, а значит, ему не остается ничего более, как ограничить свою «мужественность» по отношению к ребенку. Следу-

192

ет, однако, заметить, что такой поворот ведет к тяжелым осложнениям как для развития ребенка, так и для семьи в целом.

В бессознательном мужчине ребенок скорее является продуктом, чем частью собственного тела, и поэтому он гораздо в меньшей степени пробуждает в нем инстинкт защиты. Отцы и играют с детьми более рискованно и неосторожно. Таким образом, отец для маленького ребенка становится источником радости и удовольствия, которые происходят «извне», в отличие от тех, что происходят из возможности тесного и нового воссоединения с матерью. Мы видим, что и здесь отец и мать лишь в небольшой степени компенсируют друг друга.

Однако в разведенных семьях в этом отношении все же имеются шансы частичного восполнения дефицита: с одной стороны, если дети достаточно часто видятся с отцом и их отношения продолжают оставаться теплыми, и, во-вторых, если другие мужчины окружения — дедушка, дядя, воспитатель, которым ребенок доверяет и симпатизирует, в этом отношении частично заменяют отца.

9) Как мы уже знаем, в возрасте между четвертым и седьмым годом ребенок проходит так называемую «эдипову фазу» развития, во время которой в нем развивается понятие о собственной сексуальной идентичности: девочка понимает, что она — как мама, а мальчик, что он — как папа. И здесь тройственные отношения чрезвычайно важны. Мы уже говорили, как важно в эти годы присутствие отца, который любит и ребенка, и его мать, и к каким печальным последствиям ведет отсутствие такого отца.

Предположим, развод произошел после благополучного завершения этой фазы, и развитие ребенка находится на должном уровне. «Однако шести- или семилетний ребенок только тогда может бесконфликтно вынашивать свое представление о том, что он «мужчина, как папа», когда он в состоянии в действительности, как «настоящий мужчина», удовлетворять мать, защищать семью, иметь успех и т. п. Пока эти задания выполняет отец, ребенок как бы приобщается к нему, отец в известной степени «магическим» образом приходит на помощь мужским иллюзиям сына. Без этой помощи реальность грозит сорвать такую «мужскую идентификацию» и тогда ущемлен-

ное самолюбие дает мощный импульс для роста идентификации с достижимым сильным объектом — матерью».

Можно подумать, что девочкам в этом отношении легче и отсутствие отца не влияет на ее идентификацию с матерью. Но сексуальная ориентация развивается также и на основе опыта с разнополым родителем, и здесь маленькой девочке, как и маленькому мальчику, приходится бороться с идеализацией или, напротив, с пренебрежением. В первом случае она потом всю жизнь будет искать недостижимый идеал «настоящего мужчины», а во втором — станет презирать всех мужчин в целом, считая их никудышными, никчемными существами. Кроме того, у девочки, покинутой отцом, развивается комплекс неполноценности и на примере матери в ней деформируется представление о женщине вообще: быть женщиной означает быть ущемленной, беспомощной, ненужной и несчастной.

Есть ли шансы преодоления этих трудностей в послеразводной семье? Фигдор считает, в какой-то степени да. Но тут должны быть соблюдены три условия. Во-первых, в отношениях детей с разведенным отцом должна присутствовать известная доля «повседневности» для того, чтобы затруднить им как столь далекую от реальности идеализацию, так и пренебрежение. А для этого отец должен принимать активное участие во всех делах ребенка, включая школьные, и надо иметь возможность почаще говорить об отце с матерью, а также время от времени проводить с отцом короткие отпуска, чтобы встречи с ним были не просто праздничными часами, а обычными буднями. Второе условие: важно, чтобы мать хорошо себя чувствовала как женщина, чтобы у нее были свои личные интересы и увлечения. Мальчика в этом случае перестанет мучить чувство вины, что его одного матери недостаточно, а у девочки появится счастливый пример для подражания. И третье: мать должна стремиться развивать контакты детей с другими положительными мужскими персонами, будь то родственники, знакомые, учителя, руководители кружков и спортивных секций.

Многие матери говорят, что после развода они имеют возможность проводить с детьми больше времени и вообще уделять

194

им больше внимания и что дети, в свою очередь, имеют больше права голоса в житейской повседневности, что развивает их ответственность и самостоятельность. Конечно, это так и, вероятно, не только родители, но и дети наслаждаются таким подъемом в семейной иерархии, что в какой-то степени становится утешением во всех потерях, выстраданных в разводе. Но не имеется ли в этом явлении и своей теневой стороны? Например, если это единственный ребенок, то он

становится как бы «мужем» матери. Тогда, если мать не проводит с ним вообще всего своего свободного времени, это заставляет его страдать от ревности. Раньше, несмотря на ревность, он все же мирился с тем, что у мамы есть отношения еще и с папой, теперь же ему труднее понять, почему мама вместо того, чтобы играть с ним, вдруг берет в руки книгу или предпочитает провести вечер с подругой. Большая интимность в отношениях разведенной матери с ребенком порождает у последнего иллюзию, что мать теперь безраздельно принадлежит ему одному, и если ему вдруг показывают «его место», это переживается как большая обида. Но и матери принесение женщины в себе в жертву матери и превращение ребенка в единственный источник жизненного счастья не несет ничего доброго: ребенок не может вознаградить ее так, как это мог бы сделать только взрослый партнер. А у ребенка, в свою очередь, столь тесная связь затрудняет пути отступления и лишает его чрезвычайно важного опыта радостного одиночества и возможности самостоятельно заниматься каким-нибудь делом. Итак, мы видим, что «исключительные» отношения матери и ребенка таят в себе серьезную опасность, поэтому разумнее всего со временем, когда большая боль уже позади и послеразводный кризис благополучно преодолен, освобожденное место мужа использовать для своих собственных потребностей, а не отдавать его ребенку. И это по двум причинам. Во-первых, если в «новых» отношениях матери и ребенка последнему удалось занять место отца со всеми его расширенными правами, то это приводит к стиранию границ между поколениями. В результате дети уже больше не чувствуют себя детьми, что неизбежно приводит к тяжелым внешним и внутренним конфликтам и отнимает у ребенка право оставаться тем, что он есть, а именно — ребен-

13*

195

ком. И, во-вторых, следует подумать о том, что, может быть, наступит день, когда мать захочет вступить в новое супружество. Если новому мужу матери предстоит занять — пустующее — место отца, временно отданное подругам и увлечениям, то гораздо больше вероятность, что ребенок дружески воспримет «нового пришельца» и тому удастся завязать с ним добрые отношения, что чрезвычайно важно для дальнейшего счастливого развития ребенка.

Напоминаем, что вышеприведенные сравнения касались, с одной стороны, благополучной «полной» семьи и, с другой — семьи после развода, но ни в коем случае не одной и той же семьи до и после развода. Разведенная семья, скорее всего, уже задолго до развода не была такой нормальной, благополучной, хорошей семьей. Поэтому вышеприведенные теоретические раздумья не могут являться ответом на вопрос, должен ли определенный супруг развестись или лучше сохранить супружество «ради детей». Однако они могут помочь ответить на другой вопрос: до какой степени данная семья еще в состоянии удовлетворить условиям благополучного психического развития детей? Фигдор считает, что давно пора отказаться от понятия: «остаться вместе ради детей», и обратить внимание на то, как выглядит ситуация в каждом отдельном случае.

ВЛИЯНИЕ РАЗВОДА НА ПСИХИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ — ОТ РЕБЕНКА К ВЗРОСЛОМУ

Фигдор характеризует развод не просто как тяжелый период жизни, а как судьбу, которая «дает себя знать уже в раннем возрасте, порой даже до рождения ребенка, когда между родителями образовалась трещина, которая и привела к полному развалу отношений. Таким образом, «внутренний» развод часто происходит значительно раньше «пространственного» или юридического. «Судьба» эта характеризуется и тем, что жизненная дорога детей с данного момента становится все труднее. Речь идет о шансах жизнеспособности и способности быть счастливым. Может быть, эти слова звучат и абстрактно, но абстрактны они лишь до тех пор, пока мы об этом абстрактно думаем. У каждого из нас есть свое представление о том, насколько взрослыми и насколько счастливыми мы себя чувствуем. Конечно, счастья невозможно добиться волевым усилием, оно зависит от множества условий, но кто не знает, как по-разному могут переживаться одни и те же обстоятельства, поэтому шансы жизнеспособности и умение быть счастливым имеют под собой духовную и психическую основу».

Конечно, для создания такой основы нет единого пути, как нет единого «правильного» воспитания. Сложные условия развития ребенка до, во время и после развода повышают вероятность нарушений развития и способствуют предрасположенности к будущим невротическим заболеваниям. Дети, пережившие развод родителей, продолжают страдать и много лет спустя, уже став взрослыми. Но мы не пассивные участники в играх властительной судьбы, судьбы наши вершатся не без нашего в них участия. И если родителям удастся создать

приемлемые условия для развития ребенка, то шансы его будущего здоровья возрастают. При неблагоприятных обстоятельствах, прогнозы значительно хуже.

197

Девятилетний Бруно, хоть и довольно трудно пережил развод родителей, состоявшийся два года назад, тем не менее он мог с надеждой смотреть в будущее. Контакты с отцом не были прерваны, мать старалась во всем понимать ребенка и шла навстречу его «капризам», всеми силами сглаживая его страхи. Психическое развитие мальчика до развода протекало достаточно благополучно и можно было ожидать, что и в дальнейшем тоже все будет хорошо. Но вышло по-другому. Отец Бруно съехался со своей новой подругой и та привязалась к ребенку. Этот шаг отца и ответная симпатия ребенка к «сопернице» всполошили мать и заставили ее вновь психически пережить всю боль развода. Она панически боялась, что «комплектная» семья отца полностью завладеет сыном и отнимет его у нее. С этого момента мать уже не в состоянии была прятать свои обиду и гнев на бывшего супруга и предоставлять сыну беззаботно с ним встречаться и оберегать его восхищение отцом. Все чаще между бывшими супругами разгорались преисполненные ненависти ссоры, Бруно реагировал на них обострением переживаний, приступами ярости и отказом учиться. Мать интерпретировала это как знак того, что ребенку вредит новая семейная ситуация отца, всеми силами старалась сократить контакты и — не всегда сознательно — настраивала ребенка против отца. Отец в ответ стремился обеспечить себе солидарность сына. Бруно, как мог, боролся за свои отношения с отцом, что вызывало в нем большое чувство вины перед матерью. Мать же никак не могла простить ему его «неверности». Так шансы ребенка на дальнейшее благополучное развитие были сведены на нет.

Губительны по своим последствиям нескончаемые споры за пересмотр вопроса об опеке. Еще хуже, когда ребенку предлагается «самому решать, с кем он хочет быть — с мамой или с папой». Таким образом он принимает на себя ответственность, а вместе с ней и вину за свое «предпочтение». Уже достаточно тяжело, если он просто говорит в угоду матери: «Мама, я хочу жить с тобой», но совершенно невообразимо его страдание, если он вынужден заявить это перед судом. «Втягивая ребенка в спор за опеку, родители вкладывают ему в руку нож, которым тот в отчаянии убивает в своем сердце одного из родителей. В

198

этот момент он совершает нечто, за что, может быть, будет мстить себе и другим на протяжении всей жизни».

В результате переживаний развода у детей формируются типичные черты характера, например, проблематичным остается обращение с проявлениями агрессивности (в психоаналитическом смысле слова). Если ребенок боится своей собственной ярости, то и став взрослым, он будет бояться показать гнев или раздражение по поводу пережитых неудач или несправедливости, он так и не научится активно защищать свои интересы. Другие дети могут направить агрессивность против собственной персоны, что укрепит в них чувство вины и расплатой станут депрессивные настроения. У некоторых изначальный конфликт может оказаться вытесненным, а на его месте образуется своего рода «перманентная агрессивная готовность к упреку». У таких людей безобидные разочарования принимают форму огромной катастрофы, и они на все реагируют непомерной вспыльчивостью и отчаянием. Эти и другие невротические проявления могут сменять друг друга, комбинироваться и в результате они укрепляются как черты характера. Некоторые дети учатся делить мир на злых и добрых и, соответственно, по отношению к одним проявляют только дружеские чувства, а к другим — только враждебные. Став взрослыми, они сохраняют этот стиль жизни. Или возьмем, например, человека, подверженного чувству вины и направляющего свою агрессивность внутрь себя, т. е. так называемый подчиненный характер. Такие люди стараются всем угодить и в обществе их характеризуют как милых и достойных уважения и любви. Сами они этим тоже очень довольны. Но вот маленькая ступенька вверх, и они уже панически боятся вдруг что-то сделать не так. Еще одна ступенька — и ты уже чувствуешь себя «использованным», а окружающие становятся «неблагодарными». Теперь для защиты от страха уже не хватает упреков лишь по отношению к себе самому и вот уже сыплются «побочные удары» — жалобы не жестокосердие, неблагодарность, людскую несправедливость и т. п. В результате все это стоит любви окружающих, приводит к конфликтам в семье и трудностям в воспитании детей, а в особо тяжелых случаях — к тяжелым депрессиям и стремлению к самоуничтожению.

199

«К специфическим долгосрочным нарушениям, без сомнения, относится чувство собственной неполноценности. Оно появляется, когда ребенок считает себя брошенным, недостаточно

любимым, потому что он был недостаточно важен, чтобы родители могли принести ему в жертву свои собственные разногласия. Вместе с ушедшим родителем он потерял важную часть своей личности, объект идентификации, на который он мог равняться, или того «любовного партнера», который отражал бы для ребенка его привлекательность и ценность. Он чувствует себя никчемным и неполноценным, если родители кажутся несчастными, а чувство вины заставляет бояться совершения новых ошибок. И поскольку все эти представления большей частью остаются бессознательными и никак не связываются с источником, их породившим, то эти дети, становясь взрослыми, на протяжении всей жизни вынашивают чувство вины, считают себя недостойными любви и их мучает страх снова потерпеть неудачу».

Фигдор говорит о том, что ему пришлось столкнуться с тем феноменом, что самочувствие детей разводов напоминает самочувствие дискриминируемых меньшинств или групп общественных окраин. «О стыде детей, у которых нет настоящих семей, мы уже говорили. К тому чувству, что «со мной что-то не в порядке», добавляется часто и другое, которое можно выразить так: «Я живу здесь, среди вас, но, собственно говоря, я, или по крайней мере большая часть меня, принадлежит совсем другой жизни». Этой «другой жизнью» и является отсутствующий отец или отсутствующая мать... Отсюда появляется тенденция исключения самого себя и тенденция к отступлению». Иногда это действительно становится мотивом подключения к группам социальных обочин, но и там старые проблемы вскоре всплывают вновь.

Марио было шестнадцать лет, когда доктор Фигдор начал с ним психотерапевтическую работу. Поводом оказалось «непреодолимое отвращение к учебе» и дисциплинарные проблемы. Ему грозило исключение из школы. Попытки матери повлиять на него заканчивались криком, Марио хлопал дверью и бежал в бильярд-кафе. Задания снова оставались невыполненными. Мать говорила: «Он такого высокого мнения о себе,

200

что думает, все должны плясать под его дудку. Он всех взрослых считает дураками и его не допросишься что-нибудь сделать». И правда, внешне он не выглядел неуверенным. Парень был высок и красив и у него были манеры, удивительные для его возраста. Однако стоило ему почувствовать доверие к доктору, как из-под самоуверенной маски показалось лицо растерянного и ранимого подростка. Хотя он и был «любимцем общества», но на самом деле чувствовал себя ужасно одиноким. Марио казалось, что никто не любит его по-настоящему и ему необходимо вновь и вновь что-то предпринимать, чтобы завоевывать симпатии окружающих. И хотя, как мы уже сказали, он обладал привлекательной наружностью и хорошими манерами, был одарен спортивными талантами и очень нравился девушкам, ему и в голову не приходило, что его дружба может быть очень важна и другим. Как только он садился за уроки, его начинал мучить вопрос, а что сейчас делают другие там, без него? Ему казалось, что самое интересное всегда происходит в его отсутствие, а о нем никто и не вспомнит. Тогда он бросал учебники и бежал в кафе-бильярдную, место обычных встреч с друзьями. Но там никого не было, в это время все сидели за уроками. На следующий день повторялась та же история. Точно так же болезненно и даже яростно реагировал он на всякую критику со стороны взрослых, считая ее проявлением враждебности по отношению к себе.

Родители Марио расстались восемь лет назад. В ходе психоаналитического обследования выяснилось, что мальчик в большой степени идентифицировал себя со своей страдающей матерью, которая чувствовала себя нелюбимой, упрекала весь мир и прежде всего «этих ужасных мужчин». Столь опасную идентификацию Марио стремился компенсировать подчеркнуто «мужественным» поведением. Сделать матери любезность и получше учиться бессознательно означало для него «не быть мужчиной». Но вместе с тем Марио идентифицировал себя и с идеализируемым образом отца, что помогало ему удерживать видимое равновесие. Отец его переселился в Канаду и, как заявил Марио, не имея никакого образования, добился большого успеха. «Он правильно сделал, что покинул эту прогнившую Австрию и мою мать!» Марио считал, что с

201

отцом (виделись они примерно раз в год) они могли бы лучше понимать друг друга, и собирался после школы, которую — сознательно — он все же хотел закончить, тоже уехать из страны. Несмотря на то, что уехать он собирался не обязательно в Канаду, это намерение имело бессознательное значение «воссоединения с отцом» или «возвращения в землю отцов». Там-то уж он никогда не будет чувствовать себя непонятым и отвергнутым!

Бывшие дети разводов в большинстве своем стремятся к счастливому браку и дают себе обещание

не повторить ошибок своих родителей. Однако на дороге к исполнению этих желаний стоят огромные помехи, и они часто терпят крах прежде всего потому, что им неизвестна модель нормально функционирующего партнерства. Анна Мария Д. обратилась к психотерапевту по поводу одолевающих ее депрессивных настроений и жалоб психосоматического характера. С восемнадцати лет у нее были любовные отношения с мужчинами, но она жаловалась, что попадают ей «одни женатики», так что семьи у нее не было и она сделала уже два аборта. В ходе психотерапевтического лечения выяснилось, что она тем не менее лишь тогда может позволить себе иметь эротические желания, когда знает заранее, что длительные отношения невозможны. Хотя она и мечтала о «настоящей семье с детьми», но не верила, что такое возможно. В ней жила непоколебимая уверенность, что рано или поздно ее все равно покинут, поэтому она и не пыталась создать семью.

Такая же история и у Эрика Б. Несмотря на то, что он уже трижды подолгу — от одного до трех лет — жил с женщинами, разрыв каждый раз происходил по его инициативе. Как только дело доходило до каких-либо разногласий, он в страхе вновь оказаться брошенным сам прерывал отношения. Для многих людей прекращение отношений кажется единственной возможностью разрешения конфликтов, идет ли речь о дружеских, любовных или рабочих отношениях.

Альфред Н. в свои 22 года поменял уже три места работы. Каждый раз, благодаря своим замечательным профессиональным качествам, он быстро завоевывал расположение начальства. Но возникновение малейшего недовольства им заставляло его

202

как бы вновь переживать потерю приоритета «любимого сына». Его восхищение шефом превращалось в разочарование и даже ненависть, и он «швырял тому в лицо» свою должность. И свои шансы.

Любимый человек часто становится объектом переноса на него чувств с отца или с матери, и переносы эти ведут к своего рода новым инсценировкам конфликтных ситуаций из детства. Сорокалетняя Мария С. со всеми мужчинами, которых она в своей жизни любила, чувствовала себя использованной и униженной. Вначале она думала, что это судьба и ей просто «падают» «негодные типы», но потом стала сомневаться: «А может быть, это я вечно выбираю не тех?». В ходе психотерапии выявилась связь между ее отношениями с мужчинами и примером собственных родителей. Марии было пять лет, когда родители разошлись. Ее отец легко впадал в ярость, бил дочь и кидался с кулаками на мать, когда та пыталась защитить ребенка. Вначале казалось, что пациентка из всего своего окружения выбирала именно тех мужчин, которые по характеру напоминали ей отца. Но потом выяснилось, что она испытывала унижение и по вполне безобидным поводам. Она чувствовала себя «отлупленным ребенком» даже там, где не было никакой объективной причины так себя чувствовать. Судя по всему, что-то влекло ее к тому, чтобы вновь и вновь переживать свои детские отношения с отцом. Чувствовать себя «отлупленной» стало неотъемлемым условием ее любовной жизни, так что даже если мужчина и не был достаточно активен в этом отношении, она прибегала к инсценировкам или фантазированию. Позднее, когда за сознательной ненавистью Марии С. удалось открыть свою любовь к отцу, вытесненную в бессознательное, она поняла, что в этих «повторениях», сама того не сознавая, пыталась и поныне сохранить образ некогда любимого отца. Таким образом, полная боли разлука становилась как бы несостоявшейся.

Но она сохраняла и еще одну идентификацию, а именно с беспомощной, избиваемой матерью. Из-за обуревающего их чувства вины многие дети, становясь взрослыми, навсегда остаются в плену у представления, что они не имеют права быть

203

счастливее «бедной, покинутой мамы» или «бедного, покинутого отца» и их чувство вины смягчается в результате самонаказания. Однако бывает и наоборот: дети идентифицируют себя со «злым» родителем и сами уничтожают в своей жизни все, что им дорого.

Кроме того, в случаях, когда ребенком в фазе расцвета инфантильной сексуальности переживаются сцены насилия между родителями, в нем закладывается основа для дальнейшего развития садистских или мазохистских наклонностей. Сексуальные фантазии Марии С. тоже носили ярко выраженные мазохистские, а порой и садистские черты.

Едва ли существует в жизни ситуация, в которой не присутствовало бы так называемого «третьего». Поэтому детям, выросшим вдвоем с матерью, очень трудно бывает интегрировать «третий объект» в отношения двоих. И даже в тех случаях, когда этот «третий» вовсе не конкретная персона, а, например, система, фантазируемая личность или личность из прошлого.

Например, одна женщина была вполне счастлива в замужестве, но ее постоянно мучил страх, что она не в состоянии подарить своему мужу так много радости, как его первая жена. Итак, даже интимнейшие отношения часто не обходятся без присутствия «третьего». У тех, кто в детстве пережил конфликты родителей или их развод, отсутствует этот положительный опыт. Кроме того, они особенно тяжело переживают ревность и у них слабо развиты стратегии конкурентных ситуаций. И, что тоже немаловажно, они не умеют извлечь пользу из отношений других, т. е. из своего временного исключения из этих отношений, которое могло бы предоставить покой и время для собственных занятий. Ведь когда они жили в тесных отношениях с матерью, обращение «за ее спиной» к отцу всякий раз было связано с большими страхами. Так и страхи Анны Марии Д. перед длительными отношениями имели и тот корень, что она бессознательно панически боялась оказаться «съеденной» этими отношениями, потерять свою автономию и себя как личность. Ей казалось, что такие отношения не позволят ей сохранить дружбу с другими людьми и свои собственные интересы. С другой стороны, она как бы повторяла свою «эди-

204

пову» любовь к отцу, исключая из нее «мать» в образе жены своего любовника. В то же время она сама становилась своей «бедной матерью», которая тосковала по счастливому браку, но вынуждена была жить одна в то время, как отец был уже женат. Очень многие дети разведенных родителей не умеют поддерживать никаких отношений, кроме партнерских, и все, что имеет значение для любимого человека за пределами этих отношений, приводит их к мучительной ревности.

С другой стороны, бывает и так, что человеку очень трудно сохранить отношение к отсутствующему «объекту», как бы важно и дорого оно ему ни было. Например, Герберт Г. имел привычку каждому, кто ему понравится, тотчас обещать все и вся. «Я сделаю!» — постоянно звучало из его уст. Конечно, в тот момент он так и думал, но реальность показывала другое, кроме того, одни его обещания полностью зачеркивали другие, что приводило к новым конфликтам. Получалось так, что Герберт жил среди изолированных двойственных отношений, которые были чужды друг другу, и при всей своей готовности он не способен был на продолжительную дружбу.

Юрген Ц., сорокалетний мужчина, обратился к психотерапевту после того, как его жена подала на развод. Вначале казалось, речь идет о двух его дочерях, но вскоре выяснилось, что ему хотелось поговорить с доктором и о своих собственных проблемах. «Каждый раз, когда женщина показывает мне, что я ей не безразличен, я не могу ей отказать. И это выглядит так, словно во всем мире нет никого и ничего, кроме нас двоих, и уже никакие соображения — ни о семье, ни о работе — не идут в расчет. Потом, когда я прихожу домой, я ненавижу себя за ложь и совершенно не понимаю, как это я мог так легкомысленно поставить на карту все, что мне так дорого — жену, детей, работу...»

Рождение первого ребенка также является важным событием, которое подвергает проверке способность человека к интеграции «третьего» в отношения двоих. Можно было бы и дальше продолжать перечень ситуаций, которые показывают, какой отпечаток накладывают переживания развода на всю дальнейшую жизнь человека и это почти во всех отношениях.

205

И все же, как это получается, что столь непропорционально большое число взрослых, оказавшихся разведенными, сами когда-то были детьми, пережившими развод? «Чрезмерная уязвимость бывших детей развода, их проблемы в освобождении от дома в пубертатный и подростковый периоды и трудности, проявляющиеся в любовных и триангулярных конstellациях отношений, очень сильно уменьшают шансы когда-нибудь прийти к длительному и счастливому партнерству. Таким образом приводится в движение фатальный круговорот...».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: НОВЫЕ ПАРТНЕРЫ РОДИТЕЛЕЙ

Вопрос, правомерно истекающий из вышесказанного, вероятнее всего, звучит так: как избежать опасностей долгосрочных последствий развода? В основе проблемы находятся два фактора — «комплексность» человеческой души и само «происшествие развода». Каждый «акт» этого происшествия, как мы видели, имеет свою драматургию. Во всяком случае невозможно понять, что происходит сейчас, если не знать того, что было раньше. С другой стороны, невозможно заранее предсказать, чем закончится «пьеса». Дело в том, что действие здесь пишут сами исполнители и очень важно, насколько велика их власть над событиями и ответственность за них. В то же время нельзя думать, что в руках исполнителей находится полная свобода; она ограничена прошлым течением событий, которые невозможно стереть, а также определенными правилами, психологическими закономерностями, хотя и вероятность вариаций чрезвычайно велика. Немалую

роль играет также и свое собственное бессознательное. И только тот, кто умеет взять в расчет свою зависимость от этих факторов, в действительности в состоянии помочь себе и своим детям. Фигдор не прописывает «рецептов», потому что «рецептов» должно было бы быть столько же, сколько существует характеров, но он заканчивает свое повествование четырьмя очень важными советами.

Во-первых, мать, которая думает, что разводом с мужем она сможет сделать как бы недействительным все их тяжелое семейное прошлое, уже заранее обречена на неудачи. Точно так же ее ждут большие разочарования, если она надеется, что развод ничего не значит для детей, или если она предается иллюзии, что отец будет делать то, чего она ожидает, или вовсе растворится в воздухе и ребенок этого не заметит или примет как должное, и что его не будут мучить страх, чувство вины и

207

ненависть, и его любовь к отцу тоже исчезнет, как если бы ее и не было вовсе. Кроме того, матери предстоит понять, что в ней самой происходит много такого, в чем ей, может быть, страшно себе признаться. Если она всего этого не поймет, то вскоре вынуждена будет осознать, что сама превратилась из актера в статиста, поплатившись своими созидательными возможностями, и что пьеса тем временем развилась в трагедию. То же самое происходит с отцом, который отрицает свою зависимость от других персон и от обстоятельств.

Во-вторых, недаром в названии книги Гельмута Фигдора упомянуто слово «надежда», это значит, что всегда есть возможность из того, что произошло, извлечь и нечто хорошее на будущее. Нельзя забывать, что никогда не поздно предпринять то, что поможет детям преодолеть травму развода. И напротив, если предаваться иллюзиям, что «ничего страшного не произошло», то шансы развития детей после развода могут оказаться сведенными на нет.

В-третьих, знаменитый вопрос: «А не лучше ли для детей, чтобы родители, несмотря на конфликты, остались вместе или им все же лучше разойтись?» в корне своем поставлен неправильно и в такой форме ответить на него невозможно. Как мы видели, «разводная драма» начинается уже задолго до самого развода, поэтому Фигдор считает: для того, чтобы родителям остаться вместе, прежде всего должно совершиться примирение. Бывают случаи, когда он и его коллеги приходят к печальному выводу, что для ребенка было бы куда лучше, если бы родители разошлись уже несколько лет назад. Но ни в коем случае нельзя надеяться, что развод ничего, кроме бальзама, не прольет на раны ребенка и он переживет это событие абсолютно безболезненно. Ликвидации переживаний развода тоже не существует. Историю жизни невозможно зачеркнуть. Но если ребенку активно прийти на помощь, то ему наверняка удастся одолеть эту боль и сохранить не только жизнеспособность, но и способность быть счастливым.

В-четвертых, если матери повезет вступить в новый удачный брак, то это предоставит и ребенку новый большой шанс для благополучного развития. Об этом говорят психоаналитические обследования тех семей, где отчиму удалось завоевать до-

208

верие детей. Создание новой полной семьи может дать ребенку то, что он с такой болью потерял в разводе: мужчину, которого он сможет любить и быть им любимым; в семье снова присутствует «объект идентификации» для мальчика и «любовный объект» для девочки; а также столь важный для расслабления конфликтов «третий объект»; и наконец, ребенок имеет перед глазами пример, доказывающий, что в жизни всегда возможно новое начало и отношения между мужчиной и женщиной вполне могут быть счастливыми.

Если ребенок и отчим сумеют друг друга признать и друг другу понравиться, то такое новое супружество уже можно считать удачным. Но, к сожалению, это удастся далеко не всегда, поэтому новый брак родителей часто становится таким же поводом для обращения в воспитательную консультацию или к психотерапевту, как и развод. Но и создание новой семьи не может зачеркнуть развода. Новый супруг матери должен отдавать себе отчет в том, что он может занять только то место, которое отец больше не удерживает, и он не может и не имеет права стремиться заменить отца или отношения, которые развились у ребенка с отцом после развода. И мать, и ее новый партнер должны понимать, что они своим «новым началом» не в состоянии зачеркнуть прошлого матери, им и дальше предстоит сосуществовать с этим прошлым, которое будет продолжать жить в отношениях ребенка с отцом, и этот отец в какой-то степени тоже становится членом их новой семьи. Следует быть также готовыми к тому, что это принесет всем ощущаемые проблемы и конфликты. Однако лишь в этом случае могут исполниться надежды, в широком смысле связанные с новым союзом, как для детей, так и для матери в лице женщины.

ПРИЛОЖЕНИЕ

КОРОТКИЙ ЭКСКУРС В ПСИХОАНАЛИЗ

14*

ЧТО ТАКОЕ ИНФАНТИЛЬНАЯ СЕКСУАЛЬНОСТЬ

, Не пугайтесь, как бы неожиданно ни прозвучали для вас эти слова: речь пойдет о некоторых свойствах, заложенных в человека самой природой, а в природе, как вы сами догадываетесь, ничего бессмысленного или постыдного нет. Тем более не могут быть постыдными знания о ней. Если нам удастся лишить некоторые наши представления присущей им до сих пор сенсационности (в психологическом смысле слова), то многое из того, что еще вчера вызывало страх и недоумение, станет простым и легко объяснимым. Прошли те времена, когда принято было делать вид, что ниже пояса у нас ничего нет. Сегодня у нас достаточно отваги, чтобы признаться в наличии у нас «некоторых» органов и конечно же связанных с ними чувств, поэтому давайте посмотрим, что говорит психоаналитическая наука о том, когда, в каком именно возрасте эти чувства появляются и происходит ли это совершенно внезапно — скажем, в твой тринадцатый или четырнадцатый день рождения, — или все же они развиваются постепенно, начиная с самого рождения...

Еще в 1874 году детскому врачу Линднеру бросилась в глаза схожесть аффектов при сосании младенца и, скажем, сексуальным поцелуем. Фрейд открыл, что «наслаждение сосанием» можно смело поставить в один ряд с другими действиями или ситуациями, которые характеризуются возбуждением в так называемых эrogenных зонах и направлены на получение физического удовольствия. Сосание не только утоляет голод младенца, оно обеспечивает ему наслаждение, в котором тот вскоре развивает самостоятельную потребность. И удовлетворение ее становится необходимым условием для расслабления, позволяющего малышу после кормления сладко заснуть. Сюда добавляются тепло материнского тела, аромат ее кожи,

71?

f

ощущение ее пульса, знакомого еще с дородового состояния и внушающего чувство защищенности.

Родители, которые признают только физические потребности тела и отвергают значение удовольствия и неудовольствия, совершенно не понимают своего ребенка. В малейшем беспокойстве, например, они считают, что ребенок голоден. Некоторые матери продолжают кормить малыша грудью, когда в том нет уже никакой необходимости и тому для удовлетворения потребности в удовольствии вполне хватило бы и пустышки. Ребенка оставляют лежать, когда ему хочется, чтобы его взяли на руки. А как часто молодым матерям приходится слышать «педагогический» окрик: «Не приучайте к рукам!». Котенка между тем к рукам приучать не возбраняется и никто не сомневается, что ему это не только не вредит, но и воспитывает в нем достаточно хороший характер! А мы, взрослые, разве мы не нуждаемся в ласке, особенно когда нам плохо или мы чего-то боимся? И разве она когда-то кому-то вредила? Так как же можно подумать, что беспомощный ваш крохотуля в этой ласке не нуждается? Ведь все вокруг неизмеримо больше и сильнее его, а сам он ничего, ну ничегошеньки не может сам, он целиком зависим от вашей доброты к нему. Каким же опасным будет в его глазах этот мир, он — через маму с папой — не станет в это — самое важное для его развития время — ежеминутно доказывать ему свою доброту!

Если малыш выплюнул пустышку, мать может решить, что он от нее отказался. Но ведь при сосании речь идет о чувственном акте, который — как, кстати, и наши взрослые чувственные потребности — имеет свое время. Младенец, который сейчас выплюнул соску, через минуту будет снова с удовольствием ее сосать. Надо стараться понимать «язык» малыша и учиться чувствовать, чего именно хочется ему в настоящий момент. Не волнуйтесь, этим вы его не только не разбалуете, а, наоборот, создадите основу для ваших дальнейших хороших отношений; вы воспитаете в нем изначальное доверие и тем самым зложите надежный фундамент для его здорового психического развития.

Начиная с третьего месяца, значение так называемых «оральных сенсаций» все больше возрастает. Пустышка (иногда

213

да ее заменяет палец, пеленка и т. п., в психоанализе такой предмет называется «переходным

объектом») становится неизменным провожатым при засыпании, она как бы заменяет собой любимое существо, маму, с которой приходится расставаться на ночь. Пустышка несет ребенку утешение.

Особенная чувствительность зоны рта делает его в конце концов важным органом постижения мира: посредством рта ребенок знакомится с окружающими предметами — «дети все тащат в рот». Присущее этому счастливое возбуждение является важным двигателем новой радости открытий, чему в большой степени способствует именно чувственный (иными словами, сексуальный) компонент. В психологическом смысле здесь происходит перенос любовной энергии с матери и с собственного тела на окружающий мир. Но происходит это лишь в том случае, если потребности малыша в ласке в достаточной степени удовлетворяются и ему не приходится тратить свою душевную энергию на борьбу за удовольствие, в котором ему отказано. То есть если вы будете брать ребенка на руки только тогда, когда он вас к этому вынуждает, то есть кричит и плачет, то вы действительно его «разбалууете». А именно: он поймет, что в крике заключается его власть над вами, и он будет учиться ее использовать. Посмотрите, сколько вокруг матерей, которые буквально борются со своими маленькими детьми за власть: «Мы еще посмотрим, кто из нас главный!». И это пагубно для обоих, хотя и происходит это чаще всего не «по злобе», а исключительно от непонимания запросов и психических потребностей ребенка. Или из-за неверных «педагогических» взглядов.

Однажды я гуляла с моим — тогда полуторагодовалым — сыном в одном из московских парков, как вдруг незнакомая женщина обратилась к моему малышу: «Ой, такой большой мальчик и все еще сосет соску! И не стыдно тебе? Плюнь сейчас же!». Я растерялась в ответ на это грубое вмешательство в автономию нашей семьи, а сын мой, пристыженный, и впрямь выплюнул соску и с тех пор ни разу ее не взял. Засыпая, он стал сосать свой пальчик. Ну что поделаешь с этими прохожими «педагогами»!

А вот другой, весьма распространенный «педагогический» совет: «Не беги на первый его крик, дай покричать!

214

Это развивает легкие». Но, если бы вы знали, какой страх испытывает младенец, когда он застигнут врасплох голодом или другими своими потребностями, а на помощь ему никто не идет, вы никогда не стали бы ни давать, ни выполнять подобных советов. Мать считает, что малыш может потерпеть, пока она закончит стирку — ведь это всего лишь какие-то несколько минут, но для младенца эти минуты — вечность, и он, такой беспомощный, потерял в этом враждебном, холодном мире совершенно один. Если же в первые шесть месяцев в ребенке воспитано доверие к этому миру и он не кажется ему чужим и враждебным, то он в состоянии начать с ним свой спокойный «диалог». И если оральные потребности в наслаждении в достаточной степени удовлетворены, они постепенно теряют для него свое психическое значение.

На втором году жизни источником высшего наслаждения становится другая область тела малыша — слизистая анального отверстия. Природа так распорядилась, что ребенок получает удовольствие от тепла стула и подмывания, от задерживания и выталкивания кала. Кроме того — не смейтесь! — ребенок очень интересуется своими испражнениями — ведь это его первая «продукция». Если принять во внимание «эротический» аспект удовольствия освобождения от стула, то станет очевидным, что воспитание чистоплотности означает грубое вмешательство в до сих пор — как мы надеемся — вполне удовлетворяющую жизнь влечений ребенка.

Во-первых, вместо того, чтобы согласоваться с его собственными потребностями, от него требуется освобождение от стула по внешним правилам.

Во-вторых, то, что вызывает у ребенка интерес и радость, взрослыми характеризуется как «фу», а это значит, малыш начинает переживать как «фу» себя самого. Причем}брезгливость исходит из «высочайшей инстанции» — от родителей.

В-третьих, впервые родители требуют от ребенка, чтобы он отказался от чего-то, что для него и радостно, и дорого, — он должен отдать что-то очень замечательное, «сделанное» им самим. Но в этом возрасте он еще психически не готов к тому, чтобы вообще что-нибудь отдавать.

215

Смеяться над этим станет лишь тот, кто совершенно не понимает детской души. В этом возрасте ребенок еще не развил в себе логического мышления, и он постигает мир исключительно через чувства, из которых самое могучее в природе то, которое мы именуем «эротическим».

Значение анальной эротики или ее «цивилизации» влияет на развитие ребенка в двух отношениях.

Во-первых, если родители, приучая ребенка к «чистоплотности», не дожидаются, чтобы анальные

интересы детей утратили свое значение, а физический контроль над закрыванием мышцы функционировал без проблем (что происходит с середины третьего года жизни), они добавляют еще один источник разочарования к, и без того трудной, «фазе нового приближения»¹². Во-вторых, возникает большая опасность, что ребенок перенесет на область чистоплотности естественные для этого возраста агрессивные конфликты с матерью, и здесь, надо сказать, власть его безгранична. Но это далеко не все. Когда ребенка слишком рано начинают высаживать на горшок, к нему предъявляют те требования, которые сильно превышают его возможности — не только психические, но и физические. Вынужденный отказ от радости и удовольствия вызывает протест, раздражение, ярость, а требование — непосильного для него — контроля над своим телом — ужасный страх: невыполнение родительских требований грозит если не прямым наказанием, то, вероятно, потерей их любви и привязанности. А это означает — остаться одному в этом мире.

" Фазой нового приближения именуется возраст от приблизительно полутора — до трех лет. С развитием двигательного аппарата малыш открывает для себя радостные возможности собственной самостоятельности. Он отдаляется от матери, считая, что теперь может вес сам. Но потом наступает «протрезвление»: дверь не открывается, ботинки не зашнуровываются, и ребенок понимает, что без мамы он все же пропадет. Тогда он снова «виснет» на ней «как маленький». У матерей, которые не понимают закономерностей психического развития детей, такая потеря приобретенной было самостоятельности часто вызывает раздражение, они силой пытаются снова «облагодетельствовать» свое дитя, что ведет к конфликтам и агрессивности с обеих сторон. Ребенок, в свою очередь, отчаянно борется за близость матери, и у них начинается настоящая борьба за власть.

216

В результате отказ от удовольствия и вытеснение анальных влечений развивает такие страхи, которые вполне могут привести к нарушениям психического развития, вплоть до патологических изменений личности. Человек психически как бы «застывает» в этой фазе развития, характеризующейся, прежде всего, борьбой за автономию, за удовлетворение потребностей и борьбой за «добрую» мать¹². Недаром эта фаза развития в психоанализе именуется анально-садистской. Вытесненные влечения могут найти изощренные ходы в бессознательные фантазии, что грозит развитием невротических симптомов — от развития ригидного характера до разного рода садистских и мазохистских наклонностей. Известно, что люди, в детстве пережившие жестокости, в дальнейшем сами жестоки по отношению к другим или подвержены тенденции самоуничтожения. Насильственное высаживание ребенка на горшок в слишком раннем возрасте переживается им именно как ужасающая, ничем не объяснимая жестокость. И это в том возрасте, когда идет строительство фундамента всего его будущего.

На третьем году жизни большинство детей начинает интересоваться тайной рождения и различия полов.

Все дети сегодня достаточно рано узнают, что они вначале растут в животе у мамы, но они ничего не знают о том, как они туда попали или как они оттуда вышли.

Отсутствие информации о мужской функции зачатия, о невидимом отверствии женского тела, а также о соответствии пениса мальчика скрытым половым органам девочки часто приводит детей к чудовищным теориям. Мало того, что дети часто полагают, что ребенок вырастает в материнском теле от определенной еды или его потом оттуда вырезают (что вызывает огромные страхи или чувство вины перед матерью), они часто также верят, что ребенок рождается через (единственно известный) задний проход. Можно себе представить, какое страшное чувство неполноценности рождает это у ребенка! «Магический способ мышления детей, т. е. происходящее от незнания природы представление о том, что все существую-

¹² Мы знаем, что скрытой, психологической, целью всех скандалов — особенно домашних — является борьба за возвращение добрых отношений.

217

щее сделано, — пишет Гельмут Фигдор, — заставляет детей думать, что девочкам пенис не достался или он у них был отнят, в чем конечно же виноваты родители, и прежде всего на мать. Между прочим, разницу между мальчиком и девочкой дети не переносят на отца и мать автоматически, более того, многие маленькие дети фантазируют мать с пенисом.

Эти инфантильные «сексуальные теории» должны быть опровергнуты реалистическим объяснением, но объяснение должно быть щадящим, соответствующим детскому пониманию. Прежде всего, оно должно касаться оплодотворения, процесса рождения и конечно же наличия

женского полового органа, который соответствует мужскому, что утверждает «равноценность» девочки и мальчика. Фигдор предлагает так: «У девочки вместо пениса маленькое гнездышко, где позднее, когда она станет взрослой, будут расти детки...» или нечто в этом роде.

Если этого не сделать, то из детских теорий вырастает ряд психических проблем, среди которых главная — так называемый комплекс кастрации: девочки — конечно же бессознательно — завидуют мальчикам, что у тех «больше», и хотя мальчики очень гордятся тем, что они мальчики, но ужасно боятся — опять же бессознательно — потерять свой драгоценный орган, делающий их таковыми.

Комплекс кастрации у девочек часто приводит к чувству неполноценности, к сознательным или бессознательным упрекам в адрес (ответственной за рождение детей) матери, к сожалениям по поводу собственного «невезения» и т. д. Мальчики же так гордятся своим «преимуществом», что не упускают момента продемонстрировать это девочкам — высокомерием и пренебрежением к ним. Но в то же время они страшно боятся, что те «отнимут» у них их мужественность. Ведь отнял же ее кто-то у них! (Может быть, за «плохое поведение»?)

В этом возрасте дети открывают для себя гениталии в качестве плотских зон наслаждения и поэтому фантазии, вращающиеся вокруг различия полов, приобретают дополнительное значение.

Диана Олеговна ВИДРА

ПОМОЩЬ РАЗВЕДЕННЫМ РОДИТЕЛЯМ И ИХ ДЕТАМ:

от трагедии к надежде

Директор издательства: Бурняшев М. Г.

Компьютерная верстка и техническое редактирование:

Булицына Т. Ю. Дизайн обложки: Куцин А. П.

Редактор: Видра Д. О. Корректор: Зыкова М. В.

Сдано в набор 12.01.2000. Подписано в печать 31.08.2000.

Формат 60х90/16. Бумага офсетная. Тираж 5000 экз.

Печать офсетная. Печ. л. 14. Заказ № 3435.

Лицензия Л Р № 065485 от 31.10.97 г.

ЗАО «ИНСТИТУТ ПСИХОТЕРАПИИ»

123336, Москва, ул. Таежная, 1.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных диапозитивов
в Смоленской областной ордена «Знак Почета» типографии им. Смирнова. 214000, Смоленск, пр-т
им. Ю. Гагарина, 2.